

Владимир СИМИНДЕЙ

Огнем, штыком и лезвием

Мировые войны
и их националистическая
интерпретация в Прибалтике

МОСКВА
2015

Серия «Восточная Европа. XX век» издается с 2011 г.

Выпуск 7

Научное издание

Рецензенты:

д. и. н. М.И. Мельтюхов

к. и. н. А.И. Петренко

Симиндей В.В.

Огнем, штыком и лестью. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике / В.В. Симиндей. М.: Фонд «Историческая память»; Алгоритм, 2015. 352 с. (Серия «Восточная Европа. XX век». Вып. 7.)

Почему в годы Первой мировой войны случаи военного коллаборационизма с немцами литовцев, латышей и эстонцев были почти исключены, однако возникли (про)германские политические прожекты с их участием? Сказались ли на дальнейшем массовом сотрудничестве с нацистами идейные заимствования в Германии и фашистской Италии, официозный национализм, готовность руководства прибалтийских государств идти в фарватере гитлеровской политики в 1939 г., советские репрессии в 1940–1941 гг.? Как прибалтийская националистическая «оптика» искажает события и оценки двух мировых войн в этом регионе? Какие представления доминируют в местной исторической памяти и историографии? Автор на основе разнообразного фактического материала (в том числе на латышском, литовском и эстонском языках) предпринял попытку ответить на эти и связанные с ними вопросы.

Книга предназначена для ученых, студентов и широкого круга читателей, интересующихся историей России и Прибалтики в XX веке, современными исследованиями войн, сопротивления нацистам и сотрудничества с ними в этом регионе, вопросами государственной исторической политики и исторической памяти в Латвии, Литве и Эстонии.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	5
I. ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ	7
Прибалтийский край и Литва в годы Первой мировой войны	7
Латвия, Литва и Эстония в контексте внешне- политических и военных проблем (1933–1941).....	37
Сотрудничество с нацистами и оправдательная историография: региональные феномены	86
«Покушение» на историю: сквозь баррикады национально-цехового монополизма.....	135
II. ГРАНИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	153
Латышский легион СС в историко-политических оценках и попытках глорификации	153
Государственная историческая политика Латвии: принуждение к «правильному» прошлому.....	182
Войны XX века и «национальная предыстория» в латвийских учебниках	219
III. РЕЦЕНЗИИ	251
Улманисовский переворот в опубликованных источниках и исследованиях [<i>Apvērsums. 1934. gada 15. maija notikumi avotos un pētījumos /</i> <i>Sast. V. Ščerbinskis, Ē. Jēkabsons. Rīga: Latvijas Nacionālais</i> <i>arhīvs; Latvijas arhīvistu biedrība, 2012. 575 lpp.: il.</i> (<i>Vēstures avoti, 7. sēj.</i>)]	251

Об одном ценном научном издании воспоминаний [Левенштейн М. У края бездны. Воспоминания узника Рижского гетто и фашистских концлагерей / Науч. ред. и послесл. П. Полян, сост. П. Полян, В. Панкратова, Т. Равичер, предисл. А. Шнеер, коммент. А. Шнеер, П. Полян. М.: ГАММА-ПРЕСС, 2012. 200 с.]	263
«Вторичная европеизация» российско-латвийской истории: как это делается [Puga A. Eiroņa: Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums. Dokumenti, liecības un atziņas. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010. 208 lpp.]	269
Судьбы русской интеллигенции на территории Эстонии в контексте военно-политических потрясений [Пономарева Г. М., Шор Т. К. Русская печать и культура в Эстонии в годы Второй мировой войны (1939–1945) = Vene truisona ja kultuur Eestis II Maailmasoja ajal (1939–1945). Tallinn, 2009. 236 с.]	274
Полицейские форматы литовской коллаборации [Станкерас П. Литовские полицейские батальоны, 1941–1945 годы. М.: Вече, 2009. 304 с.]	282
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	290
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.....	299
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	320
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	333

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В XX веке множество военных и мирных сюжетов в истории Прибалтики было самым тесным образом переплетено, связано с Россией, СССР и Германией. Две мировые войны оставили по-разному тяжелые следы в прошлом народов наших стран. В этой связи представляет определенный научный и общественный интерес то, какие интерпретации причин, хода и последствий мировых войн преобладают в современной прибалтийской историографии, а какие остаются на периферии. Во всяком случае, автор поставил перед собой задачу разобраться в национальной и националистической «оптике», сквозь которую рассматриваются ключевые проблемы данной тематики. В ходе работы над книгой предстояло затронуть и вопрос о том, соблюдается ли баланс локальных, региональных, национальных, европейских и мировых перспектив в изложении фактов прошлого в условиях предвзятого отношения к России/СССР.

Почему в годы Первой мировой войны случаи военного коллаборационизма с немцами литовцев, латышей и эстонцев были почти исключены, однако возникали (про)германские политические проекты с их участием? Сказались ли на дальнейшем массовом сотрудничестве с нацистами идейные заимствования в межвоенный период из Германии и фашистской Италии, лезть в их адрес, официальный национализм, готовность руководства прибалтийских государств идти в фарватере гитлеровской внешней политики в 1939 г.,

наконец, советские репрессии в 1940–1941 гг.? Какие представления доминируют в местной исторической памяти и историографии? Как прибалтийская националистическая «оптика» искажает события и оценки двух мировых войн в этом регионе? Как сочетается апология сотрудничества с немецкими нацистами и русофобия в государственной исторической политике, учебниках истории? Кто именно «опрокидывает» в прошлое современные политические установки? Автор на основе разнообразного фактического материала (в том числе на латышском, литовском и эстонском языках) предпринял попытку ответить на эти и связанные с ними вопросы.

Книга предназначена для ученых, студентов и широкого круга читателей, интересующихся историей России и Прибалтики в XX веке, современными исследованиями войн, сопротивления нацистам и сотрудничества с ними в этом регионе, вопросами государственной исторической политики и исторической памяти в Латвии, Литве и Эстонии.

І. ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Прибалтийский край и Литва в годы Первой мировой войны

Мировая война, ставшая роковым периодом в истории царской России, коренным образом повлияла на социально-политические процессы в Прибалтийском крае, на самосознание его населения и предопределила передел восточного побережья Балтики, с XVIII века находившегося под властью российских императоров. Глубина и трагизм деформации прибалтийских окраин России особенно ярко отражается в латвийском сюжете, так как именно на территории будущей Латвии длительное время велись боевые действия (в отличие от Литвы, в 1915 г. почти полностью захваченной германскими войсками, или Эстонии, столкнувшейся с немецкой оккупацией в основном только в феврале 1918 г.).

Вместе с тем события Гражданской войны и разного рода интервенций (немецкое, французское, британское и американское военное присутствие в регионе), обозначаемые в официальных документах и национальных историографиях как «Освободительная война»¹, формирование различных органов власти, военно-политическое поражение коммунистов и события середины XX века заметно вытеснили Первую мировую войну на периферию общественного сознания. Данная тематика лишь опосредованно использовалась властями

¹ См., например: Eesti ajalugu. V. Pärissorjuse kaotamisest Vabadussõjani. Tartu: Plutaa, 2010; История Латвии: XX век. С. 120–135. Благодарю Илью Никифорова (Таллин) за помощь в работе с эстонскими источниками и литературой.

и оппозиционными группами в политической мифологии создания независимой государственности. Исключением, пожалуй, может служить лишь миф о латышских стрелках, своеобразным ответвлением которого стал уже советский миф о красных латышских стрелках. Не отрицая их соучастия в кровавых событиях Гражданской войны в России, особое внимание в официальной латвийской историографии обращают на их неучастие в расстреле царской семьи в Екатеринбурге. В остальном, можно сказать, продолжается «тотальная героизация в мемориализации». Так, в IX ежегоднике Военного музея Латвии опубликована статья под интригующим названием: «Латышские стрелки – интернационалисты или националисты» (по версии автора, национализм «проскальзывал» через большевизм)². А летом 2013 г. вышла в свет и с большой помпой была презентована в Военном музее Латвии книга-альбом «Собирайтесь под латышскими знаменами!»³, содержащая более 1,6 тыс. фотографий, репродукций и документов из различных музеев и частных коллекций.

Несмотря на распространение в Эстонии и Литве, а в особенности – в Латвии⁴ различных негативистских представлений, например, о «четвертой большой трагедии, серьезно угрожавшей выживанию латышей»⁵ и о «русских генералах, специально не жалевших наших боевых парней», в целом проблематика Первой мировой войны не относится к числу по-

² *Kriģere I.* Latviešu strēlnieki – internacionālisti vai nacionālisti // *Latvijas Kara muzeja gadagrāmata*. IX. Rīga, 2008. 11. – 19. lpp.

³ См.: *Pulcējaties zem latviešu karogiem!* Rīga, 2013.

⁴ «Потери латышских стрелков – около 2000 убитыми и 7000 ранеными – были бессмысленны. Многие считали, что верховное командование русской армии сознательно стремилось уничтожить латышские полки. Хотя сознательное предательство не было доказано, возмущение латышских стрелков было обоснованным. Оно также имело большое значение в последующих событиях» (см., например: *Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А.* Основные вопросы истории Латвии: учеб. пособие. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 57).

⁵ После борьбы латышских племен XIII в., длительной Ливонской войны и чумы, сопровождавшей Северную войну: *Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900–1918* // 20. 20. gadsimta Latvijas vēsture. Rīga, 2000. 537. lpp.

литически конфликтных для отношений с Россией вопросов. В связи с этим период 1914–1918 гг. практически не использовался в недружественных выпадах в адрес России по мере создания и реализации новой исторической политики (с 1991 г.).

Подобная «сдержанность»⁶ особенно заметна на фоне навязчивого внимания к Рижскому мирному договору от 11 августа 1920 г. как якобы до сих пор действующему международно-правовому акту и «краеугольному камню латвийской государственности»⁷, а также из-за заикленности властных кругов и официальной историографии стран Балтии на событиях 1939–1940 гг. и «оккупационной» риторике в адрес Москвы. В данных условиях, несмотря на иные разногласия и споры, все же представляется возможным проведение совместных мемориальных акций, увековечивающих память воинов Великой войны.

Эстония: на периферии военных действий

Территория нынешней Эстонии (Эстляндская губерния и северная часть Лифляндской) фактически находилась в прифронтовой полосе, а острова Моонзундского архипелага – Даго и Эзель – в 1917 г. подверглись германской оккупации. В эстонской исторической науке эти сюжеты всегда

⁶ Стоит отметить, что в первом томе официального академического труда Института истории Латвии Латвийского университета, посвященного событиям 1900–1918 гг., из 869 страниц времени и событиям Первой мировой войны отведено менее 100 (см.: *Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai ...* 537–631. lpp.).

⁷ Так, 11 августа 2010 г. глава МИД Латвии А. Ронис в своем выступлении по случаю 90-летия со дня подписания мирного договора с Советской Россией, позволившего временно отторгнуть от России исторические земли Псковщины (Пыталово и окрестности), назвал его «частью генетического кода латвийского государства» и «священным писанием» Латвии (LETA, 11 августа 2010 г.). Особенно навязчиво этот и подобные ему тезисы раскручиваются в брошюре А. Пути, в которой неоднократно встречаются политические рассуждения на предмет «непреходящего значения» и даже «сохранения до сих пор в силе» этого договора с Советской Россией (см. рецензию на книгу А. Пути: *Puga A. Eiropa: Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums. Dokumenti, liecības un atziņas*. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010 // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1 (4). С. 174–176).

находились на периферии политического и научного интереса, хотя и отмечалась, например, стратегическая важность Таллинского военного порта и иной смежной военной инфраструктуры именно для России: «В предвоенные годы в Северной Эстонии были проведены невиданные по масштабу строительные работы по сооружению оборонительных укреплений и строительству шоссейных и узкоколейных дорог. На разные объекты строительства были привлечены помимо военных десятки тысяч человек – как местных, так и приехавших из внутренних губерний России. В Таллине быстрыми темпами были построены три кораблестроительных завода для крейсеров, миноносцев и подводных лодок»⁸.

Однако в постсоветский период не обнаружено глубоких и одновременно детальных исследований Первой мировой войны. При этом февраль – март 1917 г. в Петрограде и события окончания войны на территории Эстляндии и части эстоноязычных районов Лифляндии использовались и продолжают использоваться для выстраивания национальной мифологии создания эстонской государственности в период 1918–1920 гг.

Во всяком случае эстонская историческая мысль пока не знает такого уровня книг, посвященных политике и государственному управлению в период Первой мировой войны в Прибалтийском крае, подобных, например, работе А. Бахтуриной «Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)»⁹. Не удалось обнаружить серьезных эстонских изданий – монографий или статей – посвященных политике немецких оккупационных властей как в Курляндии (частично в Лифляндии), так и на эстонских островах. Исключо-

⁸ Граф М. Эстония и Россия. 1917–1991: анатомия расставания. Таллин: Argo, 2007. С. 22.

⁹ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.

чение, пожалуй, составляет изданная Сааремааским музеем работа Х. Ояло «Сааремаа в огне войны. Осень 1917 г.»¹⁰.

Трудно найти и специальные исследования, посвященные конкретным проявлениям военно-экономической политики Российской империи, военным операциям в период Первой мировой войны в Эстонии или Прибалтике в целом, за исключением узкоспециальных публикаций в региональном журнале «Балтфорт», да и то зачастую они принадлежат российским авторам¹¹. И это несмотря на то, что в Таллине (Ревеле) была сосредоточена техническая база Балтийского флота, возведен специализированный военно-морской Русско-балтийский завод, а также завод «Ноблесснер» по строительству подводных лодок и многие другие.

В эстонской историографии не принято уделять особого внимания тому, что предвоенный и военный рост промышленного производства в Ревеле выразился и в резком изменении демографической ситуации. Так, в промышленные центры Эстонии наряду с местным пролетариатом были приглашены и тысячи высококвалифицированных рабочих, техников и инженеров из Центральной России. Достаточно сказать, что в период немецкой оккупации 1918 г. и за несколько месяцев, ей предшествовавших, из одного только Ревеля в Россию эвакуировалась и бежала почти треть населения города – около 50 тыс. человек, в основном русских.

Как известно, в период с 1914 по 1918 г. в российскую армию было призвано в общей сложности до 100 тыс. мужчин-эстонцев. Национальные части (полки) были сформированы только в 1917 г. с согласия Временного правительства. Они дислоцировались в Эстонской губернии в границах, установленных Временным правительством, и в крупных

¹⁰ Ojala H. Saaremaa sõjatules. Sügis 1917. (Saaremaa Muuseumi toimetised. 4.) Kuressaare, 2008. 226 lk.

¹¹ См., например: Новиков П.А. Несостоявшаяся десантная операция русской армии в Курляндии летом 1916 г. // Baltfort. 2012. № 3 (20). С. 24–34.

войсковых операциях участия принять не успели. Поэтому эстонская историография, в отличие от латвийской, не уделяет большого внимания действиям эстонских подразделений в Первой мировой войне, акцентируя внимание на политической роли эстонских полков в период второй половины 1917 г. и начала 1918 г.

Тема Первой мировой войны обычно рассматривается эстонскими историками либо в обобщающих работах по истории Эстонии в целом¹², либо в «Освободительной войне 1918–1920 гг.» в частности. Так, подробно рассматривается история Эстонии в период Первой мировой в многотомном издании «История Эстонии» (т. 5: «От падения крепостного права до Освободительной войны»)¹³.

Как уже отмечалось, собственных обобщенных исследований Первой мировой войны эстонская историография не знает. Однако на эстонский язык переведены наиболее популярные работы американских, английских, немецких и финских авторов. Например, в 2011 г. был издан перевод с финского М. Харьюла «Эстония 1914–1922: мировая война, революция, независимость и Освободительная война»¹⁴. Или перевод с французского мемуаров М. Палеолога «Царская Россия во время мировой войны»¹⁵ (Таллин, 2010). (Мемуаристика вообще любимый жанр эстонских исторических издательств.) Ряд краеведческих работ посвящен инфраструктурным объектам периода Первой мировой войны. К таким работам можно отнести, например, брошюру М. Эйнсалу и О. Орро «Рохукюла. Забытая военная гавань Российской империи и другие архитектурные жемчужины»¹⁶. В качестве

¹² См., например: *Граф М. Эстония и Россия...*

¹³ Eesti ajalugu. V, Pärissorjuse kaotamisest Vabadussõjani. Tartu: Ilmamaa, 2010.

¹⁴ *Harjula M. Eesti 1914–1922: maailmasõda, revolutsioonid, iseseisumine ja Vabadussõda.* Tallinn: Tänapäev, 2011.

¹⁵ *Paléologue M. Tsaaririik maailmasõjas.* Tallinn: Kunst, 2010.

¹⁶ *Eensalu M., Orro O. Rohuküla: Vene impeeriumi unustatud sõjasadam ja selle säilinud arhitektuuripärlid.* Tallinn: Eesti Arhitektuurimuuseum, 2013.

мемуаров в 2009 г. опубликованы и дневниковые записи офицера-эстонца Ю. Тырванда «Участие в боях Первой мировой войны и в частях под командованием генерала Корнилова: дневник»¹⁷. Особое внимание уделяется, как обычно, памятникам этнической истории. Так, эстонский историк Я. Росс выпустил в Кельне на английском языке брошюру и лазерный диск с записями голосов эстонцев, содержащихся в немецких лагерях для военнопленных в 1916–1918¹⁸.

Сравнительно подробное описание боевых действий в прибрежных эстонских водах представлено в работе местного морского историка М. Ыуна и Х. Ояло «Сражения на Балтике 1914–1918: Первая мировая война в прибрежных водах»¹⁹. Х. Ояло является и автором выпущенной в Тарту в 2007 г. истории подводной войны («В тени моря: подводная война на Балтике 1914–1919 и 1939–1945»), в которой весьма детально раскрывается эта тема²⁰.

Собственно внутривойсковым аспектам Первой мировой войны посвящена статья К. Яансона «Эстонец Александр Кескюла и Берлин: дебют (сентябрь 1914 – май 1915 г.)», опубликованная в журнале «Tuna»²¹. Статья посвящена малоизвестному историческому эпизоду, когда социалист А. Кескюла задолго до А. Парвуса попытался начать переговоры с Германией, чтобы побудить ее оказать помощь революционерам. Однако главный акцент автор делал на национальной революции, что, по справедливому мнению историка Яансона, не совсем соответствовало германским интересам: в Бер-

¹⁷ *Tõrvand J. Võitlustest Esimeses maailmasõjas ja kindral Kornilovi väes: päevaraamat. Tallinn: Grenader, 2009.*

¹⁸ *Encapsulated voices: Estonian sound recordings from the German Prisoner-of-War camps in 1916–1918 / ed. by Jaan Ross. Köln [etc.]. Böhlau, 2012.*

¹⁹ *Õun M., Ojalo H. Võitlused Läänemerel 1914–1918: Esimene maailmasõda koduvetes. Tallinn: Olion, 2011.*

²⁰ *Ojalo H. Varjud meres: allveesõda Läänemerel 1914–1919 ja 1939–1945. Tallinn: Grenader/Astlandia, 2007.*

²¹ *Tuna: Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Национальный архив. Тарту; Таллин, 2006. С. 66–91. На рус. яз.*

лине опасались, что энергия национальной революции обратится против местных остзейских землевладельцев.

Такие темы, как «Февральская революция и рождение Эстляндской национальной губернии», «Постановление Временного правительства России от 30 марта 1917 г. – краеугольный камень эстонской государственности», «национальный вопрос в партийных программах», «выборы и политические столкновения», «борьба за различные формы государственности» и др. рассмотрены в книге М. Графа «Россия и Эстония. 1917–1991: Анатомия расставания»²². Автор приходит к следующим выводам: *«После революции и Гражданской войны в России Эстония путем тяжелых военных потерь и сложных дипломатических переговоров приобрела статус самостоятельного государства. Для маленького народа, который до Первой мировой войны не имел даже автономии, не говоря уже о государственности, это было большим достижением. Создание национального государства дало эстонскому народу возможность развивать собственную культуру и экономику, избавиться от угрозы потери собственной идентичности в составе Российской империи»*²³. Однако М. Граф не удержался от «прогностических» домыслов в стиле апокалиптической альтернативной истории: *«Какая судьба ожидала бы страну, если бы в Эстонско-русской войне 1918–1920 гг. победили красные и Эстония стала бы советской республикой? При таком исходе событий последствия для эстонцев оказались бы самыми трагическими, и под сомнение было бы поставлено само существование эстонской нации. Учитывая то обстоятельство, что в Советской России (СССР) беспощадно наказывали людей, да и целые народы, за так называемые контрреволюционные преступления, эстонцев ожидали бы репрессии и переселение во внутренние районы России»*²⁴.

²² Граф М. Эстония и Россия...

²³ Там же. С. 320.

²⁴ Граф М. Эстония и Россия... С. 320–321. Автор, используя такое понятие, как

Приведенные примеры дают, на наш взгляд, достаточное представление об основных трендах в эстонской историографии данной тематики, так и не вышедшей в большинстве своем за рамки банального этноцентризма, националистических интерпретаций и, в лучшем случае, узкого краеведения.

Литва: оборона Ковенской крепости и долгая немецкая оккупация

Круг интересов литовской историографии Первой мировой войны определяется в основном литуаноцентричностью, а сквозь эту призму – и ходом боевых действий на территории Литвы в 1914–1915 гг., подробностями отношений литовских властей («Литовская Тариба») с немцами в 1918 г. – от провозглашения 16 февраля 1918 г. Литвы отдельным государством, а 11 июля – королевством с приглашением на престол немецкого принца до отмены 2 ноября такого решения²⁵.

При этом до сих пор классическими и даже непревзойденными считаются работы межвоенного периода, например «Литва в Великой войне» 1939 г.²⁶ или эмигрантский выпуск 1970 г. «Литва в узде царя и кайзера»²⁷. Именно они задали ориентиры дальнейшего формирования националистических и антироссийских мифов в современном восприятии событий Великой войны и ее последствий литовскими историками и обществом.

Особое внимание у местных историков вызывает оборона Ковенской крепости, подаваемая (не без оснований) как центральное событие всех боевых действий на территории

«Эстонско-русская война 1918–1920», некорректно смешивает в одно целое различные аспекты Гражданской войны, германской оккупации и интервенции.

²⁵ Lietuvos istorija. Ilustruota enciklopedija. Vilnius, 2012. P. 244–245.

²⁶ Lietuva Didžiajame kare. Vilnius, 1939.

²⁷ Gintneris A. Lietuva Caro ir Kaizerio Naguose Atsiminimai is I Pasaulinio Karo Laiku 1914–1918 m. Chicago, 1970.

Литвы в годы Великой войны. В связи с этим исследовательский интерес вызывает у них и история создания Ковенской крепости, сами фортификационные сооружения, комплектование гарнизона. Также имеются работы по изучению подготовки офицерских кадров в военно-учебных заведениях на территории Литвы, их биографий и боевого пути в годы Первой мировой войны²⁸.

Как известно, захват Ковенской крепости после упорных боев в августе 1915 г. позволил кайзеровской армии оккупировать значительные территории Российской империи, включая почти всю Литву (например, Виленский край и Вильно были заняты немцами уже в сентябре 1915 г.).

В 2012 г. Институт военного наследия опубликовал на русском языке дополненный вариант книги-альбома каунасского историка и музееведа А. Поцюнаса, посвященного кропотливой реконструкции боев 1915 г. вокруг Ковенской крепости²⁹. На сегодняшний день это, пожалуй, наиболее полное и богато иллюстрированное исследование по данной тематике, насыщенное фактическим материалом и оценками конкретных боевых действий сторон, впечатлениями местных жителей, отложившимися в социальной памяти литовского народа. В качестве примера в книге приводятся слова одного жителя города Ковно: *«Ужасная и сногшибательная картина! На горизонте ночи – горы, леса, тучи, земля и небо – все тяжело дышит в облаках огня под аккомпанемент прерывающего все это грохота. Окна сыпятся беспрерывно. Треск пулеметов и ружей сливается в один шум, как будто это буянит громадный вихрь. Залпы пушек каж-*

²⁸ См., например: *Костров В.И.* Из истории военно-учебных заведений Вильны. Выпускники Виленского пехотного юнкерского училища – участники и герои Первой мировой войны // Предпосылки Первой мировой войны. Сборник докладов на международной конференции, 9–11 июня 2013 г. Вильнюс, 2013. С. 208–211.

²⁹ *Поцюнас А.* Ад войны: У Ковенской крепости. 1915 год. Историческая реконструкция событий. Вильнюс: Институт военного наследия, 2012.

дую минуту встряхивают поверхность земли и небо, свист пролетающих снарядов кажется триумфальным полетом каких-то птиц ада»³⁰. При этом, в отличие от иных историков и публицистов, А. Поцюнас в своих критических замечаниях не переходит грань, за которой находится русофобское и антироссийское мифотворчество.

Литовские историки сходятся во мнении, что военные действия привели к разрушению хозяйственной и общественной жизни Литвы, однако отмечают, что длительная немецкая оккупация породила в литовском общественном мнении представление о том, что с Берлином будет легче договориться о «восстановлении» государственности, чем с Петроградом, где после Февральского переворота среди прочих «свобод» не провозгласили «свободу сепаратизма».

При этом немцы, не давая никаких авансов создания государственности на оккупированных территориях, разрешили литовцам 18–23 сентября 1917 г. провести в Вильнюсе «Литовскую конференцию». На ней был избран «Совет Литовского края», впоследствии переименованный в «Литовскую Тарибу» (председатель – Антанас Сметона, будущий авторитарный «вождь» страны)³¹. Хотя в литовской политической мифологии «Литовской Тарибе» отводится ключевая роль в формировании («восстановлении») государственной самостоятельности Литвы, некоторые литовские историки все же упоминают о том, что этот орган «с довольно неопределенными полномочиями <...> как якобы представительный орган Литвы практически никаких соответствующих функций не выполнял, поскольку в условиях военной оккупации существование подлинно представительного органа немислимо»³². Политическим приговором выглядит оценка

³⁰ Там же. С. 114.

³¹ Lietuvos istorija. Ilustruota enciklopedija. Vilnius, 2012. P. 244.

³² Петраускас З. Принцип самоопределения народов в контексте восстановления государственности Литвы после Первой мировой войны // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М.: ИВИ РАН, 2002. С. 187.

доктора истории З. Петраускаса: «В своей политике в Литве и непосредственно во взаимоотношениях с Литовским Советом германские власти считали его совещательно-информационным органом, а оккупационные власти – чуть ли не звеном своего аппарата»³³.

В литовской историографии обретения государственности скрупулезно отражен польский фактор в лавировании литовских общественно-политических сил. Как пишет доктор истории Ч. Лауринавичюс, «еще до окончания Первой мировой войны стало ясно, что возрождающееся польское государство не ограничится этнической территорией, но при благоприятных условиях станет расширяться на восток, на земли бывшей Речи Посполитой». Далее он отмечает: «Стремясь преградить путь Польше, литовские политики разрабатывали территориальные проекты, по которым Литва намеревалась включить в свой состав районы Гродненской губернии к югу от Немана. Таким образом, Гродненский край должен был сыграть роль естественного защитного барьера от польской экспансии»³⁴. При этом автор уклоняется давать собственную оценку попыткам литовцев защититься от поляков за счет белорусских территорий.

Октябрьский переворот, Брестский мирный договор, последующие события Гражданской войны в России, вмешательство в них стран Антанты и Германии качественно изменили ситуацию, дав шанс литовским национальным и националистическим группировкам объявить и удержать суверенитет. При этом в литовской историографии отмечается тенденция преуменьшать степень влияния «благоприятных обстоятельств» и преувеличивать усилия и героизм собственных политиков, дипломатов и военных.

³³ Там же. С. 187–188.

³⁴ Лауринавичюс Ч. Политика литовского буржуазного правительства по вопросу восточной государственной границы // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М.: ИВИ РАН, 2002. С. 211.

На фоне некоторой историографической косности следует отметить заметные позитивные изменения в деле увековечивания памяти воинов Русской императорской армии и гражданских лиц православного вероисповедания, упокоенных в литовской земле³⁵. Стараниями посольства России в Вильнюсе и НПО «Институт военного наследия» (при участии органов местного самоуправления, порой оправдывающихся перед национал-радикалами: «Криминала тут нет»³⁶) в последние три года ведется большая работа по реставрации могил и мемориалов. Так, 11 ноября 2013 г., несмотря на недовольство и протесты «националов», обвинявших организаторов в «восхвалении столетней царской оккупации»³⁷, состоялось открытие нового памятника на могилах русских воинов, захороненных у деревни Вайтишкяй Мариямпольского округа Литвы.

Национальная мифология касается и первого солдата Русской императорской армии. Как отмечает Ю. Тракшнялис, *«считается, что после 3 августа 1914 г. до начала Восточно-прусской операции, когда был захвачен нынешний город Кудиркос-Науместис, погибло 500 человек. И первым погибшим считается литовец. И именно этому литовцу мы поставили первый свой памятник, он установлен в городе Кудиркос-Науместис»*³⁸.

В целом современная литовская историография характеризуется литуаноцентричностью, при этом столетие начала Великой войны и работы по восстановлению воинских кладбищ вызывают в литовском обществе как раздражение, так и некоторый интерес не только к «своим» могилам и предкам.

³⁵ См., например: *Иванаускайте Э.* Проект реставрации старого русского кладбища г. Радвилишкиса // Предпосылки Первой мировой войны. Сборник докладов на международной конференции, 9–11 июня 2013 г. Вильнюс, 2013. С. 136–139.

³⁶ *Бабинайте К., Зверко Н.* В Литве – страсти вокруг памятника воинам Российской императорской армии // RuDelfi.lt. 2013. 11 ноября.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Латвия: героика и поиск политической ниши

В латвийской историографии можно обнаружить консенсус относительно того, что начало боевых действий против кайзеровской Германии в августе 1914 г. вызвало сильный всплеск антинемецких настроений и «верноподданнического энтузиазма» в Курляндской и Лифляндской губерниях. Там Великая война воспринималась как борьба с историческим недругом, источником многовековых колониционных волн. Современные латвийские историки особо отмечают этот *«антигерманский настрой, временами перераставший в своего рода истерию»*³⁹.

Культурная, социально-экономическая и политическая эмансипация латышей во второй половине XIX – начале XX века, происходившая не без поддержки некоторых петербургских и московских общественных кругов, сталкивалась с ожесточенным сопротивлением остзейского дворянства и бюргерства. Кровавые события 1905 г. и последовавшие репрессии лишь укрепили влияние балтийских немцев, оставив без своевременного и должного разрешения межэтнические и социально-экономические противоречия в регионе. В этих условиях открытое столкновение российских и германских интересов на полях Первой мировой войны вывело латышское общество из депрессивного состояния и дало легальный повод для проявления антинемецких настроений в ожидании встречных позитивных шагов царской администрации.

Современные латышские историки, характеризуя ситуацию 1914 – начала 1915 г., отмечают, что *«война разбудила латышей от национально-политического оцепенения»*. По их мнению, *«участие России и других европейских держав в войне с Германией словно вселило в латышский народ удивительное и невероятное чувство, дав понять, что его давний враг – одновременно и враг многих европейских*

³⁹ Бутулис И., Зунда А. История Латвии. Рига: Jumava, 2010. С. 68.

народов»⁴⁰. В этой обстановке латышские национальные круги, по мнению исследователей, постарались не упустить возможность создать предпосылки для послевоенного изменения своего положения за счет свертывания остаточных остзейских привилегий. Однако, подчеркивают они, и сам особый статус прибалтийских провинций, и опыт отстаивания своих позиций балтийско-немецким дворянством в спорах с имперским руководством в Петербурге и его представителями на местах не мог не оставить следа в умах латышской элиты.

Представляется, что этот фактор повлиял на формирование идеи автономии Латвии в рамках России, набиравшей популярность в годы Великой войны как среди левых активистов различных оттенков, так и у правонационалистических общественных деятелей. Как отмечает в связи с этим российский исследователь Л. Воробьева, *«чтобы освободиться от экономической и политической власти немецкого дворянства, добиться самоуправления, а также самоопределения в области культуры, представители “верхнего слоя” латышского населения были готовы опередить немцев в доказательствах своей лояльности самодержавию»*⁴¹.

Действительно, в 1914 г. в речах латышских политиков доминировали верноподданнические и лоялистские нотки. Так, 26 июля 1914 г. депутат Я. Голдманис заявил с трибуны IV Государственной думы: *«Среди латышей и эстонцев нет ни единого человека, который бы не сознавал, что все то, что ими достигнуто в смысле благосостояния, достигнуто под защитой Русского Орла и что все то, что латыши и эстонцы должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтийский край и в будущем будет нераз-*

⁴⁰ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И. История Латвии. XX век. Рига: Jumava, 2005. С. 70.

⁴¹ Воробьева Л.М. История Латвии: от Российской империи к СССР / Фонд «Историческая память»; Рос ин-т стратег. исслед. М., 2009. Кн. 1. С. 88.

дельной частью Великой России. Поэтому мы можем видеть теперь у нас такой подъем духа, такой энтузиазм стать на защиту своего дорогого Отечества, что для нарисования правильной картины этого самые яркие краски были бы совершенно бледны. Эти великие дни доказывают, что ни национальность, ни язык, ни вероисповедание не мешают нам, латышам и эстонцам, быть горячими патриотами России и стать на защиту своего Отечества, стать плечом к плечу с великим русским народом против дерзкого врага»⁴². Однако эти тезисы рассматриваются в современной латвийской историографии как «архаика», предшествовавшая быстрому разочарованию в царских властях с последующим выдвиганием автономистских и/или революционных лозунгов.

В первые недели и месяцы войны эта лоялистская риторика в целом отражала настроения широких масс латышского населения. Как отмечает латвийский историк О. Пухляк, в пограничной с германским Мемелем Курляндской губернии (крупнейший порт которой – Либава – был обстрелян германскими крейсерами «Аугсбург» и «Магдебург» на второй день войны, 20 июля / 2 августа) уже в конце июля 1914 г. около 3 тыс. латышей вызвались добровольцами идти на фронт воевать против немцев. В Лифляндии (особенно в Риге) развертывались мощные кампании среди латышских и славянских обществ по оказанию помощи раненым и семьям воинов, отправившихся на передовую⁴³.

Как в целом отмечают латвийские историки, первые же поражения Русской армии в Восточной Пруссии, а также отступление в Польше привели, в частности, к большим поте-

⁴² См.: Занимательная история латвийских русских – 2 (1914–1920 гг.). Рига, 2009. С. 166.

⁴³ См.: Пухляк О.Н. Прибалтийские губернии летом-осенью 1914 г. в описании газеты «Рижский вестник» // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 164–180.

рям среди солдат и офицеров латышского происхождения, многие из которых пошли на войну добровольцами и придерживались патриотических и в целом русофильских взглядов. И. Бутулис и А. Зунда подчеркивают, что только в почти полностью уничтоженном XX корпусе 1-й армии, в начале февраля 1915 г. стойко прикрывавшем в арьергардных боях на Августовских болотах отступление 10-й армии, численность погибших, раненых и взятых немцами в плен латышей составила, по некоторым подсчетам, около 20 тыс. человек⁴⁴. Эти оценки нашли косвенное подтверждение: в 20-е гг. прошлого века «военспец» профессор А. Свечин в своем «Общем обзоре сухопутных операций» отмечал выдающуюся боеспособность XX корпуса: «Здесь дисциплина и порядок сохранялись в войсках несравненно дольше, и командование русских войск, а также солдатская масса, выполнили, находясь в отчаянных условиях, свой долг до конца. При более энергичных действиях из Гродно разгрому легко могли подвергнуться не мы, а немцы. Если бы корпуса Самсонова сопротивлялись так же доблестно, как и XX корпус, то они были бы вырублены»⁴⁵.

Весной 1915 г. боевые действия развернулись уже на территории Курляндии: в конце апреля пала Либава (Лиепая), 1 августа германцами был захвачен губернский город Митава (Елгава); наметилась реальная угроза стратегическому центру – Риге. В октябре 1915 г. немцы вышли на подступы к Двинску (Даугавпилсу). В ноябре германские войска были вынуждены прекратить наступление и перешли к длительной позиционной войне. Таким образом, линия фронта проходила от Двинска по Западной Двине (Даугаве) примерно до Саласпилса и оттуда на запад вдоль южного края болота Тирельпурвс. В результате кампании 1915 г. кайзеровские войска оккупировали практически половину населенных латышами территорий, большую часть которых контролировали долгие четыре года.

⁴⁴ Бутулис И., Зунда А. Указ. соч. С. 69.

⁴⁵ Великая забытая война. М.: Яуза: Эксмо, 2009. С. 93, 94.

Можно согласиться с латвийскими историками в том, что потеря Курляндии, где германским руководством был введен жесточайший оккупационный режим, а также превращение Южной Лифляндии (Видземе) и населенной латгальцами части Витебской губернии в прифронтовую зону принесли латышскому народу неисчислимы бедствия⁴⁶. Но нельзя не напомнить, что поражения русских войск существенно деформировали привычный уклад жизни, социально-политические институты и экономические связи. В числе факторов, способствовавших радикализации настроений общества, следует отметить германскую оккупационную политику, проблему беженцев и вопрос создания национальных воинских частей (включая восприятие последующих проявлений героизма и больших потерь).

Курляндия наряду с Литвой и частью территории современной Белоруссии была объявлена «областью управления Верховного главнокомандующего Восточным фронтом». Характеризуя оккупационный режим, латышские историки отмечают: *«Местная общественная жизнь, деятельность различных обществ, издание прессы почти полностью прекратились. Стремительными темпами шло онемечивание – в учреждениях, на предприятиях, в школах был введен немецкий язык. Была установлена строжайшая цензура, введены ограничения на свободное передвижение и строжайший контроль на дорогах, созданы концентрационные лагеря для провинившихся, жандармерии были предоставлены широкие полномочия в каждом уезде Курземе. С интересами местных жителей, за исключением интересов курземского дворянства, немецкие военные власти не считались»*⁴⁷.

В работах латышских историков упоминаются планы германского истребления относительно «старых немецких земель» в Прибалтике, в которых были представлены

⁴⁶ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И. Указ. соч. С. 73.

⁴⁷ Там же. С. 74.

различные комбинации колонизационно-аннексионной политики с использованием инструментов этнической чистки территории и онемечивания оставшегося латышского населения. Своего рода полигоном рассматривалась Курляндия, треть земель которой в первоочередном порядке следовало распределить среди новых немецких колонистов из Германии. Аннексионные требования инспирировались Берлином через «Балтийский совет доверия», составленный из балтийско-немецкого дворянства. Адепты германского колониализма открыто ссылались на «исторический опыт», согласно которому латышам уготована судьба вымершего балтийского племени – древних пруссов⁴⁸. Это также, как представляется, довольно глубоко вошло в социальную память латышей.

Как отмечают латвийские историки, германская оккупация Курляндии, отсутствие полной уверенности в стабилизации фронта и скудность резервов для размещения в прифронтовой зоне вызвали волны латышских беженцев в глубь России. Если семьи работников предприятий, эвакуированных из Риги⁴⁹ и других городов в централизованном порядке, получали возможность устроиться на новых местах, то остальные беженцы сталкивались с огромными трудностями. В современной латвийской историографии принято считать (и не без оснований), что официальные учреждения России оказались не готовы обеспечить кров и пропитание людям, согнанным германскими войсками с родных мест, адаптировать их к условиям затягивающейся войны. На это был дан *карт-бланш* национальным общественным организациям, призванным позаботиться о бе-

⁴⁸ Там же. С. 74–75.

⁴⁹ Только из Риги было вывезено оборудование 352 промышленных предприятий и эвакуировано около 80 тыс. рабочих; в целом около четверти миллиона рижан покинуло город, эвакуацию которого с лета 1915 г. современные латвийские историки оценивают как «поспешную и ненужную» (см.: *Бутулис И., Зунда А.* Указ. соч. С. 69).

женцах, наладить взаимодействие с государственными органами на местах⁵⁰.

В Петрограде 30 августа 1915 г. состоялся съезд представителей разрозненных беженских обществ, на котором в целях сплочения латышей и организации работы по удовлетворению их текущих нужд был избран Центральный комитет помощи беженцам, в состав которого вошли депутаты Государственной думы Я. Голдманис и Я. Залитис, общественные деятели – В. Олафс, А. Бергс, Я. Чаксте и др. Комитет, действовавший до января 1918 г., развернул сеть из 260 отделений помощи латышским беженцам по всей России, сумел привлечь государственные средства и частные пожертвования, организовать культурно-просветительскую работу на латышском языке.

К настойчивости в работе по установлению системы взаимосвязей между группами латышей во внутренних губерниях активистов комитета подталкивала боязнь «распыления» значительной части латышского народа на просторах России (у литовцев и эстонцев, в меньшей степени затронутых эвакуацией, столь серьезной озабоченности не было).

Так, в начале 1916 г. в Эстляндии и Лифляндии было зарегистрировано около 149 тыс. латышских беженцев, а во «внутренних» губерниях России – около 109 тыс. К середине года численность официально зафиксированных латышских беженцев достигала около 334 тыс. человек, фактическая же их численность оценивалась как в два раза большая⁵¹. Для оценки масштабов проблемы беженцев, отмечаемой латышскими историками, можно привести тот факт, что даже в некоторых удаленных губерниях латыши составляли самую большую диаспору среди перемещенных лиц. Например, по итогам переписи беженцев, проведенной в Архангельской

⁵⁰ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И. Указ. соч. С. 75.

⁵¹ Šalda V. Latviešu bēgļi Krievijā (1915–1920) // Latvijas arhīvi. 2005. Nr. 3. С. 8–9.

губернии, на 1 сентября 1916 г. в ней обосновалось 4862 человека, из которых латыши составляли 2010 человек, поляки – 683, литовцы – 231, эстонцы – 56⁵².

В советской историографии и пропагандистской публицистике преобладали критические нотки в отношении деятельности комитета, учитывая ее правонационалистический «уклон». В частности, упор делался на разоблачении хозяйственных махинаций верхушки комитета, обеспечившей себе вольготные условия существования на фоне военных тягот для основной массы латышского населения⁵³.

В современной латышской историографии и учебно-пропагандистской литературе деятельность Центрального комитета помощи беженцам, напротив, описывается в превосходных тонах (отчасти не без основания), причем акцент делается не столько на практических вопросах, сколько на политических. Он оценивается как «кузница кадров» для будущей независимой Латвии, в которой отрабатывались навыки общественной и государственной работы с отчетливым национальным рефреном при успешной «лоялистской» маскировке и отсутствии каких-либо репрессий со стороны властей. В некоторых учебных пособиях этот аспект заостряется следующим образом: *«В Петрограде был создан Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам, который в то время являлся единственной руководящей организацией всего латышского народа»*⁵⁴. В латышских эмигрантских публикациях также обращается внимание на роль этого комитета в постановке с декабря 1916 г. вопроса об «объединении разделенных частей латышского народа в едином и непобедимом организме», включая латгаль-

⁵² Трошина Т.И. Великая война... Забытая война...: Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918): книга для учителей. Архангельск: КИРА, 2008. С. 130.

⁵³ См., например: Мишке В. Кто такие латышские буржуазные националисты. Рига, 1956. С. 40–41.

⁵⁴ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 54.

цев Витебской губернии⁵⁵ (хотя далеко не все из них считали себя латышами, а свой язык – лишь диалектом латышского).

В постсоветских учебниках проблема беженцев подана под специфически пропагандистским углом, критикующим царское правительство: *«Положение беженцев было очень тяжелым, потому что правительство царской России о них не заботилось. Беженцы сами должны были организовывать помощь своим землякам. В эту работу активно включились представители латышской интеллигенции, которые в местах наибольшего скопления латышских беженцев в России создавали организации по оказанию помощи беженцам»*⁵⁶. В другом учебнике утверждается (без контекста германского наступления): *«Многих заставили стать беженцами силой русские войска. Оставшихся без родины и имущества беженцев в товарных вагонах развезли по всей России. Там они ютились в приютах, прозябали на станциях или в открытом поле. Помощь от правительства беженцам была незначительной»*⁵⁷.

Как известно, в июле 1915 г., под впечатлением от потери Курляндии, угрозы ее аннексии Германией, наплыва беженцев, а также смеси ярости и отчаяния в настроениях соплеменников, латышские депутаты в IV Государственной думе Я. Залитис и Я. Голдманис обратились в высшие военные инстанции с ходатайством об организации добровольческих латышских стрелковых батальонов. После утверждения 19 июля 1915 г. положения об организации латышских добровольческих батальонов эти депутаты были поставлены во главе Гражданского комитета и обратились к латышскому народу с невиданными ранее националистическими призывами, особо выделяемыми современными историками из Латвии:

⁵⁵ Высказывание католического епископа, проф. Я. Ранцанса (цит. по: Šilde Ā. Latvijas vēsture. 1914–1940. Stokholma: Daugava, 1976. 20. lpp.).

⁵⁶ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 52–54.

⁵⁷ Курлович Г., Томашунс А. История Латвии для основной школы. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 172.

«Собирайтесь под латышскими знаменами!»⁵⁸ Впоследствии латышские батальоны были развернуты в 8 полков, объединенных в две бригады, не считая девятого – резервного.

Любопытно мифотворчество вокруг этого дела в латышской учебной литературе: «Войска царской России оставили Курземе и Земгале без серьезного сопротивления врагу; казалось, что они не считали эту территорию своей землей, за которую стоило сражаться. Именно это обстоятельство способствовало появлению в латышском обществе идеи, что оборона Видземе, а также возвращение Курземе и Земгале должны осуществляться латышскими войсковыми подразделениями»⁵⁹.

Образчиком негативных измышлений, рассчитанных на детей, можно считать следующий отрывок из учебника: «Армейское командование издало приказ о том, что Курземе должны покинуть все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. На просьбу курземцев остановить разорение земли верховный главнокомандующий вооруженными силами России великий князь Николай Николаевич ответил: “Плевать я хотел на ваше Курземе!”»⁶⁰ Апофеозом националистического бахвальства является следующий пассаж: «Царское правительство не доверяло малым национальным меньшинствам Российской империи, но уступило требованиям латышской общественности и согласилось на создание латышских стрелковых батальонов, а позднее полков. В июле 1915 г. были утверждены правила формирования батальонов. Было опубликовано воззвание “Собирайтесь под латышские знамена!” <...> Части латышских стрелков были первыми национальными войсковыми подразделениями в армии царской России»⁶¹. Разумеется, никаких «уступок требованиям»

⁵⁸ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И. Указ. соч. С. 75.

⁵⁹ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 54.

⁶⁰ Klišāns V. Vēsture vidusskolai. III daļa. Mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2005. 56. lpp. Переутвержден Министерством образования и науки ЛР в 2008 г.

⁶¹ Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 176, 177.

не было, а история «современных» национальных воинских и милиционных частей в России насчитывала не одно десятилетие (например, Дагестанские конные полки, Туркменский конно-иррегулярный дивизион).

Использование латышских стрелков, вызвавшихся упорно защищать свои родные места на самых трудных участках фронта, было сопряжено со значительными потерями убитыми, ранеными и пленными. Это породило брожение в умах, причудливую смесь национализма и восприимчивости к леворадикальной пропаганде, усилившейся после падения монархии в феврале 1917 г. Поползли злонамеренные слухи о том, что русское командование якобы специально создает условия для уничтожения латышских солдат под орудийным и пулеметным огнем немцев⁶². На этом фоне экзальтированная героизация в латышской печати и общественном мнении исключительно латышских стрелков привела к замалчиванию подвигов русских солдат⁶³. В результате мало кто из латышских обывателей в январе 1917 г. знал, что, например, вместе с 1-м Усть-Двинским и 7-м Бауским латышскими стрелковыми полками своей атакой у озера Бабите прославились в кровопролитных «рождественских боях» (23 декабря 1916 г. – 2 января 1917 г.) 11-й пехотный Псковский и 56-й пехотный Житомирский полки. Это стало истоком мифа о том, что смело сражались только латышские стрелки.

Злонамеренные слухи времен Великой войны и горькие оценки историков переплелись в современной мифологии, которую представляют латвийским школьникам: *«Кровавые бои продолжались, немецкое наступление было задержано, но Елгава и Курземе остались в руках немцев. Потери латышских*

⁶² Balodis A. *Latvijas un latviešu tautas vēsture*. Rīga: Kabata, 1991. 165. lpp.

⁶³ См.: Гайворонский К.С. Рождественские бои как пример удачной «исторической приватизации» // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 47–54.

стрелков – около 2 тыс. убитыми и 7 тыс. ранеными – были бессмысленны. Многие считали, что верховное командование русской армии сознательно стремилось уничтожить латышские полки. Хотя сознательное предательство не было доказано, возмущение латышских стрелков было обоснованным. Оно также имело большое значение в последующих событиях»⁶⁴. Другие латышские авторы внушают школьникам: «Осенью 1915 г. немецкая армия быстро продвигалась вперед на рижском направлении. Русская армия не боролась с полной отдачей, так как была апатичной; генералы не хотели и не могли вдохновить солдат на борьбу. Противника они считали превосходящим, а землю, за которую следовало бороться, чужой для себя»⁶⁵.

Стираются в Латвии из памяти и места захоронений русских воинов, их подвигов при защите большого Отечества. Так, латышский историк Я. Лисманис в своей фундаментальной книге, посвященной мемориализации мест боев и захоронений воинов на территории Латвии в период с 1915 по 1920 г., дает описания и ссылки на 252 захоронения солдат Российской армии разных национальностей, отмечая при этом, что «большая часть из них не сохранилась до нашего времени»⁶⁶. Однако латвийский краевед А. Ржавин приводит данные о том, что ранее таких захоронений существовало около 500, включая единичные и расположенные на немецких кладбищах. Подготовленный его стараниями мартиролог «Список захоронений воинов Российской армии, погибших во Вторую Отечественную войну (1.8.1914–3.3.1918) на территории Курляндской, Лифляндской и Витебской губерний Российской империи (с 1.9.1917 Российской республики)» доступен в электрон-

⁶⁴ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 57.

⁶⁵ Goldmane S., Klišāne J., Kļaviņa A., Misāne I., Straube L. Vēsture pamatskolai. Latvija 20. gadsimtā. Mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2006. 26. lpp.

⁶⁶ Lismanis J. 1915–1920 kauju un kritušo karavīru piemiņai: Pirmā pasaules kara un Latvijas Atbrīvošanas cīņu piemiņas vietas / Jānis Lismanis; priekšv. aut. Eizēns Urmanis. Rīga: N.I.M.S., 1999.

ном виде⁶⁷. Общая численность воинов Российской армии, захороненных на территории Латвии, точно не известна, тогда как немцы подсчитали количество своих павших солдат, которых было около 24 тыс⁶⁸.

Роль Февральской революции как катализатора автономистских (и скрытых сепаратистских) тенденций на неоккупированной немцами части Латвии отражена в научной, научно-популярной и учебной литературе: *«У каждой нации есть право на самоопределение. Получение государственного суверенитета является неотъемлемой частью этого права. Латышская нация использовала историческую возможность и завоевала суверенное государство. Латвийское государство образовалось в период, когда Российская империя в Первой мировой войне стояла на пороге военного, экономического и политического краха. Февральская революция открывала широкие возможности для автономии живущих в России народов»*⁶⁹.

В целом спектр вариантов военно-политических и территориальных решений местные историки представляют себе таким образом: *«После Февральской революции мнения о дальнейшей судьбе Латвии были разными. Временное правительство считало Латвию неотъемлемой частью России, у населения которой не могло быть никаких прав на самоопределение. Крупнейшей латышской партией того времени были социал-демократы, которые раскололись на две группы – большевиков и меньшевиков. Большевики считали, что Латвия должна быть в составе России. Они были убеждены, что большевики должны взять всю власть в России, а также в Латвии, действуя в соответствии с учением К. Маркса о государстве диктатуры рабочих. В Латвии ими руководил Фрицис Розинь.*

⁶⁷ Русское Общество в Латвии: интернет-сайт. URL: http://voin.russkie.org.lv/2ov_bkm.php.

⁶⁸ *Lismanis J.* Op. cit.

⁶⁹ *Kurlovičs G., Tomašūns A.* Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2007. 28. lpp.

Меньшевистская часть социал-демократии Латвии в большей мере защищала интересы латышского народа. Она требовала для Латвии права на автономию, чтобы латышский народ на своей земле мог свободно выбирать путь своего хозяйственного и культурного развития. Позднее они примкнули к сторонникам идеи независимого Латвийского государства и окончательно порвали с большевиками»⁷⁰.

Как известно, по мере продвижения германских войск, которым в августе 1917 г. удалось форсировать Западную Двину и захватить Ригу и часть Рижского уезда, происходила большевизация латышских стрелков и значительной части мирного населения неоккупированных территорий, а также активизация национал-буржуазных и национал-интеллигентских кругов. Поток беженцев был уже не столь мощным, как в 1915 г.; в Риге осталось немало латышей, что открывало этот региональный центр для различных политических спекуляций с германской стороны.

Наряду с фактором германской оккупации Курляндии и Риги (а с февраля 1918 г. – всей территории современной Латвии) расшатывали ситуацию и отсутствие устойчивой власти в Петрограде, и нарастание радикальных настроений и насилия, и «похабный» Брестский мир, и опасения в латышских политических кружках утратить родные земли «навсегда». Все это постепенно открывало путь к «интернационализации» прибалтийского вопроса, упованию на волю Антанты и/или германских сил, созданию уже в 1918 г. откровенно маррионеточных («правительство Ниедры») или «просто» коллаборационистских («правительство Улманиса») политических новообразований – вопреки мифам о решающей роли «Освободительной войны» против войск и красноармейцев.

Возникшие в ходе Первой мировой войны хозяйственная разруха и социальные беды (массовая безработица, нужда, голод, большая численность нетрудоспособных инвалидов), как

⁷⁰ Курлович Г., Томашун А. Указ. соч. С. 187.

отмечают историки, в сочетании с жестоким террором немцев на оккупированных территориях ощутимо задела широкие слои латышского населения и явились факторами его революционизирования⁷¹. В авангарде трансформации политико-административного ландшафта неоккупированной части Лифляндии стояли большевики, сочетавшие тактику создания новых органов власти (Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии – Исколат) и борьбы за места в официальных структурах. Такой подход дал им не только возможность закрепить свое доминирование в советах, но и превратить в манифестацию торжества своей партии легальные выборные органы. Так, в сентябре 1917 г. представители большевиков в Видземском земском совете получили голоса 63 % фактических избирателей, а в ноябре за делегатов Учредительного собрания России проголосовали 72 %. («Крестьянский союз» К. Улманиса, являвшийся наиболее популярной правой силой, довольствовался соответственно 36 и 23 % голосов). Таким образом, еще до Октябрьского переворота 1917 г. территория Латвии, не занятая немцами, считалась одним из самых большевизированных регионов России.

Стоит ли удивляться, что после Октябрьского переворота в Петрограде в не занятой немцами большей части Лифляндии практически без сопротивления была установлена советская власть. Затем в условиях немецкой оккупации, подписания большевиками Брестского мира, Гражданской войны и иностранной интервенции прибалтийский вопрос был вытолкнут из внутривнутриполитического контекста в международно-политическую плоскость. Под лозунгом борьбы с большевистской угрозой в схватку за передел прибалтийских окраин России вступили Германия, Великобритания, Франция и США.

После поражения Германии в Первой мировой войне Антанта использовала ее вооруженные силы в Прибалтике с конца 1918 г. для «перемалывания» большевиков, а сами немцы,

⁷¹ Воробьева Л.М. Указ. соч. С. 97.

маневрируя между странами-победительницами, стремились так или иначе закрепиться в регионе. С одной стороны, победа большевиков в Гражданской войне в России, их заинтересованность в преодолении международной блокады, с другой – стремление бывших союзниц России ослабить ее или во всяком случае выстроить для Запада «санитарный кордон» против большевизма создали условия для международного признания суверенитета «буржуазных» Латвии и Эстонии.

В учебной литературе эти события подаются с изрядным цинизмом: *«Россию раздирали военные действия и смута, в которые большевики широко вовлекали латышские стрелковые части. Их посылали на ликвидацию бунта бывших союзников большевиков – левых эсеров в Москве, против белогвардейской армии адмирала Колчака и в другие места»*⁷². Также школьникам внушают, что *«большевики не отказались от имперской идеи, лишь замаскировав ее интернационализмом и тезисом о праве наций на самоопределение, однако их попытка в 1919 г. с помощью военного вторжения и разжигания гражданской войны сформировать в Латвии свой режим не увенчалась успехом»*⁷³.

Руководство Советской России 2 февраля 1920 г. заключило мирный договор с Эстонией, а 11 августа – с Латвией, пойдя на территориальные и финансовые уступки. 26 января 1921 г. Верховный совет стран Антанты по инициативе Франции принял решение о признании *де-юре* отделения Латвии и Эстонии от России. 28 июля 1922 г. последней из стран-победительниц юридически признали Латвию и Эстонию США, причем с оговоркой госсекретаря США Ч.Э. Хьюза: *«...Соединенные Штаты последовательно настаивали, что расстроенное состояние русских дел не может служить основанием для отчуждения русских территорий, и этот принцип не считается нарушенным из-за признания в данное время правительств Эстонии, Латвии и Литвы, которые были*

⁷² Курлович Г., Томашун А. Указ. соч. С. 189, 190.

⁷³ Kurlovičs G., Tomašūns A. Op. cit.

учреждены и поддерживаются туземным населением»⁷⁴. При этом юридическое признание Литвы западными странами произошло только 20 декабря 1922 г.

Судьба Латвии и других прибалтийских земель решалась при прямом вмешательстве внешних сил в условиях военной и послевоенной разрухи, с учетом зарубежных «геополитических» наработок и идеологического противостояния. Определенной части латышского общества удалось решить вопрос создания национального государства в свою пользу. Не вдаваясь в подробный разбор споров о легитимности тех или иных решений в условиях присутствия иностранной военной силы, обратим внимание на вопрос их репрезентативности. Население латвийских территорий в годы Первой мировой войны уменьшилось почти вдвое, считая погибших, эвакуированных, беженцев и мобилизованных в армию: из примерно 2,5 млн человек, проживавших там в 1914 г., в 1918 г. осталось лишь около 1,3 млн человек. Эта статистика дает яркое представление о степени деформации довоенного общества Курляндии и Лифляндии, многие лучшие представители которого погибли или оказались в ключевой момент истории вне пределов Латвии. Эти и другие «неудобные» вопросы в современной латвийской исторической науке и памяти стараются не поднимать.

* * *

Первая мировая война в Прибалтике в зеркале местной исторической науки и народной памяти, как представляется, не находится в фокусе исследовательского и общественного внимания. Вместе с тем еще с межвоенного и эмигрантского периодов накопилось немало мифов, по большей части антироссийских и антирусских, так или иначе связанных

⁷⁴ Цит. по: Фоменко А.В. Прибалтийский вопрос в отношениях США с Советской Россией: 1918–1940. От появления независимых прибалтийских режимов до включения их в состав СССР. М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 60.

с Великой войной – от выдумок о русских генералах, специально сдававших литовские и латвийские территории немцам, славших на верную гибель латышских стрелков, до мифов о том, что урона от русских войск местному населению было больше, чем от немецких; от тенденции преуменьшать степень влияния «благоприятных обстоятельств» в обретении независимости до преувеличения усилий и героизма собственных политиков, дипломатов и военных.

Возможно, что отголоски печальной даты 100-летия начала Великой войны еще вызовут у прибалтийских ученых интерес как к исследованию конкретных региональных, биографических «белых пятен» в истории Первой мировой войны, так и побудят к написанию серьезных обобщающих работ, лишенных крайностей этноцентризма.

Латвия, Литва и Эстония в контексте внешнеполитических и военных проблем (1933–1941)

Сложные переплетения внешнеполитических, военных и экономических процессов в 1930-е гг. на Европейском континенте оставили своеобразный отпечаток на восприятии Эстонией, Латвией и Литвой, их властными группировками и обществами, своего места в мире. После установления в Германии экспансионистского гитлеровского режима, опиравшегося на человеконенавистническую идеологию и прямое насилие, прибалтийским странам предстояло определиться в стратегии и тактике отношения к нацистскому Берлину, а также выстраивания связей с соседями, включая СССР, и странами Запада.

Утверждение в Прибалтике авторитарного правления с профашистской идеологией (с 1926 г. – диктатура Антанаса Сметоны в Литве, с 1934 г. – диктаторские режимы Константина Пятса в Эстонии и Карлиса Улманиса в Лат-

вии) оказало ключевое влияние на формирование стереотипов, предпочтений и антипатий официальных Риги, Таллина и Каунаса к ведущим акторам в мировой политике. При этом особая ситуация сложилась в Литве, военно-политическое положение которой характеризовалось хроническим конфликтом с Варшавой (и, следовательно, международной «полуизоляцией») из-за оккупированного польскими войсками Вильнюса и окрестных земель, а также нараставших реваншистских претензий Германии в «мемельском вопросе» (Клайпеда).

* * *

Прослеживая дипломатические виражи и особенности режима, характерные для Латвии как центральной страны региона в период диктатуры Карлиса Улманиса (1934–1940), можно уяснить закономерности провала противоречивых попыток сохранить нейтралитет и «вождистскую» государственность в условиях начавшейся Второй мировой войны и неизбежного драматического столкновения СССР и Германии.

Приход в январе 1933 г. к власти в Германии Адольфа Гитлера означал образование в центре Европейского континента очага военной опасности. Идеология нацистов, их внешнеполитическая доктрина опиралась на представления о расовом превосходстве «арийцев» и требования мировой гегемонии «Тысячелетнего рейха». В прибалтийских столицах с самого начала недооценивали разрушительный потенциал нацизма и настрой гитлеровского руководства на освобождение Берлина от каких-либо военных ограничений Версаля, хотя лозунги пересмотра территориально-политических последствий Первой мировой войны и вызывали нарастающие опасения у ближних и дальних соседей Германии. Так, латвийский посол в Берлине Э. Криевиньш 31 января 1933 г. писал министру иностранных дел ЛР К. Зариньшу, что кабинет Гитлера является «новым эксперимен-

том» – и еще неясно, кто больше, а кто меньше имеет повод радоваться. В свою очередь, германский посол в Риге Г. Марциус сообщал своему руководству о том, что латыши все же опасаются германской угрозы своей независимости, хотя антикоммунизм нового правительства Германии вызывает широкое удовлетворение в Латвии⁷⁵. Попытки латвийской дипломатии как можно скорее успокоить общество не увенчались успехом: госсекретарь МИД Германии Б. фон Бюлов отверг идею подписания совместного коммюнике об отношениях двух стран.

Утверждение германского посла о «широком удовлетворении» было явным преувеличением. Наоборот, в латвийском обществе наблюдались массовые протестные настроения в адрес местных и германских нацистов, выразителями которых, наряду с коммунистами, были влиятельные в тот период социал-демократы. Можно сказать, что в 1933 г. Латвийская Республика оказалась на авансцене противодействия гитлеризму и фашизму, однако продержалась там совсем недолго. Так, лидер латвийских социал-демократов Б. Калниньш от имени своей партии 8 марта выступил в печати с требованием к правительству ЛР «выдворить из Латвии фашистов-гитлеровцев». 17 марта Сейм поддержал предложение этой партии о высылке фашиствующих иностранцев, закрытии организаций и печатных органов их местных сторонников. В ответ Германия пригрозила торговым эмбарго и рядом других репрессивных мер. Еще одна тема противостояния возникла после решения германских нацистов о бойкоте еврейских магазинов и предприятий с 1 апреля 1933 г. В ответ латвийские евреи организовали встречную акцию в отношении немецких товаров. Берлин, в свою очередь, нанес удар по латвийской экономике, приостановив импорт масла, составлявший в тот период 51 % от общего объема латвийского

⁷⁵ Purkl A. Die Lettlandpolitik der Weimarer Republik. Studium zu den deutsch-lettischen Beziehungen der Zwischenkriegszeit. Münster, 1996. S. 256.

экспорта этого продукта⁷⁶. «Масляная война» была свернута в июне 1933 г., когда стало ясно, что официальная Рига не предпримет практических шагов против нацистов.

Таким образом, Кабинет министров Латвии предпочел пойти на уступки и не выполнить антинацистское парламентское решение. Более того, «главным врагом» были демонстративно объявлены вовсе не нацисты, а депутаты-коммунисты в Сейме, которые и были в ноябре 1933 г. арестованы по обвинению в «государственной измене». Этот политический жест, благосклонно воспринятый в Берлине, фактически стал прологом к военному перевороту в Латвии в мае 1934 г.

Активизация нацистов уже в 1933 г. привела к существенным изменениям во внешнеполитических подходах советского руководства, сделавшего ставку на поддержку доктрины коллективной безопасности в Европе и гарантированного нейтралитета государств-лимитрофов, не развернутого де-факто против СССР. Дипломатические усилия Москвы были обусловлены потребностями предотвращения военной угрозы. В частности, прибалтийская проблема сводилась к следующему: в случае войны обосновавшийся в регионе противник имел возможность, во-первых, блокировать Краснознаменный Балтийский флот и, во-вторых, с выгодных позиций начать наступление на Ленинград, потеря которого могла обернуться для Советского Союза катастрофическими последствиями.

Вместе с тем активность Москвы на международной арене по предотвращению фашистской угрозы вызывала недоверие и подозрительность в странах Прибалтики. Правящие круги в этих государствах продолжали оставаться в плену доктрины «санитарного кордона» против коммунизма, все еще рассчитывая на поддержку Лондона, Парижа и Вашингтона, а в слу-

⁷⁶ *Kangeris K. Latviešu un ebreju attiecības Trešā reiha skatījumā. 1933. – 1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003. 54. lpp.*

чае ее дефицита – на формирование «блока нейтралов» или некоторый эффект от сближения с Берлином. Так, в декабре 1933 г. Латвия и Финляндия подписали секретный протокол о военно-политическом сотрудничестве, содержащий призыв к созданию прибалтийско-скандинавского союза. Но попытка главы МИД Латвии В. Салнайса найти поддержку в ходе визита в Стокгольм не увенчалась успехом: шведы не были заинтересованы в доминировании на прибалтийской площадке сближавшихся между собой Польши и гитлеровской Германии, но латышам, эстонцам и литовцам не доверяли, желая вообще избежать каких-либо блоковых обязательств⁷⁷.

Военно-политическая обстановка в регионе, с учетом нацистской угрозы для Советского Союза на прибалтийском направлении, все же требовала от Таллина, Риги и Каунаса иного уровня гарантий, соответствовавших законным и жизненно важным интересам безопасности СССР. Со своей стороны, советское руководство понимало значимость и настойчиво добивалось надежно гарантированного нейтралитета Эстонии, Латвии и Литвы. Нейтралитета, не препятствующего коллективным действиям против агрессора и способного перерасти в союзнические отношения в оборонных вопросах. *«Созданные Антантой балтийские государства, которые выполняли функцию кордона или плацдарма против нас, сегодня являются для нас важнейшей стеной защиты с Запада»*, – констатировал в начале 1934 г. заведующий бюро международной информации ЦК ВКП(б) Карл Радек⁷⁸.

Однако Эстония, Латвия и Литва ревностно следили за соблюдением формальных аспектов своего суверенитета в случаях, когда международные инициативы исходили от Москвы или с ее подачи. Так, в январе 1934 г. Рига и Таллин отклонили

⁷⁷ См.: Петренко А.И. Влияние переворота К. Улманиса 15 мая 1934 г. на шведско-латвийские отношения // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 185–189.

⁷⁸ Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. М., 2000. Кн. 1. С. 107, ссылка 129.

общее предложение СССР и Польши о предоставлении прибалтийским странам гарантий их безопасности; отказалась в итоге от подписания совместной декларации о заинтересованности в неприкосновенности Прибалтики и Варшава⁷⁹. Получив отказ польского руководства, Кремль попытался добиться гарантий независимости прибалтийских стран от Германии. Берлину было предложено подписать протокол, в котором правительства СССР и Германии обещали бы «неизменно учитывать в своей внешней политике обязательность сохранения независимости и неприкосновенности» прибалтийских государств. Германия также отвергла это предложение⁸⁰.

Стремительный вираж Польши по сближению с нацистским Берлином и заключение с ним 26 января 1934 г. соглашения о «ненападении и взаимопонимании» подтвердил необходимость рассматривать вопросы безопасности в более широком составе участников, а также укреплять двустороннюю договорно-правовую базу. 20 марта 1934 г. СССР предложил прибалтийским странам продлить действие договоров о ненападении от 1932 г., которые выразили на это согласие и 4 апреля пролонгировали их сроком на 10 лет.

Тем временем Варшава укрепляла секретные контакты с Латвией и Эстонией по разведывательному взаимодействию в ущерб интересам СССР. Вот, например, как этот сюжет отражен в одном польском издании, посвященном юбилею генконсульства этой страны в Санкт-Петербурге: *«Ленинград как самый крупный советский порт и большой железнодорожный узел, а прежде всего место размещения военного гарнизона и крупный промышленный центр, был чрезвычайно интересен как для польской, так и для других иностранных разведок, а также порты в Архангельске, Мурманске и другие не менее важные объекты на территории консульского округа. Разведывательную деятельность под-*

⁷⁹ Там же. С. 104.

⁸⁰ Там же. С. 106.

держивал посланник Речи Посполитой в Москве Юлиуш Лукашевич (инструкция Лукашевича от 12 октября 1933 г. выдана консулу РП в Ленинграде [Збигневу Белине-Пражмовски-Крынски, 1.08.1933–15.10.1934]), который советовал также сотрудничать с консульствами прибалтийских стран»⁸¹.

Весной-летом 1934 г. проходили советско-французские переговоры о широкомасштабной программе коллективной безопасности, на которых обсуждалась идея заключения Восточного пакта («Восточного Локарно») с участием СССР, Германии, Чехословакии, Польши, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии, а также Франции в качестве гаранта. Германия, Польша, а вслед за ними прибалтийские страны, так или иначе, отвергли эту инициативу. Отказалось от роли гаранта в данном формате и правительство Франции.

Значительно меньшую щепетильность в отношении своего суверенитета прибалтийские столицы проявляли, добываясь гарантий безопасности от Великобритании, которую считали своим главным военным союзником. В ответ на все дипломатические заходы латышей, литовцев и эстонцев Лондон выражал «индифферентность», что позволило, например, послу Латвии в Британии К. Зариньшу прийти к выводу: Туманный Альбион до сих пор заинтересован в существовании Латвии и остальных стран Балтии, но не настолько, чтобы защищать их с оружием в руках. Латвийский историк А. Зунда, посвятивший монографию двусторонним отношениям с этой страной, отмечает: *«Вместе с тем Латвия в середине и второй половине 30-х гг. все еще надеялась на возможности экономического и политического сближения с Великобританией. Многократные визиты [главы МИД] В. Мунтерса в Лондон и его прием на самом высоком уровне, а также переговоры с английскими руководителями и их туманные обещания заботиться о мире и ста-*

⁸¹ Koziczyński J., Kunkite M. Kartki z historii: Polska misja dyplomatyczna nad Newą. 1926–1989 = Страницы истории: Польская дипломатическая миссия на Неве. 1926–1989. Warszawa, 2007. С. 39.

бельности в рамках Устава Лиги Наций сохраняли какие-то надежды. Однако никаких конкретных действий с британской стороны не последовало. Наоборот, в рассматриваемый период Англия всеми силами стремилась добиться соглашения с Германией. Модели такого соглашения неоспоримо затрагивали все восточноевропейские государства, в том числе Балтию»⁸².

Отмечая нарастающее безразличие Великобритании и Франции к безопасности прибалтийских стран и осознавая слабые перспективы тесного военного сотрудничества с Финляндией, МИД Латвии склонялся к выводу, что единственным надежным партнером может быть Эстония (притом что в Таллине к «надежности» латышей относились с заметным скепсисом). 17 февраля 1934 г. союзнические отношения Латвии и Эстонии были значительно укреплены и расширены, включая вопросы регулярной координации внешнеполитической деятельности. Балтийская Антанта была открыта для присоединения Литвы, однако из-за «виленского вопроса» и подозрений в «излишнем сближении» каунасской Литвы с Москвой доверительное сотрудничество, особенно в военной и разведывательной сферах, не складывалось.

* * *

На основе заимствований из «модных» европейских идейных девиаций и банальной ксенофобии местного происхождения, по крайней мере, с середины 1920-х гг. в прибалтийских странах верстались планы построения националистических государств, в которых этнические меньшинства должны были знать «свое место». Их идейную основу составляли звонкие лозунги и эпические представления о литовском, латышском или эстонском «хозяине»⁸³, антикоммунизм, элементы фа-

⁸² Zunda A. Latvijas un Lielbritānijas attiecības 1930–1940. Realitāte un ilūzijas. Rīga, 1998. 9., 10. lpp.

⁸³ См., например: 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 582. lpp.

шистских корпоративистских идей, антисемитские, русофобские или полонофобские настроения (особенно в Литве, но отчасти и в Латвии). Типологическую общность установившихся в регионе к середине 1934 г. диктатур отмечает российский историк Елена Зубкова: «Сделав ставку на армию, националистов и бюрократию, лидеры балтийских стран одновременно позаботились об устранении политической оппозиции своим режимам. Политический плюрализм времени парламентской демократии ушел в прошлое»⁸⁴. При этом, на наш взгляд, важную роль для оценки военно-политических рисков, связанных с внешней и внутренней политикой прибалтийских стран, играет идеологическое наполнение установившихся там диктаторских режимов, характер и пропорции заимствований из-за рубежа.

Среди источников вдохновения для пропагандистского обеспечения новых режимов в Литве, Латвии и Эстонии значительное место занимал итальянский фашизм. Так, в июньском номере журнала «Айзсаргс» за 1934 г. наряду с обильным славословием в адрес К. Улманиса была предпринята попытка обосновать необходимость «вождизма» в Латвии, со ссылкой на итальянский фашистский опыт и откровенной лестью в адрес дуче. Статью, в которой прославлялся Б. Муссолини, украшал заголовок: «*Вождь народа и значение вождизма. В особенности небольшим народам необходимы могучие и отважные вожди*»⁸⁵. Следует отметить, что и сам Улманис после переворота ссылался на Муссолини и фашистский режим, усматривая в нем образец для подражания в делах управления государством, в социальной политике и формировании образа сильного вождя.

Встречного энтузиазма со стороны итальянских фашистов в ответ на откровенную лесть официальной Риги не на-

⁸⁴ Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 33.

⁸⁵ Aizsargs, 1934, Nr. 6.

блюдалось, за исключением общих мер по популяризации своей идеологии за рубежом, иллюстрациями которых стали визиты в Латвию видных пропагандистов фашизма, в частности Алессандро Паволини (летом 1934 г.). Всерьез брать Каунас, Ригу и Таллин в «ученики» и союзники они не собирались, в отличие от Румынии, с которой Рим заключил союзнический договор в сентябре 1926 г. Итальянский исследователь дипломатических отношений с межвоенной Латвией Валерио Перна отмечает, что Муссолини было приятно получать свидетельства пиетета к его персоне (и фашизму в целом). При этом *«с середины 1930-х гг. Муссолини рассматривал Прибалтику как территорию естественной экспансии немецкого влияния и считал за лучшее не брать на себя никаких обязательств в этих государствах»*⁸⁶. Тем не менее прибалтийская дипломатия не оставляла попыток добиться благосклонности итальянских фашистов, рассчитывая на некое посредничество Рима в прояснении перспектив отношений с Германией. После развертывания в октябре 1935 г. итальянской агрессии в Эфиопии официальная Рига заняла профашистскую позицию, а глава МИД Латвии Вилхелмс Мунтерс постарался опередить других в признании «Итальянской империи».

Живой интерес Улманиса к фашизму носил не только пропагандистско-зондажный, но и содержательный характер. В частности, он еще до переворота, в октябре 1933 г., поручил новому послу Латвии в Италии А. Спекке детально ознакомиться с корпоративистской системой Муссолини⁸⁷ и почерпнул оттуда ряд идей. Впрочем, последовательным эпигоном итальянского фашизма латвийский диктатор не был – он периодически увлекался разными, порой абсолютно противоположными «немарксистскими» течениями. Так, по информации финского посла в Риге Э. Паллина, в процессе лечения в Германии Улманис попал под влияние национал-социали-

⁸⁶ Perna V. Itālija un Latvija. Diplomātisko attiecību vēsture. Rīga, 2002. 14. lpp.

⁸⁷ Там же, 85., 86. lpp.

стов. Вызывал некоторую симпатию у него и опыт британских лейбористов (рабочая партия, опирающаяся на профсоюзы)⁸⁸, хотя латвийский «вождь» все же склонялся к непартийным формам достижения «единства нации». Латышский эмигрантский историк-коллорационист Адольф Шилде объяснял негативное отношение Улманиса к применению в Латвии иностранного опыта построения однопартийной диктатуры тем, что он просто боялся внутривластной оппозиции, с которой уже сталкивался в своей «вотчине» – «Крестьянском союзе»⁸⁹.

Малоисследованным вопросом остается влияние на Улманиса, Сметону и Пятса других, региональных вариаций фашистского режима, в частности – румынской (как и в целом внешнеполитические контакты прибалтов с Румынией). В современной румынской историографии внешняя политика Бухареста в отношении Балтийских стран оценивается как «не очень динамичная» не только из-за географической удаленности, но и вследствие «уважения желаний польского правительства»⁹⁰, заинтересованного быть «первой скрипкой» в регионе. Так, если независимость Латвии была признана Румынией вслед за Парижем 15 февраля 1921 г., то Литва, протестовавшая против оккупации Вильнюса польскими войсками, получила признание своей государственной самостоятельности Бухарестом только 24 августа 1924 г. Учет особых интересов Варшавы строился на положениях двустороннего союзнического договора 1921 г., согласно которым «Польша была первым государством, признавшим принадлежность Бессарабии к Румынии»⁹¹, а Румыния – при-

⁸⁸ *Rislaki J.* Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonena. Rīga, 2004. 113. lpp.

⁸⁹ *Šilde Ā.* Latvijas vēsture. 1914–1940. Stokholma, 1976. 596. lpp.

⁹⁰ *Angels F.* Starp paralēliem spoguļiem: Rumānijas un Latvijas attiecības starpkaru laikā // Latvijas Arhīvi, 1999, Nr. 4. 87. lpp.

⁹¹ У этого утверждения есть некоторые формальные основания, так как подписанный 28 октября 1920 г. в Париже «Бессарабский протокол» (Румыния, Франция, Италия, Великобритания и Япония), «узаконивающий» аннексию Молдавии, был ратифицирован Францией только в 1924 г., но так и не вступил в силу из-за самоустранения от этого вопроса Японии.

соединение Восточной Галиции к Польше»⁹². Однако основным его принципом был отказ от сотрудничества с Москвой без согласования со второй стороной этого договора.

Так как у Румынии до 1934 г. не было дипломатических отношений с Советским Союзом, то именно Варшава в этот период была главным источником алармистских сведений о маневрах советской дипломатии, настроениях коммунистического руководства и военном строительстве в СССР, а также площадкой для переговоров (безрезультатная советско-румынская конференция сентября – октября 1921 г.), что вполне устраивало польских политиков и льстило их самолюбию. Кроме того, именно в Варшаве до 1929 г. находилась резиденция румынского посла, отвечавшего за связи с Латвией, Литвой и Эстонией.

Мотором укрепления румынско-латвийских связей на антисоветской основе стал новый посол Румынии в Риге, будущий глава внешнеполитического ведомства фашистского правительства «Железной гвардии» (сентябрь – декабрь 1940 г.) принц Михаил Стурдза, занимавший этот пост с 1929 по 1935 г. В Риге при французском и польском посредничестве, больше походившем на строгий и ревностный надзор, проводились встречи М. Стурдзы с советской делегацией во главе с Борисом Стомоняковым, на которых в 1931–1932 гг. предпринимались попытки заключить договор о ненападении. Однако из-за не потерявшего принципиальности и актуальности для Москвы мирного разрешения вопроса об оккупации и аннексии Бессарабии⁹³ переговоры румынской стороной были прерваны.

Ситуация изменилась только с назначением на пост министра иностранных дел Румынии Николае Титулеску в октябре 1932 г., у которого не сложились доверительные политические и личные отношения с главой польского МИД

⁹² *Angels F. Starp paralēliem spoguļiem: Rumānijas un Latvijas attiecības starpkaru laikā // Latvijas Arhīvi, 1999, Nr. 4. 86. lpp.*

⁹³ *Стату В. История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 348–349; Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М., 2010. С. 158–162.*

Юзефом Беком. За разногласиями последовала определенная эмансипация Бухареста от польской опеки, позволившая Румынии нормализовать контакты с Литвой и установить дипломатические отношения с Советским Союзом в июне 1934 г., несмотря на сохранение противоположных позиций по «Бессарабскому вопросу»⁹⁴.

При этом посол Стурдза, будучи политиком откровенно фашистских и антисемитских взглядов, возлагал большие надежды на укрепление личной власти премьер-министра Латвии К. Улманиса, с которым у него сложились дружеские отношения. Он горячо приветствовал государственный переворот 15 мая 1934 г., всячески восхваляя режим Улманиса в своих депешах в Бухарест.

Общие и особенные тенденции в фашизации стран Центрально-Восточной Европы, включая Прибалтику, рассматривает канадский украинский историк Иван-Павел Химка, отметивший следующие важные нюансы: *«Обращение к опыту Румынии позволяет задуматься и о том, являлись ли черты восточно-центральноевропейского фашизма специфическими именно для этого региона? Можно выделить три наиболее явные характеристики легионистского движения: антисемитизм, антикоммунизм и самодисциплина. Антисемитизм играл важную роль во французском и немецком фашистских движениях, но не в Италии. С другой стороны, в Восточно-Центральной Европе просто не было такого варианта фашизма, который не включал бы сильный антисемитский компонент, особенно проявлявшийся в годы войны, в период альянса с германскими национал-социалистами. Антисемитизм был маркой фашистского движения в Румынии с его зарождения в 1920-х годах и никогда не ослабевал»*⁹⁵.

⁹⁴ Angels F. Starp paralēliem spoguļiem: Rumānijas un Latvijas attiecības starparkaru laikā // Latvijas Arhīvi, 1999, Nr. 4. 89., 90. lpp.

⁹⁵ Химка Дж.-П. О значении ситуационного элемента в восточно-центральноевропейском фашизме // Ab Imperio, 2010, № 4. С. 108–109.

Следует отметить притягательность для прибалтийских властителей отдельных аспектов самой нацистской доктрины, ее реализации на практике. Так, латвийский историк Айварс Странга отмечает, что К. Улманису, посетившему 8 сентября – 18 октября 1933 г. нацистскую Германию для лечения, очень понравилась «волна восторга и электризации», сочетавшаяся с поклонением масс фюреру («отдельный человек – абсолютное ничто») и изгнанием евреев из государственных структур, учреждений культуры и образования. При этом «вождь» давал не только лестные характеристики фюреру IIIи устанавливаемому нацистскому режиму, но и сделал замечательный в своей «прозорливости» вывод о том, что «новой Германии» бояться не стоит – «войны не будет»⁹⁶.

* * *

На практике идейные заимствования и собственные идеологические «находки» прибалтийских авторитарных диктатур привели к созданию специфических структур и обкатке практик, объективно сближавших официальные Каунас, Ригу и Таллин с такими недемократическими режимами, как фашистские и нацистский. Например, в Латвии это вылилось в создание системы «камер» как органов надзора за объединениями торговцев, промышленников, ремесленников, сельхозпроизводителей и представителей «свободных профессий», монополизацию производства и торговли в руках «надежных» латышей, принудительную национализацию, выдавливание с рынка представителей «нетитульных» национальностей. По итогам государственного переворота 15 мая 1934 г. были распущены все политические партии, упразднен Сейм, частично ликвидированы самоуправления, прекращено («приостановлено») действие Сатверсме (конституции), закрыты многие печатные издания, запрещены собрания и демонстрации, задержаны более 2 тыс. человек,

⁹⁶ *Stranga A. Ebreji un diktatūras Baltijā (1926–1940). Rīga, 2002. 164., 165. lpp.*

часть из которых была направлена в концентрационный лагерь в Лиенае. Репрессии затронули и конкурентов К. Улманиса по силовому сценарию захвата власти в ультраправом лагере: запреты политической деятельности и аресты распространялись на активистов фашистских организаций «Перконкрустс» Г. Целминьша и «легионеров» В. Озолса.

Хотя Карлис Улманис не инициировал физическое уничтожение евреев и пресекал несанкционированное насилие, но после переворота 15 мая 1934 г. у многих из них отнимались разрешения на работу адвокатами и врачами, им больше не могли принадлежать предприятия в ряде отраслей экономики. Под нажимом нацистов из Латвии постепенно выдавливались иностранные компании с еврейским капиталом.

Брутальная риторика «вождя» не сопрягалась с кровавыми расправами – он предпочитал создавать для недозволенных невыносимые условия существования, практиковал аресты, тюремное заключение и высылку из страны оппозиционеров, следил с помощью агентов Политуправления полиции за их активностью в эмиграции, лишал подданства. В частности, гражданство ЛР было отнято даже у бывшего министра иностранных дел (1926–1928), депутата Сейма четырех созывов и посла во Франции (1933–1934) Ф. Циеленса, остро критиковавшего «вождя» в зарубежных изданиях. В период диктатуры Улманиса официально не был приведен в исполнение ни один смертный приговор политического характера, хотя некоторые левые активисты получили тяжкие травмы или погибли при загадочных обстоятельствах.

Политическая верхушка, концентрировавшаяся вокруг Улманиса, была подобрана по принципу личной преданности, а не деловых качеств. При этом она включала в себя персонажей, весьма различных по внешнеполитическим симпатиям, антипатиям и предрассудкам. Военный министр, позднее – вице-премьер Балодис, практически единствен-

ный из окружения диктатора, кто отваживался ему что-либо возражать, сохранял антинемецкую подозрительность. Постепенно он был отодвинут с авансцены, проиграв аппаратную схватку за милость «вождя» молодым выдвигенцам – склонному к опасным дипломатическим играм с Берлином Вилхелму Мунтерсу (глава МИД) и Алфреду Берзиньшу, главному вдохновителю и организатору кампании по установлению культа личности Улманиса («товарищ» (заместитель) министра внутренних дел, позднее возглавил Министерство общественных дел, курировал военизированную организацию «айзсаргов»). Министр финансов А. Валдманис (1938–1939) впоследствии сотрудничал с нацистскими оккупантами. Ориентации на укрепление связей как с Великобританией – Францией, так и с Финляндией – Эстонией придерживался назначенный в 1934 г. командующим латвийской армией генерал Кришьянис Беркис; при этом в среде генералитета имелись как неприкрытые, так и более осторожные «друзья Германии» (начальник штаба армии М. Хартманис, О. Данкерс и др.).

Советское руководство в целом было осведомлено о политических раскладках и симпатиях в латвийских верхах, получая характеристики персонажей не только от полпредства в Риге, но и по линии разведки. Так, достоянием ГУГБ НКВД СССР стал доклад чешского посла в Риге П. Берачека в МИД ЧСР от 21 сентября 1938 г. по вопросу об отношении Латвии и других прибалтийских стран к вероятному советско-германскому конфликту и мировой войне. В нем были проанализированы противоречивые настроения в окружении Улманиса и приведена нелестная характеристика латвийского диктатора, данная французским послом в Риге Ж. Трипье: *«Он реагирует на все как немец. Когда он сталкивается с силой, он пресмыкается, когда чувствует себя более уверенным, становится наглее»*. В этом докладе также был представлен вывод: *«Со своей стороны считаю, что окончательное решение Латвии – зависело бы от первоначальной позиции Германии»*.

чальных успехов той или иной стороны, но все же предполагаю, что в случае столкновения русских и немецких войск на территории Латвии, латыши, пожалуй, решили бы стать на советскую сторону, учитывая симпатию большинства народа. [...] Что касается президента Улманиса, то он не мог бы противопоставить себя крестьянству и в этом случае, вероятнее всего, пошел бы вместе с армией и аграрниками против немцев. Другое дело, если англо-французская комбинация проявила бы свою военную беспомощность и неподготовленность, а немцы имели бы молниеносные успехи вначале»⁹⁷. Как известно, мрачный прогноз чешского дипломата относительно положения западных союзников в первые годы войны оправдался. Судьба же самой Латвии была решена до начала военных действий нацистской Германии против СССР, поэтому судить о реальных соблазнах для Улманиса встать на сторону немцев можно лишь в вероятностном ключе.

* * *

В 1936–1937 гг. нарастающий германский экспансионизм еще слабо выделял прибалтийский приоритет, за исключением пропагандистской и разведывательной деятельности на территории Литвы, Латвии и Эстонии, а также поддержки организаций балтийских немцев. Однако в Берлине внимательно следили за настроениями в политическом и военном истеблишменте прибалтийских стран. В 1937 г. подготовленный по приказу военного министра Германии генерал-фельдмаршала В. фон Бломберга военный план отражал немецкие представления о прибалтийских странах и результатах проделанной работы: Эстония получила лестную характеристику «друга», Литва считалась врагом, а по поводу Латвии возникали сомнения.

⁹⁷ Прибалтика и геополитика. Сборник документов (1935–1945) / Сост. Л.Ф. Соцков М., 2006. С. 54–58.

Иллюстрацией противоречий в позиции основных латвийских военно-политических фигурантов может служить инцидент с посещением Берлина командующим армией Латвийской Республики Беркисом в 1937 г.: он решился на этот шаг (сразу после турне Лондон – Париж) вопреки категорическим возражениям военного министра Балодиса и при поддержке министра иностранных дел Мунтерса. В том же году Улманис лично подчеркнул приоритетность контактов с нацистами: во время визита в Ригу начальника Генштаба РККА маршала А. Егорова, прибывшего в ответ на посещение СССР латвийским коллегой, он так и не был принят диктатором, который предпочел в это время встречу с представителями НСДАП⁹⁸.

Последовательное укрепление германского влияния в Прибалтике, особенно в Эстонии, а также крушение проектов коллективной безопасности вызывало в Кремле серьезное беспокойство. Еще в 1936 г. И. Сталин публично выразил обеспокоенность в связи с возможностью сдачи прибалтийскими странами «границы в кредит» для агрессии против СССР⁹⁹. В 1938 г. германское влияние в Прибалтике резко усиливается. Берлин под предлогом «воспитания прессы в духе нейтралитета» потребовал от стран Прибалтики навести «арийский порядок» в печатных изданиях, убрав евреев из состава корреспондентов за рубежом и редактората, а также из числа владельцев газет. Официальная Рига вскоре согласилась с антисемитскими претензиями нацистов в отношении издательского бизнеса и журналистики, устроив «чистку» в ведущих изданиях (таковая была произведена, в частности, в латышских газетах «Брива земе» и «Яунакас зиняс», а также в русскоязычном издании «Сегодня»). Как отмечал глава МИД Латвии В. Мунтерс в беседе с германским послом в Риге У. фон Котце в мае

⁹⁸ *Rislaki J.* Kur beidzas varaviksnē. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonenā. Rīga, 2004. 155., 156., 157. lpp.

⁹⁹ Правда. 1936. 5 марта.

1939 г., «именно этот тихий антисемитизм дает хорошие результаты, которые народ, в общем, понимает и с которыми соглашается»¹⁰⁰.

Другой иллюстрацией подчинения германской воле прибалтийской дипломатии стала ситуация с отказом от автоматического применения Эстонией, Латвией и Литвой статьи 16 Статута Лиги Наций, позволявшей, среди прочего, транзит советской военной силы по их территории, акватории и воздушному пространству для борьбы с агрессором в случае нападения на Чехословакию. Берлин при поддержке Таллина сумел надавить на Ригу и Каунас, выступив с угрожающей позицией: руководство Рейха «не считает нейтральными страны, допускающие проход иностранных войск через их территории»¹⁰¹. В результате 19 сентября 1938 г. Эстония и Латвия, а 22 сентября – Литва заявили о необходимости применения статьи 16, приняв тем самым и германское толкование «нейтралитета» (законы о котором в срочном порядке прибалтами были разработаны, утверждены и объявлены)¹⁰².

В секретных беседах с германскими представителями эстонское военное руководство не скрывало своей поддержки действий Германии в случае конфликта и желания быть полезными Рейху. Так, 5 июля 1938 г. германский посланник в Таллине Г. Фровейн известил Берлин о том, что начальник штаба эстонской армии генерал Н. Реэк признал важность для Эстонии немецкого контроля над Балтийским морем в случае войны и «заявил, что Эстония также может оказать содействие в этом деле. Например, Финский залив очень легко заминировать против советских военных ко-

¹⁰⁰ Kangeris K. Latviešu ub ebreju attiecibas Trešā reiha skatījumā. 1933. – 1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003. 56. lpp.

¹⁰¹ Ilmjärv M. Silent submission... P. 285.

¹⁰² См.: Ковалев С.Н. СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 33–34.

раблей, не привлекая никакого внимания. Имеются и другие возможности»¹⁰³. Советская разведка имела определенную информацию о подобных контактах и, в частности, отмечала, что Германия занимается «подготовкой морского плацдарма для войны на Балтийском море»¹⁰⁴.

В обстоятельствах, когда Запад настойчиво желал перенацелить агрессию Гитлера на Восток (что показали «мюнхенский сговор» 1938 г. и раздел Чехословакии, все попытки выстроить единый фронт против нацистов не увенчались успехом, а Москва опасалась военного нападения не только со стороны Германии, но и Великобритании с Францией, при возможном участии Польши и Румынии в той или иной конфигурации союзников), – в этих обстоятельствах доверие к Эстонии, Латвии и Литве как политически устойчивому и в военном плане состоятельному союзнику или нейтралу улетучивалось у всех заинтересованных сторон, включая СССР. На фоне затухания геополитического интереса к Балтийскому региону у Великобритании¹⁰⁵ и Франции официальные Таллин и Рига стали в несколько большей мере прислушиваться к мнению Москвы, но предприняли отчаянную попытку заискивания перед Гитлером.

Если равнение эстонской внешней политики на гитлеровскую Германию было заметно уже в 1935–1937 гг., то кульминацией сближения Латвии с Рейхом, отмечавшегося еще в 1938 г., стал период весны – начала лета 1939 г. Оккупация Германией Чехословакии не привела к принятию официальной Ригой советского покровительства независимости Латвии; в предупреждениях из Москвы о недопустимости сближения с Германией зазвучали жесткие нотки, которые главой МИД В. Мун-

¹⁰³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie D. Bd. V. Baden-Baden, 1953. S. 384.

¹⁰⁴ Цит. по: Ковалев С.Н. СССР и Прибалтика... С. 34.

¹⁰⁵ См.: Feldmanis I., Stranga A., Virsis M. Latvijas ārpolitika un starptautiskais stāvoklis (30. gadu otrā puse). Rīga, 1993. 21. lpp.; Zunda A. Latvijas un Lielbritānijas attiecības 1930–1940. Realitāte un ilūzijas. Rīga, 1998. 9., 10. lpp.

терсом были проигнорированы и лишь подхлестнули попытку встроиться в фарватер германской политики при некотором отдалении от Великобритании и Франции.

Вместе с тем в историографии и публицистике распространены представления о том, что высшие руководители Литвы А. Сметона, Эстонии – К. Пятс и Латвии – К. Улманис, а также глава МИД Латвии В. Мунтерс и латвийский военный министр Я. Балодис, которому вменялись в вину «явно прорусские высказывания»¹⁰⁶, были тесно связаны с советскими спецслужбами или даже стали «агентами ЧК». Отправными точками для подобных суждений, усиливаемых «тихим (само)подчинением» президентских диктатур в период вхождения советских войск и присоединения Прибалтики к СССР летом 1940 г., являются исследование эстонского историка Магнуса Ильмярва¹⁰⁷ и мемуары заместителя начальника внешней разведки НКВД СССР (с 10 мая 1939 г.) П. Судоплатова. Однако отрывочные сведения о тайной финансовой подпитке литовских националистов для повышения их сопротивляемости польскому вмешательству в 1922–1926 гг., К. Улманиса и его окружения во второй половине 1920-х гг. или работе в Эстонско-советской Коммерческой палате (с 1924 г.) и Нефтяном синдикате К. Пятса в оппозиционный период не дают достаточно внятного ответа на вопрос о наличии и характере секретных контактов прибалтийских «вождей» с Москвой в период диктатуры, а мемуары Судоплатова¹⁰⁸ не позволяют с достаточной точностью

¹⁰⁶ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Странга А., Фелдманис И. История Латвии. XX век... С. 169.

¹⁰⁷ См.: *Ilmjärv M. Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus 1920. Aastate keskpaigast anneksioonini.* Tallinn: Argo, 2004; *Ильмярв М. Безмолвная капитуляция: Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940).* Пер. с эст. М., 2012.

¹⁰⁸ *Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля.* М.: ТОО «Гей», 1996. С. 114–117; *Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии.* 1941 год. М., 2001. С. 114; *Судоплатов П.А. Победа в тайной войне.*

верифицировать факт сотрудничества президента Эстонии, главы Латвии или ее внешнеполитического ведомства с советской разведкой, планы Москвы по «замене» Улманиса на Мунтерса и т. п. Разве обманывал В. Мунтерс германских представителей, утверждая: дислокация латвийской армии свидетельствует, что *«мы вообще никогда в военном отношении не ориентировались иначе, как только против Востока»*?¹⁰⁹ Также остается открытым вопрос, почему Улманис еще до переворота 15 мая 1934 г., неоднократно занимаемая «разъездной» пост министра иностранных дел, с 1926 г. отказывался от приглашений посетить СССР.

Так или иначе, прогерманский крен во внешней политике Латвии и Литвы весной-летом 1939 г. неоспорим. Эстонский историк Магнус Ильмярв дает объяснение ориентации прибалтийских правительств на нацистский Рейх: *«К 1939 г. в условиях международного кризиса в Европе Латвия и Литва, следуя за эстонским примером поиска убежища под прикрытием риторики нейтралитета, также стали придерживаться внешнеполитической ориентации, которая в наименьшей степени служила национальным интересам этих стран. Мотивируя это страхом ликвидации частной собственности большевистским Советским Союзом, правительства Эстонии, Латвии и Литвы возложили все свои надежды на нацистскую Германию, как наиболее мощного оппонента большевизма»*¹¹⁰. Немецкий дипломат, начальник IV отдела МИД Германии В. фон Гундхер 6 июня 1939 г. в своей служебной записке, подчеркнув, что Берлин и Таллин связывают дружеские отношения даже в военной сфере, указывал на источник

1941–1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 106–115.

¹⁰⁹ Цит. по: *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945)*. Rīga, 2008. 17. lpp.

¹¹⁰ *Ильмярв М. Балтийские страны в 1939–1940 гг.: замыслы и возможности // Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР*. М., 2006. С. 276.

прогерманского «вдохновения» и латвийской дипломатии: «Под влиянием возросшей мощи Великой Германии примерно год назад Латвия также изменила свое отношение к Германии и сегодня проводит настоящую политику нейтралитета»¹¹¹.

Скупая встречная лесть в адрес эстонской и латвийской дипломатий (за их выверенный с Берлином антисоветский «общий знаменатель») имела и оборотную сторону в отношении литовских соседей Германии – шантаж. 20 марта 1939 г. Германия потребовала от Литвы передать ей Клайпеду (Мемель) с прилегающей территорией. Шантаж увенчался успехом; 22 марта был подписан германо-литовский договор о передаче Клайпеды Рейху, согласно которому стороны брали на себя обязательство о неприменении силы друг против друга. Захват Клайпеды сопровождался демонстрацией военно-морской мощи Германии; Гитлер на линкоре «Дойчланд» отправился из Свинемюнде в Мемель, чтобы лично с триумфом посетить отнятый у Литвы город. Правительства Великобритании и Франции не оказали противодействия Берлину, хотя и относились к числу участников подписанной в 1924 г. в Париже конвенции, признававшей Клайпедский край составной частью Литвы¹¹².

20 апреля 1939 г. в торжествах, посвященных 50-летию Гитлера, приняли участие не только начальник Генштаба эстонской армии генерал Н. Реэк, но и начальник штаба латвийской армии М. Хартманис, а также генерал О. Данкерс, получившие награду из рук фюрера. В ответ на «пряник» в виде торговых и военно-технических контрактов Берлин получил заверения от латвийского руководства о ненаправленности союзнических обязательств Риги и Таллина про-

¹¹¹ Цит. по: Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. Latvija Otrajā pasaules karā... 17. lpp.

¹¹² Наумов А.О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 370.

тив Рейха; оно также организовало 22 мая 1939 г. помпезное празднование 20-летия «освобождения Риги от большевиков» (изгнания из столицы правительства Советской Латвии во главе с П. Стучкой) с участием внушительной делегации из Германии, включая не только ветеранов воевавшего с большевиками ландсвера, но и «парадные» подразделения СС. Как отмечал латвийский политик и публицист М. Вульфсон, *«по существу, это был вызов не только большинству антигермански настроенного населения Латвии, но и западным союзникам»*¹¹³. Добавим к этому, что и Советскому Союзу – в первую очередь.

В этих условиях Советский Союз вновь попытался обеспечить международные гарантии Прибалтике при помощи соглашения с Лондоном и Парижем. Москва дважды, в апреле и мае 1939 г.¹¹⁴, предлагала западным великим державам предоставить совместные гарантии Латвии, Эстонии и Финляндии, однако безуспешно. Современный анализ планов нацистов не оставляет сомнений в обоснованности опасений советской стороны по поводу ничем не обеспеченного и поддающегося Берлину прибалтийского «нейтралитета». Так, российский историк Александр Дюков отмечает: *«Сегодня мы знаем то, чего не знали участники событий: в Берлине как раз в это время обсуждался вопрос об экспансии на прибалтийском направлении. В утвержденной 11 апреля Гитлером “Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.” указывалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Латвию и Литву: “Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать*

¹¹³ Вульфсон М. 100 дней, которые разрушили мир: Из истории тайной дипломатии. 1939–1940. Рига, 2001. С. 69.

¹¹⁴ Год кризиса 1938–1939: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. С. 453–459.

лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи»¹¹⁵.

На этом фоне попытка Финляндии (наряду со Швецией) добиться в Совете Лиги Наций отмены демилитаризации Аландских островов, режим которой был установлен соответствующей конвенцией 1921 г., была воспринята Кремлем как грубая попытка финнов подыграть Гитлеру на Балтике и создать дополнительную угрозу безопасности СССР, способную также косвенно повлиять на настроения эстонской и латышской элит. И хотя по итогам столкновения дипломатических позиций в Лиге Наций положения указанной конвенции остались в силе, реваншистский зондаж Хельсинки, его неуступчивость в переговорах с Москвой по данному и смежным вопросам, проходивших с декабря 1938 г. по апрель 1939 г., сгущали атмосферу взаимного недоверия и создавали дополнительные предпосылки для будущего военного столкновения¹¹⁶.

Переговоры СССР с Англией и Францией все еще шли, когда 7 июня 1939 г. в Берлине в торжественной обстановке В. Мунтерс и К. Сельтер подписали с И. Риббентропом пакты о ненападении на 10 лет. Латвийскую и эстонскую делегации ждал радушный прием с участием рейхсфюрера СС Г. Гимmlера и начальника штаба «штурмовиков» СА В. Лутце.

Современные исследователи задаются вопросом, сопровождалась ли пакты Риббентропа – Мунтерса и Риббентропа – Сельтера секретными договоренностями, и если это так, то были ли они как-то оформлены? М. Ильмярв в этой связи ссылается на внутренний меморандум Г. Дертингера (немецкая Служба новостей для заграницы) от 8 июня 1939 г., в котором говорится о том, что Эстония и Латвия согласились

¹¹⁵ Дюков А.Р. «Пакт Молотова – Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память», М., 2009. С. 48.

¹¹⁶ См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 368–369; Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 87.

с тайной статьей, требовавшей от обеих стран координировать с Германией все оборонительные меры против СССР. В меморандуме также указывалось, что Эстония и Латвия были предупреждены о необходимости умного применения их политики нейтралитета, требовавшей развертывания всех оборонительных сил против «советской угрозы»¹¹⁷.

Латышские историки осторожно подмечают «двойное дно» этих соглашений с немцами: *«Германия продемонстрировала способность, сохранив формально-юридический подход в межгосударственных отношениях, использовать позицию латвийского внешнеполитического ведомства в своих нуждах. Быть может, уже тогда нацистская Германия взвешивала возможности использовать договоры о ненападении с Балтийскими странами для размена на что-нибудь более важное»*¹¹⁸.

В латвийской русскоязычной публицистике оценки этих событий и их последствий более жесткие и нелюбезные: *«“Пакты с дьяволом” показали отрицательное отношение Латвии и Эстонии к перекрестным военным гарантиям Англии, Франции и СССР, переговоры между которыми шли в Москве. Они изолировали две страны Балтии от вероятного союзника Польши. А Гитлер, быстренько все переиграв, списал две страны как расходный материал. Так что документ, 70 лет назад казавшийся Улманису виртуозным, в очень скором времени привел к бесславной сдаче государственной независимости Латвии. И не будем забывать и поныне, что первым все-таки Риббентропу пожал руку Мунтерс, а не Молотов»*¹¹⁹.

Следует отметить, что сами германско-прибалтийские пакты и обстоятельства их подписания были сильным элементом давления Гитлера и Риббентропа на советское руко-

¹¹⁷ Ilmjärv M. Hääletu alistumine... lk. 558.

¹¹⁸ 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 700. lpp.

¹¹⁹ Кабанов Н. Рукопожатие с Гитлером. Латвийско-германский пакт о ненападении: забытая страница истории // Вести сегодня, 28 мая 2009 г.

водство, хотя вопрос о полноте осведомленности Москвы относительно тайных договоренностей остается открытым¹²⁰. «Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении, – писал впоследствии Уинстон Черчилль. – Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть вглубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него»¹²¹. Вскоре официальный Таллин уведомил Лондон о том, что Эстония будет рассматривать «автоматическую помощь» как недружественный акт. Более того, 19 июня 1939 г. посол Эстонии в Москве А. Рэй на встрече с британскими дипломатами заявил, что помощь СССР заставит Эстонию выступить на стороне Германии¹²².

Громкими заявлениями дело не ограничилось; уже 26–29 июня 1939 г. Эстонию посетил начальник Генштаба сухопутных войск Германии генерал-лейтенант Ф. Гальдер. Его интересовало не столько состояние войск Эстонии, сколько получаемые с эстонского разведывательного плацдарма данные о мобилизационных возможностях СССР и т. п. В те же дни абвер, заручившись поддержкой диктатора К. Пятса и генерала Й. Лайдонера, ввел при Генштабе эстонской армии должность «офицера связи», утвердив в ней фрегатен-капитана А. Целлариуса, занявшего и аналогичный пост в Хельсинки. В июле 1939 г. А. Целлариус при поддержке финнов создал «Военную организацию Финляндия» (КОФ), более известную как «Бюро Целлариуса». Эта группа сконцентрировала свои усилия на сборе разведывательных сведений о Ленинград-

¹²⁰ В опубликованных материалах из ведомственного архива советской разведки содержатся различные фрагментарные сведения о германском влиянии в правящих кругах Латвии, контактах с немцами, усилении экономической зависимости этой страны от Германии, однако данных, подтверждающих знакомство Москвы с деталями пактов Риббентропа – Мунтерса и Риббентропа – Сельтера от 7 июня 1939 г., представлено не было. См.: Прибалтика и геополитика... С. 90–106.

¹²¹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1997. Т. 1. С. 181.

¹²² Дюков А.Р. «Пакт Молотова – Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память», М., 2009. С. 47–52, 133–138.

ском военном округе, а в дальнейшем и о советских войсках на территории Эстонии¹²³. 18 июля 1939 г. в Эстонию прибыл руководитель абвера адмирал В. Канарис в сопровождении начальников управления «Абвер-1» (разведка) Г. Пикенброка и управления «Абвер-III» (контрразведка) Ф. Бентивеньи.

*«Суть дилеммы, перед которой оказалась Москва, заключалась в том, что сохранение ее позиций в регионе становилось отныне возможным лишь посредством войны с Германией или путем достижения соглашения с ней»*¹²⁴, – отмечают российские историки Олег Кан и Александр Рупасов. В условиях отсутствия надлежащих англо-франко-советских договоренностей о совместном противостоянии германской агрессии советское руководство пошло на сближение с Гитлером, который был заинтересован в нейтралитете СССР при нападении на Польшу и мог позволить себе временно пожертвовать своими претензиями на Прибалтику (в первоначальном варианте – кроме Литвы и левобережья Западной Двины в Латвии). Ради этого фюрер был готов временно очертить на карте линию, за которую притязания Германии якобы не распространяются. И. Сталин принял решение заключить советско-германский договор о ненападении с секретными дополнительными протоколами от 23 августа 1939 г. (подписан в ночь на 24 августа председателем СНК, народным комиссаром иностранных дел В. Молотовым и министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом).

* * *

Накануне неизбежного драматического столкновения СССР и Германии, отсроченного в августе-сентябре 1939 г., Прибалтика оказалась в советской «сфере интересов», что на практике означало готовность СССР настоять на за-

¹²³ Барков Л. В дебрях абвера. Таллин, 1971. С. 26–27, 31–32, 48.

¹²⁴ Кен О., Рупасов А. Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002. С. 86.

ключении со странами региона договоров о взаимопомощи для охраны их границ наряду со своими, с использованием ограниченных контингентов РККА и КБФ. Первоначально секретные договоренности были достигнуты в следующей формулировке: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами»¹²⁵.

После достижения советско-германских договоренностей, включавших в себя распределение зон влияния в Прибалтике, и начала Второй мировой войны одним из аспектов «размежевания» в регионе стал «вопрос балтийских немцев». Сталинское руководство считало важным маркером соблюдения Берлином секретных договоренностей его активность по эвакуации немецкой диаспоры из Эстонии и Латвии. В среде балтийских немцев были сильны симпатии к национал-социалистам, действовала разветвленная сеть организаций, связанных с НСДАП, германской военной и политической разведкой. Как отмечается в современной латышской историографии, под контролем или сильным воздействием нацистов находились «Балтийское братство», «Балтийское объединение», «Немецкое культурное общество», «Народное объединение балтийских немцев в Латвии». Большое влияние на воспитание молодежи немецкого происхождения и распространение нацистской пропаганды оказывала группа адвоката Э. Крёгера, который лично участвовал в слетах НСДАП в Германии и сотрудничал с немецкими спецслужбами¹²⁶. Латвийское руководство в конце 1930-х гг. занимало противоречивую позицию в отношении активности балтийских немцев:

¹²⁵ Международная жизнь. 1989. № 9.

¹²⁶ См.: 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 606. lpp.

с одной стороны, ставилась задача по снижению их влияния на общество и экономику страны (при этом Политуправление внимательно следило за умонастроениями в местной немецкой среде), с другой стороны, реальных действий по преследованию пронацистских организаций и агитаторов не велось из-за опасений «внешнеполитических осложнений»¹²⁷.

В воспоминаниях левого социал-демократа Яниса Гринвалдса ярко запечатлена картина засилья нацистов: *«Покою мне не давали увиденные летом 1939 г. немецкие демонстрации на Рижском взморье. В воскресное послеобеденное время прямо вдоль берега, вопреки запрету автомашинам ездить по пляжу, мимо нас проехали несколько германских машин со свастиками. Местные немцы бесновались в восторге, крича – хайль, хайль, Гитлер, хайль! Обнимались со слезами на глазах – слезами радости. Это было жуткое предостережение нам. Гитлер готовился прийти, и его ждали – больше чем верующие своего мессию. Мы не могли так спокойно ждать, как улманисовская клика. Наши собственные силы здесь не позволяли играть значительную роль. Надежды на спасение мы ожидали от Москвы»*¹²⁸.

Встречные ожидания «еврейско-коммунистического террора» в отношении балтийских немцев, рассчитывавших на скорый приход нацистских войск, стали одним из поводов для решения Гитлера о репатриации. Другие мотивы были связаны с потребностями укрепления военно-экономического потенциала Рейха за счет «арийских» переселенцев, освоения захваченных земель на западе Польши и нежелания оставлять «своих» в странах, где сворачивалась зона влияния Германии в соответствии с секретным протоколом пакта Молотова – Риббентропа.

28 сентября 1939 г. в Москве Риббентроп среди прочего подписал особый протокол, в котором содержались обя-

¹²⁷ Там же, 607. lpp.

¹²⁸ *Grīnvalds D.* «Kā es redzēju tās lietas»: Mana tēva Jāņa Grīnvalda dienasgrāmata. 1940–1945. Rīga, 2002. 54. lpp.

зательства советской стороны не препятствовать выезду в Германию граждан Рейха и лиц немецкого происхождения с территорий советской сферы интересов, а также вывозу их имущества. Берлин, в свою очередь, брал на себя подобные обязательства в отношении украинцев и белорусов, оказавшихся в зоне германского контроля.

Латвийские историки считают, что этот протокол не имеет прецедента в истории международных отношений – два диктатора, Сталин и Гитлер, в качестве объекта секретных договоренностей рассматривали граждан, проживавших в других суверенных государствах¹²⁹. Однако примеров договоренностей относительно граждан третьих стран хватает и в современном Европейском Союзе (от закрытых списков стран, граждане которых подлежат особому контролю при выдаче виз и въезде в Шенгенскую зону, до условий введения «голубой карты» – аналога американской «гринкарты»). Трагизм ситуации 70-летней давности заключался в том, что никакой добровольности переселения в действительности не было.

Официальная Рига и не думала возражать Гитлеру в этом вопросе, подписав 30 октября с Германией межправительственный договор, ставший юридической базой для «одноразовой акции» переселения немцев, в результате которого эта этническая группа с определенным статусом должна была перестать существовать в Латвии. Официальная Рига была готова пойти на существенное увеличение внешнего долга перед Германией, потребовавшей компенсации за оставшееся имущество (до июня 1940 г. Латвия успела выплатить 24,9 млн латов из общего долга в более чем 100 млн латов)¹³⁰. При этом правительство Улманиса фактически

¹²⁹ См.: *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945)*. Rīga, 2008. 134. lpp; *Feldmanis I. Vācbaltiešu izceļošana no Latvijas (1939–1941)*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012.

¹³⁰ *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945)*. Rīga, 2008. 136. lpp.

субсидировало германские военные нужды, так как в виде компенсаций переселенцам Берлин цинично раздавал конфискованное у поляков и евреев имущество, а не латвийские деньги.

К. Улманис лично пожелал переселенцам покинуть Латвию «безвозвратно»¹³¹, а его чиновники следили за тем, чтобы немцы не брали с собой драгоценностей и «лишних вещей», а также упростили процедуру расторжения брака. В прессе развернулась широкая пропагандистская кампания в поддержку исхода балтийских немцев, однако многие из них вовсе не хотели покидать родные места. В ход шли угрозы и угрозы, как со стороны нацистских уполномоченных, так и местных властей. Балтийские немцы, упорствовавшие в желании до конца жизни связать свою судьбу с Латвией, рисковали остаться без работы, имущества и оказаться вне закона.

Предусматривалось, что проводившаяся морским путем эвакуация немецкой общины завершится к 15 декабря 1939 г., однако отъезд продолжался до весны 1941 г. К середине апреля 1940 г. от латвийского гражданства отказалось свыше 53 тыс. человек¹³². Среди них было и около 900 латышей, имевших немецких родственников, хотя в целом латвийские власти препятствовали бегству представителей «основной нации», аннулируя заграничные паспорта¹³³.

* * *

С началом агрессии Германии против Польши 1 сентября 1939 г. прибалтийские страны были озабочены своим положением и поспешили еще раз объявить о своем нейтралитете. Наиболее крутой дипломатический вираж в отношении Польши продемонстрировала официальная Рига: от поздравления

¹³¹ Jaunākās Ziņas. 13 октября 1939 г.

¹³² 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 626. lpp.

¹³³ Šilde Ā. Latvijas vēsture. 1914–1940. Stokholma, 1976. 679. lpp.

Варшавы с ее участием в разделе Чехословакии накануне начала войны – в надежде на то, что поляки не выдвинут претензий на юго-восточные районы Латвии, – до спешного и «громкого» закрытия польского посольства в сентябре 1939 г., вопреки протестам Лондона, Парижа и польского эмигрантского правительства. Таллин и Каунас предпочли закрыть польские диппредставительства без каких-либо заявлений. Польские военные, переходившие латвийскую границу, интернировались; в стране также смогли найти укрытие беженцы.

16 сентября 1939 г. во французском диппредставительстве в Риге начали жечь архивы, возникли трудности с эвакуацией французских граждан, так как «в Балтии хозяйкой положения является Германия». При этом рассматривались различные маршруты эвакуации дипработников: военный атташат планировал направиться на автомашинах в Нарву, а оттуда – в худшем случае пешком в Ленинград; посол Ж. Трипье надеялся зафрахтовать у контрабандистов рыболовецкий корабль, чтобы он подобрал беглецов в Таллине и переправил их в Финляндию. При этом замглавы дипмиссии Ж. де Босс всерьез опасался милитаристских жестов Парижа в адрес Москвы в связи с вторжением советских войск в восточные районы Польши: эвакуация из Риги возможна, *«если мы не объявим войну России; тогда любой путь отступления для нас будет закрыт»*. Посол Ж. Трипье в этой связи просил Париж задерживать в качестве заложников 72 гражданина СССР¹³⁴. Оставался еще воздушный путь до Стокгольма, от которого французские дипломаты отказывались по соображениям безопасности. Им также стало известно об одном свидетельстве мер контроля Германии над Латвией даже после появления там советских военных баз в октябре 1939 г.: немцы затребовали от шведской авиакомпании списки пассажиров на предварительное согласование в германском посольстве в Риге¹³⁵.

¹³⁴ Boss de Ž. Franču diplomāta piezīmes Latvijā. 1939–1940. Rīga, 1997. 15., 16., 19. lpp.

¹³⁵ Там же, 54. lpp.

Литва надеялась на возвращение Вильнюса, но не принимала самостоятельных усилий. Тем временем Берлин к 20 сентября 1939 г. разработал проект под названием «Основные принципы договора об обороне между Германией и Литвой», по которому Литовское государство обязано было «отдать себя под опеку Германского рейха». В военном аспекте этот проект предполагал, что *«численность, дислокация и вооружения литовской армии должны быть регулярно устанавливаемы при полном согласии Верховного командования вермахта»*¹³⁶.

25 сентября А. Гитлер утвердил директиву № 4 о сосредоточении войск вермахта в Восточной Пруссии для вступления в пределы Литвы. В этой связи российский военный историк Сергей Ковалев отмечает: *«Их вступление на литовскую территорию представляло опасность для группировки войск Красной армии в Западной Белоруссии, так как в случае эскалации военного противостояния давало вермахту возможность нанести по советским войскам фланговый удар с севера, а с юга – беспрепятственно пройти на территорию Латвии и Эстонии. Эту опасность увеличивала готовность эстонского руководства к военному сотрудничеству с Германией. Чтобы предотвратить такое развитие событий, требовались решительные меры»*¹³⁷.

Действительно, в связи с началом войны и возможными угрозами Советский Союз предпринял ряд мер по мобилизации и развертыванию сил в регионе. Так, 8 сентября 1939 г. приказом наркома ВМФ сроком на месяц были задержаны 2193 младших командира и краснофлотца, подлежащих увольнению осенью 1939 г. В течение месяца на учебные сборы в КБФ было призвано более 20 тыс. военнослужащих

¹³⁶ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 – август 1940 гг. М.: Международные отношения, 1990. С. 52.

¹³⁷ Ковалев С.Н. СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 35.

запаса. Факт бегства в ночь на 18 сентября из Таллина интернированной польской подводной лодки «Ожел» руководство СССР восприняло с тревогой (в Наркомате ВМФ допускали возможность задействования скрывшейся субмарины в борьбе с советским судоходством в связи со вступлением 17 сентября Красной армии на территорию Восточной Польши – Западной Белоруссии и Западной Украины)¹³⁸ и решило использовать его для дальнейшего наращивания военного присутствия СССР в Финском заливе и политического нажима на Эстонию с целью создания надежной системы безопасности на Балтике.

На сухопутных границах с Эстонией и Латвией советское руководство также сосредотачивало группировку войск: в Ленинградском военном округе (ЛВО) разворачивались Отдельный Кингисеппский стрелковый корпус и 8-я армия, в Калининском военном округе – 7-я армия. На Белорусском фронте у границ Литвы готовилась к активным действиям 3-я армия (общая численность личного состава трех армий и стрелкового корпуса на 28 сентября – 6 октября 1939 г. достигала 437 тыс. человек, танков – 3052, артиллерийских орудий – 3635 единиц). Директива Наркомата обороны СССР № 043/оп от 26 сентября 1939 г. требовала от штаба ЛВО, у которого в оперативном подчинении с 15 сентября находилась и 7-я армия, «немедленно приступить к сосредоточению сил на эстонско-латвийской границе и закончить таковое 29 сентября»¹³⁹. В свою очередь, эстонская сторона завершила предмобилизационные приготовления к 27 сентября; Латвия демонстративных мер подготовки к войне в целом избегала.

Если совокупный мобилизационный ресурс личного состава армий прибалтийских государств достигал внуши-

¹³⁸ Чирва Е.В. Подводная война на Балтике. 1939–1945. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 7–8.

¹³⁹ Подробнее см.: Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М., 2014. С. 33–79.

тельных размеров (годные к службе – 876 тыс., военнообученные – 565 тыс., расчетная численность армий военного времени – 427 тыс., военизированные отряды – 140–170 тыс. человек), то их военно-техническая оснащенность была явно недостаточной для самостоятельного ведения боевых действий в современных условиях (винтовок – около 428 тыс. штук, артиллерийских орудий – 1546, танков и бронемашин – 136 единиц)¹⁴⁰. Советской разведкой, в т. ч. разведотделом КБФ, боевая подготовка и огневая мощь войск Эстонии и Латвии, состояние береговой обороны, развитие авиации и средств связи оценивались в 1939 г. как весьма слабые; более высокий уровень отмечался в развитии и взаимодействии ВМС двух стран в районах Рижского залива, Моонзунда и устья Финского залива¹⁴¹.

Однако военный сценарий не был задействован напрямую, уступив место дипломатическому, предполагавшему как договоренности с Берлином о распространении сферы советских интересов на Литву (закреплены в секретном протоколе к Договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.), так и вынужденное получение согласия прибалтийских стран на размещение у себя советских военных баз. Военный разгром Польши в сентябре 1939 г. и установление непосредственных границ между СССР и Германией кардинально изменили подходы советского руководства к оценке и обеспечению гарантий военной безопасности в Прибалтике: теперь планка минимальных требований Москвы к Балтийским странам повышалась до размещения в договорном порядке на их территории и акватории ограниченного контингента советских сухопутных, морских

¹⁴⁰ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 358.

¹⁴¹ См.: Гайдук А.А. Оценка Вооруженных сил Латвии разведотделом КБФ СССР в 1939 году // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 2. С. 60–71; Гайдук А.А. Оценка Вооруженных сил Эстонии разведотделом КБФ СССР в 1939 году // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 46–62.

и военно-воздушных сил для отпора намечавшейся германской агрессии. Как справедливо отмечают современные российские военные историки, в частности С.Н. Ковалев, «переговоры проходили сложно, а обстановка требовала незамедлительных мер»¹⁴². В этой связи яркой иллюстрацией намерений СССР служит заявление В. Молотова министру иностранных дел Эстонии К. Сельтеру от 24 сентября 1939 г. *«Договор с Германией имеет определенный срок действия, – сказал он. – Так что ни мы, ни Германия не сложили оружия»*¹⁴³. Следовательно, *«Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море»*¹⁴⁴.

После интенсивных и тяжелых переговоров в Москве были подписаны пакты о взаимопомощи СССР с Эстонией 28 сентября 1939 г., с Латвией – 5 октября и с Литвой – 10 октября (последний именовался: «О передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимоотношении между Советским Союзом и Литвой»). Пакты сопровождалась торговыми соглашениями, позволявшими прибалтийским странам получить рынок сбыта сельхозпродукции в СССР и восполнить товарно-сырьевые потери, вызванные острым дефицитом импорта из-за начавшейся войны в Европе.

Благодаря договорам о взаимопомощи СССР получил право разместить свои военно-морские базы на стратегически доминирующих в Рижском и Финском заливах эстонских островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт), а также в незамерзающих латвийских портах Лиепая (Либавя) и Вентспилс (Виндава). Конфиденциальные протоколы к договорам устанавлива-

¹⁴² Ковалев С.Н. СССР и Прибалтика... С. 35.

¹⁴³ На чаше весов: Эстония и Советский Союз. 1940 год и его последствия / Сост. П. Варес, О. Журьяри. Таллин: Евроуниверситет, 1999. С. 25.

¹⁴⁴ См.: От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы / Сост. К. Арьякас. Таллин: Периодика, 1989. С. 135, 137–140.

ли предельный лимит на размещение гарнизонов наземных и воздушных сил СССР (в Эстонии и Латвии – по 25 тыс., в Литве – 20 тыс. человек)¹⁴⁵, отражавший компромисс между изначальными требованиями советских переговорщиков и возражениями прибалтийских делегаций.

Соотношение численности личного состава эстонской, латвийской и литовской армий (без мобилизационного ресурса и военизированных формирований) с контингентами советских войск в целом составило примерно 73 тыс. человек (соответственно, около 20 тыс., 25 тыс. и 28 тыс.)¹⁴⁶ к 61,7 тыс. (21,3 тыс. в 65-м Особом стрелковом корпусе (ОСК) и Особой группе ВВС (Эстония), 21,6 тыс. во 2-м ОСК и 18-й авиабригаде (Латвия) и 18,8 тыс. в 16-м ОСК, 10-м истребительном и 31-м среднебомбардировочном полках (Литва))¹⁴⁷. Войска получили строгие инструкции не вмешиваться во внутреннюю жизнь прибалтийских государств, избегать провокаций. Однако практическая реализация договоренностей была сопряжена с множеством проволочек и сложностей, касавшихся вопросов аренды, строительства, военных перевозок и т. п., переговоры по преодолению которых велись вплоть до июня 1940 г.

Следует отметить, что существовавшие в Латвии планы обороны («А», «D» и «К») предполагали защиту от нападения со стороны СССР, Германии или с двух сторон сразу, при этом восточное направление считалось главным. В Москве воспринимали латвийскую угрозу только в качестве возможного сателлита Германии, Италии или союзника Польши, Финляндии, территория и военная сила которого (до 4 дивизий) может быть задействована в наступлении на Ленинград, Псков, Новгород. После ввода в Латвию по договору от

¹⁴⁵ См.: Полпреды сообщают... С. 62–69, 84–88, 92–98.

¹⁴⁶ Ковалев С.Н. СССР и Прибалтика... С. 36.

¹⁴⁷ Подробнее о численности советских гарнизонов в странах Прибалтики см.: Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 99–131, 230–248.

5 октября 1939 г. ограниченного контингента войск Красной армии в латвийском Генштабе также разрабатывались варианты блокирования и уничтожения советских военных баз.

В данном контексте стоит напомнить, что 10 февраля 1940 г. К. Улманис выступил по радио с заявлением о том, что скоро может настать тяжелый момент, когда *«от каждого сельского дома одному человеку придется надеть униформу»*¹⁴⁸. 22 февраля правительство Латвии увеличило обязательную срочную воинскую службу до полутора лет, до дальнейшего распоряжения отменялись отпуска у инструкторов (младший командный состав).

Неспособность режима Улманиса адекватно реагировать на внешние вызовы и внутренние проблемы существенно усиливала леворадикальные протестные настроения в обществе. Отмечали надвигающуюся грозу и западные дипломаты. В дневнике заместителя главы французской миссии в Риге Ж. де Босса встречаются такие записи: *«Много говорят о коммунистической пропаганде в Латгалии, где с известного времени наблюдается выраженная тенденция к автономии»* (23 сентября 1939 г.); в Московском предместье Риги *«рабочие требуют прихода русских и смены государственно-го строя»* (29 сентября); во время демонстрации в рижских кинотеатрах фильма «Александр Невский» эпизоды с разбитыми тевтонами сопровождались бурными аплодисментами (23 ноября)¹⁴⁹. В апреле 1940 г. в Латвии прокатилась волна арестов активистов левого подполья.

Разумеется, размещение советских войск в Эстонии, Латвии и Литве вызвало далеко не у всех в этих странах восторженные оценки, но их официальные представители, в том числе и в своем узком кругу, вынуждены были признавать корректность поведения советской стороны и определенные выгоды от размещения баз. Так, литовский посланник в Гер-

¹⁴⁸ Brīvā Zeme, 12 февраля 1940 г.

¹⁴⁹ Boss de Ž. Franču diplomāta piezīmes Latvijā. 1939–1940. Rīga, 1997. 17., 18., 43. lpp.

мании К. Шкирпа в беседе с советским диппредставителем в Берлине А. Шкварцевым заявил, что «размещение русских войск в Литве произошло совершенно безукоризненно». Схожие позиции, судя по докладу литовского посланника во Франции П. Климаса главе МИД Литвы Ю. Урбшису, высказывались и на закрытом совещании послов прибалтийских стран 28 ноября 1939 г. в Париже: *«Русские гарнизоны не вызвали никаких недоразумений и не создали каких-либо затруднений. Кроме того, советские войска в Эстонии платят за товары английскими фунтами или долларами, а это положительно сказывается на финансах в то время, когда в стране не хватает валюты. У латыша также нет никаких неблагоприятных известий о русских»*¹⁵⁰.

При этом за дружественными улыбками властей прибалтийских стран в адрес СССР пряталось их желание как-то оправдаться перед Западом за тесное сотрудничество с большевистской Москвой, а также стремление выискивать формальные поводы для блокирования строительства военных объектов РККА и КБФ на отведенной территории. Об этом, например, свидетельствует проект литовской «Инструкции послам по поводу Московского договора» от 2 ноября 1939 г.: *«Было бы невыгодно, если бы за рубежом сложилось мнение, что Литва охотно приняла Московский договор и считает его нормальным или даже полезным для нее событием... С Россией приходится вести себя... предоставляя максимум формального содержания подписанным положениям пакта»*¹⁵¹.

Одними дипломатическими кознями и проволочками саботирование договоренностей с Москвой вовсе не ограничивалось. Так, после ввода в Латвию по договору от 5 октября 1939 г. гарнизонов войск Красной армии в латвийском Генштабе разрабатывались варианты блокирования и уничтожения советских военных баз, перекрытия прибрежных

¹⁵⁰ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Вильнюс, 2006. Т. 1. С. 364.

¹⁵¹ Там же. С. 339, 341.

районов Рижского залива¹⁵² (не особенно реалистичные). Следует отметить, что подобный вариант развития событий обсуждался И. Сталиным и в ходе переговоров с главой МИД Эстонии К. Сельтером 28 сентября 1939 г.: «*Не должно быть слишком мало войск, – объяснял Сталин эстонскому министру. – Окружите и уничтожите*»¹⁵³. При этом эстонцы не очень доверяли боеспособности латвийской армии и тайно планировали свою линию обороны глубиной до 60 км на латвийской территории, фактически допуская ее превентивную (встречную) оккупацию¹⁵⁴.

В конце 1939 г. латвийская и эстонская верхушка сохраняли конфиденциальные контакты с нацистами. Например, в ноябре состоялась встреча латвийского командующего К. Беркиса и начальника штаба армии Х. Розенштейнса с руководителем эстонского и финского отделов абвера А. Целлариусом¹⁵⁵. Вопреки советско-латвийскому договору о взаимопомощи отдел радиоразведки латвийской армии в ходе советско-финской «зимней войны» (ноябрь 1939 г. – март 1940 г.) оказывал практическую помощь финской стороне, переправляя перехваченные радиogramмы советских воинских частей¹⁵⁶. Этому способствовал и неоправдавшийся расчет прибалтийских военных на британское и французское или германское вмешательство в войну против СССР.

Сегодня среди балтийских историков можно встретить утверждения о «незаконности» договоров о взаимопомощи СССР с Эстонией, Латвией и Литвой, с подписанием кото-

¹⁵² См., например: Кабанов Н.Н. Генерал и его план. Можно ли было защитить Ригу от удара с моря в 1939 году? // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 34–38.

¹⁵³ От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы / Сост. К. Арьякас. Таллин, 1989. С. 184.

¹⁵⁴ Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonena. Rīga, 2004. 129., 131. lpp.

¹⁵⁵ Там же. 138. lpp.

¹⁵⁶ Ščerbinskis V. Ziemas karš un Latvija 1939–1940 // Militārais apskats. 1999. Nr. 2. 92. – 94. lpp.

рых якобы началась «советская оккупация»¹⁵⁷. Однако об их соответствии нормам международного права свидетельствует тот факт, что эти пакты по просьбе глав МИД прибалтийских стран были зарегистрированы в Лиге Наций¹⁵⁸. *«Хотя и под давлением, правительства стран Балтии все же согласились с условиями договоров о взаимопомощи, – пишет эстонский юрист Лаури Мьялксоо. – Эти договоры применялись на практике более чем полгода, поэтому говорить об их недействительности задним числом было бы фикцией. Кроме того, в то время доминировало мнение юристов... согласно которому заключенные под принуждением договоры не были автоматически недействительными»*¹⁵⁹.

Важно отметить, что понимание советским политическим и военным руководством ключевых стратегических задач в регионе с позиций осени 1939 г., в том числе значимость развертывания воинских контингентов в Прибалтике, нашло отражение в приказе НКО СССР от 7 ноября 1939 г. № 199. В этом документе акцентировалось внимание командования и личного состава на следующем важном аспекте: *«Договоры Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой являются прочной основой для мира в восточной половине Балтийского моря и в Восточной Европе»*¹⁶⁰.

В целом у руководства стран Прибалтики в конце 1939-го – начале 1940 г. сохранялись иллюзии дальнейшего балансирования между воюющими сторонами (нацистской Германией и англо-французской коалицией) и Советским Союзом, опасавшимся быть втянутым в мировую войну в невыгодных

¹⁵⁷ См., например: *Strods H. PSRS politiskā cenzūra Latvijā 1940–1990*. Rīga, 2010. 14. lpp.

¹⁵⁸ Полпреды сообщают... С. 115, 161.

¹⁵⁹ *Мьялксоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет. Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г.: Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Тарту, 2005. С. 123.

¹⁶⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13. М.: Терра, 1994. С. 123.

условиях, в том числе геополитических – на Балтике. Была предпринята также попытка оживить деятельность Балтийской Антанты путем проведения как секретных консультаций политического и военного характера, так и с помощью более формализованных координационных мероприятий – конференций 7–8 декабря 1939 г. и 14–16 марта 1940 г.

Такая активность прибалтов дала повод Москве заподозрить тайное присоединение Литвы к эстонско-латвийскому военному союзу, изначально имевшему антисоветский референ, однако сохранившемуся и после подписания договоров о взаимопомощи с Советским Союзом. Но в мае-июне 1940 г. ситуация в корне поменялась. Российский историк Елена Зубкова в этой связи отмечает: *«После того, как Германия захватила Норвегию и Данию и взялась за Францию, Сталин решил, что пришла пора действовать. С учетом изменившегося баланса сил в пользу Германии договоры о взаимопомощи с балтийскими странами казались слишком ненадежной гарантией, чтобы обеспечить военно-стратегические интересы СССР в Прибалтике, на самой границе с Восточной Пруссией»*¹⁶¹.

Здесь есть и еще одна проблема. Возникло впечатление, что с разгромом Франции война в Европе скоро завершится, и тогда по букве советско-прибалтийских договоров войскам Красной армии придется вернуться домой¹⁶².

* * *

Можно констатировать, что неискренность прибалтийской верхушки в соблюдении договоров с Советским Союзом была важным фактором, в сочетании с лавинообразным нарастанием нацистской угрозы побудившим Кремль оказать на эти страны жесткий нажим с целью смены там политических режимов и ввода дополнительных войск. Катастрофически быстрое поражение в июне 1940 г. Франции, считавшейся

¹⁶¹ Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль... С. 77.

¹⁶² Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 192, 621.

одним из столпов Версальского мира и самым серьезным военным противником Гитлера на Западе, не только не оставляло иллюзий о дальнейшем векторе нацистской агрессии, но и стало катализатором встречных геополитических изменений: в это «окно возможностей» успела уместиться смена власти в Прибалтике под давлением советского ультиматума и присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к СССР.

На границах Прибалтики была сосредоточена советская военная группировка, основу которой составляли 3-я, 8-я и 11-я армии. Ее численность, с учетом развернутых в Литве, Латвии и Эстонии корпусов, достигала 541,7 тыс. человек; на вооружении имелось 7 158 артиллерийских орудий и минометов, 3938 танков, 720 бронемашин и 2516 самолетов¹⁶³. 3 июня 1940 г. нарком обороны СССР С.К. Тимошенко «в целях объединения руководства войсками» выделил в свое непосредственное подчинение воинские контингенты РККА в Эстонии, Латвии и Литве из состава войск Ленинградского, Калининского и Белорусского военных округов¹⁶⁴. 13 июня в войска поступила директива Политуправления РККА № 5258/сс от 10 июня, разъясняющая цели и задачи предстоящей операции, в которой отмечалось: *«Мы хотим обеспечить безопасность СССР, закрыть с моря на крепкий замок подступы к Ленинграду, нашим северо-западным границам. Через головы правящей в Эстонии, Латвии и Литве антинародной клики мы выполним наши исторические задачи и заодно поможем трудовому народу этих стран освободиться от эксплуататорской шайки капиталистов и помещиков»*¹⁶⁵.

14 июня 1940 г. советское правительство предъявило ультиматум Литве, а 16 июня – Латвии и Эстонии, в которых требовалось привести к власти дружественные Москве правительства и допустить на территорию этих государств

¹⁶³ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 353.

¹⁶⁴ Полпреды сообщают... С. 339–340.

¹⁶⁵ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 353–356.

новые контингенты советских войск. Требования под угрозой силы были приняты, сопротивления дополнительному вводу советских войск, проходившему 15–21 июня, оказано не было¹⁶⁶; по прибалтийским городам прокатились массовые митинги в поддержку смены режимов. Власти, включая президентов К. Улманиса и К. Пятса, а также и. о. президента Литвы А. Меркиса, в целом сотрудничали с советскими представителями (А. Сметоне удалось бежать в Германию). С 21 июня управление 11-й армии разместилось в Каунасе, 3-й армии – в Риге, 11-й армии – в Тарту, при этом командованию по-прежнему запрещалось вмешиваться в политику¹⁶⁷. Политическими аспектами выполнения советских требований занялись специальные представители в статусе уполномоченных правительства СССР: В.Г. Деканозов (в Литве), А.Я. Вышинский (в Латвии) и А.А. Жданов (в Эстонии).

Несмотря на то, что в политически ангажированных оценках действий Кремля, звучащих из уст многих западных и прибалтийских официальных лиц, историков и публицистов, постоянно используется словосочетание «советская оккупация», оно не имеет под собой международно-правовых оснований: в июне 1940 г. на территории Литвы, Латвии и Эстонии не было ни военных действий враждующих армий, ни капитуляции, ни введения оккупационного режима; не последовало и нот протеста со стороны прибалтийских внешнеполитических ведомств или создания «правительств в изгнании»¹⁶⁸. Как отмечает российский исследователь Людмила Воробьева, в картину «оккупации» не вписывается и реакция населения: *«От восторженного и благожелательного отношения до настороженного и без-*

¹⁶⁶ См., например: Донгаров А.Г. СССР и Прибалтика (1939–1940 гг.). Дипломатические хроники и размышления. М., 2010. С. 139–141. Подробнее о подготовке и вводе советских войск в Прибалтику летом 1940 г. см.: Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 291–456.

¹⁶⁷ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 452.

¹⁶⁸ Подробнее о настроениях в странах Прибалтики летом 1940 г. см.: Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 457–586.

различного – в любом случае, какого-либо военного сопротивления или массового гражданского неповиновения летом 1940 г. не наблюдалось»¹⁶⁹.

Во всех трех странах Прибалтики были сформированы дружественные СССР, но не коммунистические по своему составу правительства во главе с Ю. Палецкисом (Литва), А. Кирхенштейнсом (Латвия), И. Варесом-Барбарусом (Эстония). Министерские портфели достались в основном представителям научных кругов, журналистики и художественной элиты левого и левоцентристского направлений¹⁷⁰. При этом президенты К. Улманис и К. Пятс сохраняли свои должности и подписывали правительственные декреты перед их вступлением в силу, а дипломатический корпус в прибалтийских столицах признавал легитимность новых кабинетов министров (двайены и послы были представлены главам МИД трех стран).

«Народные правительства» предприняли меры по освобождению политзаключенных, снятию ряда запретов периода авторитарных диктатур, возвращению гражданства политэмигрантам, улучшению материального положения рабочих и служащих, либерализации общественной жизни. При этом были аннулированы военный договор с Эстонией и соглашение о Балтийской Антанте, распущены и частично разоружены военизированные организации, составлявшие опору прежних режимов (к 15 июля только в Латвии и Литве изъяты 36 214 винтовок и карабинов, 21 250 пистолетов, 47 легких и 17 станковых пулеметов, 2835 гранат и др.)¹⁷¹, отстранены от работы некоторые сотрудники репрессивных органов. В целом первые политические шаги новых правительств снискали определенную популярность, способствовали оживлению общественной активности.

¹⁶⁹ Воробьева Л.М. История Латвии: От Российской империи к СССР. Кн. 2. / Фонд «Историческая память»; РИСИ. М., 2010. С. 77.

¹⁷⁰ См.: Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль... С. 80.

¹⁷¹ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 588.

Крайне малый срок, отведенный на избирательную кампанию по выборам в парламенты прибалтийских стран (5–13 июля), соответствовал стремительным темпам изменения международной и внутривнутриполитической ситуации, но при этом способствовал закреплению привилегированного положения ранее запрещенных и преследуемых коммунистов, быстро развернувших оргструктуры и составивших внятную предвыборную программу на фоне растерянности «буржуазных кругов» и снятия с выборов их списков по формальным и неформальным причинам. 14–15 июля состоялись выборы в народные Сеймы Литвы и Латвии и Государственную Думу Эстонии (избиратели поддержали единственные списки «блоков трудового народа»), обратившиеся затем с просьбой принять республики в состав СССР. Присоединение было оформлено в Верховном Совете СССР, соответственно, 3, 5 и 6 августа 1940 г. В.М. Молотов, выступая 1 августа на сессии Верховного Совета СССР, подчеркнул военно-стратегическую значимость принимаемых решений: *«Первостепенное значение для страны имеет тот факт, что отныне границы Советского Союза будут перенесены на побережье Балтийского моря»*¹⁷².

В Латвийской, Литовской и Эстонской ССР проводилась национализация банков, промышленности и торговли, земля объявлялась «всенародным достоянием» и перераспределялась в пользу безземельных и малоземельных крестьян. Одновременно расширялись социальные гарантии для населения, предпринимались шаги по введению бесплатной медицины. Интеграция в государственную систему СССР начала интенсифицироваться еще осенью 1940 г. (введение советского рубля параллельно национальным валютам, применение системы советского уголовного права и др.), но наибольшие темпы набрала весной 1941 г. (на Латвию, Литву

¹⁷² Известия. 1940. 2 августа.

и Эстонию распространялось советское законодательство о паспортах, воинской повинности и т. д.)¹⁷³.

11 июля 1940 г. был образован Прибалтийский военный округ (ПрибВО), включавший в себя советские войска на территории Литвы, Латвии и западной части Калининской области РСФСР с дислокацией управления в Риге (формировалось на базе упраздненного Калининского военного округа). Командующим ПрибВО был назначен генерал-полковник А. Локтионов (июль 1940 – декабрь 1941 г.).

14 августа 1940 г. Политбюро приняло постановление «О преобразовании армий в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР», согласно которому национальные армии предполагалось «очищать от неблагожелательных элементов» и преобразовать их, с подчинением командующему войсками ПрибВО, в стрелковые территориальные корпуса Красной армии: 22-й в Эстонии, 24-й в Латвии и 29-й в Литве. Нормативная численность одного корпуса устанавливалась в 15 142 человека, т. е. всего 45 426 человек¹⁷⁴.

17 августа 1940 г. ПрибВО был преобразован в Прибалтийский Особый военный округ (ПрибОВО), с включением в его состав войск на территории Эстонской ССР (ранее – в ЛенВО) и передачей ответственности за управление войсками на части территории Калининской области Московскому военному округу. С декабря 1940 г. ПрибОВО возглавил генерал-лейтенант (с февраля 1941 г. – генерал-полковник) Ф.И. Кузнецов.

Согласно плану стратегического развертывания РККА, принятому в марте 1941 г., северо-западное направление считалось одним из главных направлений удара немцев (на Ригу или Каунас, Даугавпилс). С августа 1940 г. по 22 июня 1941 г. проводилось наращивание сил ПрибВО, составившее, по разным показателям, от 1,5 до 2 раз: дивизий – с 15

¹⁷³ См., например: *Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю.* Черновики будущего. Латвия 1934–1941. Рига: «Балтийский форум», 2011. С. 365–453.

¹⁷⁴ Полпреды сообщают... С. 505.

до 25, личного состава – с 173 тыс. до 397 тыс. человек, орудий и минометов – с 3242 до 7019, танков – с 1025 до 1549, самолетов – с 675 до 1344 единиц¹⁷⁵.

14 мая 1941 г. была принята директива наркома обороны СССР, маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, предписывавшая командующему ПрибОВО генерал-полковнику Ф. Кузнецову разработать детальный план обороны государственной границы Литовской ССР, противодесантной обороны побережья Балтийского моря к югу от залива Матсалу и островов Даго и Эзель, а также план противовоздушной обороны. 2 июня 1941 г. план прикрытия госграницы и боевых действий ПрибОВО на случай войны был утвержден, однако многие аспекты военно-технического, инженерного и мобилизационного характера к моменту нападения нацистской Германии на СССР командование округа осуществить не успело; не были полностью учтены и компенсированы танкодоступность равнинной местности с относительно развитой сетью шоссейных дорог, протяженность морского побережья, сохранялись изъяны во взаимодействии РККА и КБФ.

Подготовка к отражению военной агрессии гитлеровской Германии и подавлению возможных антисоветских выступлений сопровождалась в Прибалтике массовыми политическими репрессиями, в т. ч. необоснованными. При этом полностью подавить националистическое подполье, связанное с абвером, не удалось: у германской разведки в Прибалтике еще в 1930-е гг. была создана широкая агентурная сеть¹⁷⁶, многие звенья которой сохранились.

Тем не менее Советскому Союзу удалось получить контроль над стратегически важным регионом, прикрывавшим

¹⁷⁵ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 595.

¹⁷⁶ См. например: Былинин В.К., Зданович А.А., Коротаев В.И., Седунов А.В., Топоров Ю.Х. Иностранные разведки в Прибалтике и их взаимодействие со спецслужбами лимитрофных государств, направленное против СССР: 1918–1941 // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М.: Кучково поле, 2008. С. 241–250.

одно из вероятных направлений наступления противника, фактически нейтрализовать вооруженные силы прибалтийских государств, заигрывавших с нацистской Германией (до 11 дивизий; для сравнения: в 1943–1944 гг. немцам удалось создать из числа эстонских и латышских коллаборационистов 3 дивизии Ваффен-СС), усилить свои позиции на Балтийском море, особенно за пределами Финского залива, создать предполье против Восточной Пруссии, обеспечить глубину обороны Ленинграда.

Сотрудничество с нацистами и оправдательная историография: региональные феномены

Проблема сотрудничества с нацистами бывших представителей гражданско-чиновничьего, полицейского и военного аппарата времен авторитарных диктатур Антанаса Сметоны (1926–1940), Карлиса Улманиса и Константина Пятса (1934–1940) на оккупированных германскими войсками территориях остается для современной Прибалтики одним из важнейших специфических маркеров, характеризующих как состояние исторической науки, так и позицию государств.

Рассмотрим этот вопрос на латвийском примере. Чтобы понять, почему государственный аппарат улманисовских времен стал резервуаром для различной коллаборации с германскими нацистами, а не наоборот – для сопротивления им, хотя бы и пассивного, недостаточно ссылок на репрессивную политику советской власти в Латвии в 1940–1941 гг. (хотя эта политика, действительно, в виде побочного эффекта выступила своего рода «катализатором» пособничества с нацистами в ближайшем будущем и при этом парадоксально оказалась недостаточно эффективной в нейтрализации групп, настроенных прогермански). Прежде всего необходимо внимательно рассмотреть характер

и обстоятельства формирования авторитарной диктатуры Карлиса Улманиса.

Государственный переворот в ночь с 15 на 16 мая 1934 г. подвел черту под периодом парламентаризма в истории Латвии и на шесть лет установил диктатуру «вадониса» («вождя») Карлиса Улманиса¹⁷⁷. Предпосылки для водворения в Латвийской Республике авторитарного режима складывались в течение многих лет. Слабость правительственных коалиций (до госпереворота сменилось 18 составов кабинета министров), острые и зачастую бесплодные дебаты в расколотом на множество фракций Сейме, громкие скандалы и коррупция, само наличие 109 зарегистрированных партий вызывали недовольство в политических и военных кругах страны. Однако вместо попыток упорядочения партийно-политической системы (введение процентного барьера на выборах, перерегистрация партий с повышением минимального порога численности членов и т. п.) и наряду с проектами конституционных поправок появилась своего рода конкуренция между группировками, готовившими силовое решение проблем политической системы Латвии.

Захват власти ставила своей целью профашистская ультра-националистическая группировка «Перконкрустс» во главе с отставным лейтенантом и чиновником Густавом Целминьшем. В этой связи в 1933 г. правительство Улманиса распорядилось о запрете данной организации и аресте ее активистов. «Легионеры» Волдемарса Озолса, состо-

¹⁷⁷ Т. н. «Ulmaņlaiki» («времена Улманиса»). В Латвии издано довольно много апологетической литературы, посвященной временам авторитарной диктатуры – от публицистики, в том числе репринтной с 1935 г., до специально подобранных документов. См., например: Kārlis Ulmanis. Atziņas un runu fragmenti. Rīga, 1990; Ulmaņlaiki. Leģendas un fakti / Sast. V. Avots. Rīga, 2005; Kārlis Ulmanis valstiski un privāti / Sast. V. Avots. Rīga, 2010; Virza E. Kārlis Ulmanis. Rīga, 2010 (переиздание 1935 г.) Встречаются и критические публикации, например: Stranga A. Ebreji un diktatūras Baltijā. 1926–1940. Rīga, 2002; Reiz dzīvoja Kārlis Ulmanis... Rīga, 2007; Hanovs D., Tērauds V. Laiks, telpa, vadonis: autoritārisma kultūra Latvijā. 1934–1940. Rīga, 2012.

явшие из ветеранов и отставников, которым не нашлось места в армии, также пытались найти подходы к действующим офицерам. Кроме того, правые опасались активизации своих противников на левом фланге. В ноябре 1933 г. были арестованы депутаты коммунистической фракции в Сейме, обвиненные в «государственной измене». Определенные «силовые» позиции сохраняли социал-демократы, имевшие в своем распоряжении Спортивный союз рабочих, в деятельности которого отмечались признаки полувоенной организации¹⁷⁸. Сам премьер-министр Улманис уже имел реальную власть и значительные шансы на успешный переворот. К этому его подталкивали неутешительные мысли о том, что на ближайших парламентских выборах руководимый им «Крестьянский союз» может провалиться.

Большую роль в притягательности силовых методов решения вопроса о власти играл международный климат. К маю 1934 г. Латвия была окружена примерами установления авторитарных режимов: в 1926 г. совершил переворот в Литве А. Сметона и захватил власть в Польше Ю. Пилсудский, в марте 1934 г. организовал путч в Эстонии К. Пятс. Стимулировало потребность в «сильной руке» и германопольское соглашение о «ненападении и взаимопонимании» от 26 января 1934 г., вызвавшее в латвийском обществе опасения по поводу возможных совместных действий нацистского Берлина и воинственной Варшавы против Латвии (в то время существовал участок польско-латвийской границы)¹⁷⁹.

По итогам государственного переворота 15 мая были распущены все политические партии, упразднен Сейм, частично ликвидированы самоуправления, прекращено

¹⁷⁸ Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonenā. Rīga, 2004. 108., 109., 110. lpp.

¹⁷⁹ 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 586. lpp.

(«приостановлено») действие Сатверсме (конституции), закрыты многие печатные издания, запрещены собрания и демонстрации, задержаны более 2000 человек, часть из которых была направлена в концентрационный лагерь в Лиепае¹⁸⁰.

В июньском номере журнала «Айзсаргс» наряду с обильным славословием в адрес К. Улманиса была предпринята попытка обосновать необходимость «вождизма» в Латвии со ссылкой на итальянский фашистский опыт. Статью, в которой прославлялся режим Бенито Муссолини, украшал заголовок: «*Вождь народа и значение вождизма. В особенности небольшим народам необходимы могучие и отважные вожди*»¹⁸¹. Следует отметить, что и сам Улманис после переворота 15 мая часто ссылался на Муссолини и фашистский режим, усматривая в нем образец для подражания в делах управления государством, в социальной политике и формировании образа сильного правителя – «вождя».

С мая 1934 г. на основе заимствований из «модных» западноевропейских идейных девиаций и банальной ксенофобии местного происхождения верстался план построения «латышской Латвии», в которой этнические меньшинства должны были «знать свое место». Его идейную основу составлял «винегрет» из звонких лозунгов и эпических представлений о «латышском хозяине», элементов фашистских корпоративистских идей, антисемитских и русофобских настроений,

¹⁸⁰ Как отмечает латвийский историк Вальтерс Щербинскис, изучавший тему Лиепайского концлагеря, «главное значение концентрационного лагеря носило политико-психологический характер. С помощью этой угрозы (интернирования) новый режим пытался удержать нынешних политических работников от возможной оппозиции. Существование лагеря также свидетельствует о демонстрации известной суровости и последовательности в действиях нового режима. Ясно также и то, что существование лагеря было нацелено не на единение общества, а, наоборот – на исключение из общественной жизни инакомыслящих»: Ščerbinskis V. Liepājas koncentrācijas nometne un tās režīms. 1934. gada maijs-1935. gada marts // Latvijas Arhīvi. 1./2. 2009. 85. lpp.

¹⁸¹ Aizsargs. 1934. Nr. 6.

а также застарелых опасений немецко-балтийского засилья. В 1937 г. пропаганду вождизма и латышского национализма было призвано курировать вновь созданное Министерство общественных дел, контролировавшее прессу, литературу и искусство. Режиму не было чуждо и заигрывание с адептами расологических и евгенических концепций, популяризовавших «расовый и биологический национализм среди латышей»¹⁸².

Вот как характеризуются моральный климат той эпохи и исторические уроки его установления современными латышскими историками в монументальном двухтомном труде «История Латвии 20-го века», выпущенном в 2003 г. под эгидой университетского Института истории Латвии: «После 15 мая 1934 г. латыши действительно чувствовали себя хозяевами, определяющими положение в своем государстве. Возросшее самосознание помогло латышскому народу выдержать долгие годы войны и оккупации. Правда, некоторые аспекты в национальной политике К. Улманиса можно критиковать, но нельзя отрицать, что латыши в то время значительно консолидировались»¹⁸³.

Идейные новации реализовались в виде системы «камер» как органов надзора за объединениями торговцев, промышленников, ремесленников, сельхозпроизводителей и представителей «свободных профессий» (а также за восстановленным подобием рабочих профсоюзов), монополизации производства и торговли в руках «надежных» латышей, принудительной национализации, выдавливания с рынка представителей «нетитульных» национальностей, вплоть до запрета для них на занятие определенными видами деятельности.

¹⁸² Подробнее об этом см.: *Felder B.M.* «God forgives – but Nature never will». Racial Identity, Racial Anthropology, and Eugenics in Latvia 1918–1940 // *Baltic Eugenics. Bio-Politics, Race and Nation in Interwar Estonia, Latvia and Lithuania 1918–1940*. Amsterdam-NY, 2013. P. 118; 115–146.

¹⁸³ 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 582. lpp.

В экономической сфере меры по «леттонизации» серьезно затронули латвийских евреев – у многих из них отнимались разрешения на работу адвокатами и врачами, им больше не могли принадлежать лесопилки и деревообрабатывающие предприятия, реквизировались текстильные фабрики и т. п. Подбадривала эти начинания правительства Улманиса и нацистская пропаганда. Кроме того, с ноября 1935 г., когда в ходе латвийско-германских торговых переговоров официальная Рига поддавалась давлению и сняла вопрос об участии в торговых делах латвийских евреев, находящихся в Германии, нацисты строго следили за исключением «неарийцев» из двустороннего товарооборота и финансовых сделок. Иностранные еврейские компании также постепенно выдавливались из Латвии. В. Мунтерс в беседе с германским послом в Риге У. фон Котце в мае 1939 г. подчеркивал: *«Именно этот тихий антисемитизм дает хорошие результаты, которые народ, в общем, понимает и с которыми соглашается»*¹⁸⁴. При этом открытая антисемитская пропаганда в улманисовской Латвии все же была запрещена.

В отношении ряда предпринимателей из числа балтийских немцев (также не в последнюю очередь в популистских целях) чинился произвол, но с оглядкой на Берлин¹⁸⁵. Подлинная трагедия для этой общины наступит в октябре-декабре 1939 г., при насильственной «репатриации» в оккупированные Гитлером польские земли.

Русские в Латвии не имели заметного представительства в крупном предпринимательстве, однако они почувствовали на себе, например, запрет использования русского языка в самоуправлениях. Сворачивалась относительно либеральная система образования для нацменьшинств, в том числе

¹⁸⁴ Kangeris K. Latviešu un ebreju attiecības Trešā reiša skatījumā. 1933. – 1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003. 56. lpp.

¹⁸⁵ Там же, 56. lpp.

русских и белорусов, многие из которых теперь принудительно зачислялись в латыши, особенно в приграничных с Советским Союзом волостях. Под каток официального национализма попали и латгалцы (Восточная Латвия), язык которых не признавался не то что отдельным языком, но даже и равноправным диалектом латышского.

В 1936 г., после завершения срока полномочий «номинального» президента А. Квиесиса, никак не противившегося государственному перевороту 15 мая 1934 г., Улманис сосредоточил в своих руках всю полноту власти и ключевые посты в государстве – президента и премьер-министра. Свои обещания вернуть политическую жизнь страны в конституционное русло – как только «ситуация стабилизируется» – он не сдержал: за шесть лет «национальной диктатуры» новая редакция упраздненной Сатверсме (конституции) так и не была выработана, продлевавшееся каждые полгода военное положение в 1938 г. трансформировалось в чрезвычайное положение, которое позволяло столь же жестко «профилировать» и подавлять любые протестные проявления.

Кульминацией сближения Латвии с Германией стал период весны – начала лета 1939 г. 20 апреля 1939 г. в торжествах, посвященных 50-летию Гитлера, приняли участие начальник штаба латвийской армии М. Хартманис (фактически – третье лицо в армейской иерархии, после военного министра и командующего) и командир 1-й Курземской дивизии О. Данкерс¹⁸⁶. Фюрер принял их лично и наградил. В кулуарах обсуждались варианты закрепления отношений на новом договорном уровне.

При этом следует отметить, что даже в конце 1939 г., после размещения советских баз на территории Латвии по договору от 5 октября¹⁸⁷, латвийская военная верхушка сохраняла

¹⁸⁶ Биографии указанных генералов см., например: *Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940. Biogrāfiska vārdnīca*. Rīga, 1998.

¹⁸⁷ Следует отметить, что «Пакт о взаимопомощи между Союзом Советских Со-

конфиденциальные контакты с нацистами. Так, в ноябре состоялась встреча командующего К. Беркиса и начальника штаба армии Х. Розенштейнса с руководителем отдела абвера по Эстонии и Финляндии А. Целлариусом¹⁸⁸.

В ходе развернувшейся советско-финляндской «зимней войны» (ноябрь 1939 г. – март 1940 г.) официальная Рига воздержалась при голосовании по вопросу об исключении СССР из Лиги Наций, в прессе представлялась как советская, так и финская версия событий. Тем не менее отдел радиоразведки латвийской армии оказывал практическую помощь финской стороне, переправляя перехваченные радиogramмы советских воинских частей¹⁸⁹. Командующий армией Беркис военного министра Балодиса об этом секретном сотрудничестве с противником СССР в известность не ставил; 5 апреля 1940 г. Балодис был отправлен в отставку, в основном из-за подозрений в просоветских симпатиях.

* * *

Определенные виды на кадровую верхушку коллаборационистов, призванную проводить в жизнь нацистскую оккупационную политику, в Берлине имелись еще в конце 1940 г. Фаворитом для верхового командования вермахта выступал последний военный атташе улманисовской Латвии в Германии и Венгрии полковник Александрс Пленснерс, оставшийся в Берлине после начала советизации Латвии. Он также пользовался доверием абвера. Однако конкурирующее за влияние

циалистических Республик и Латвийской Республикой» от 5 октября 1939 г. был зарегистрирован («депонирован») в Лиге Наций, что подрывает позиции его критиков с международно-правовой точки зрения, считающих этот документ «первым этапом советской оккупации» (проф. Х. Стродс) или «превращением [Латвии] в протекторат [СССР]». См., например: *Feldmanis I. Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945): jauns konceptuāls skatījums*. Rīga, 2013. 26. lpp.

¹⁸⁸ *Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonena*. Rīga, 2004. 138. lpp.

¹⁸⁹ *Ščerbinskis V. Ziemas karš un Latvija // Latvijas arhīvi*. 1999. Nr. 1. 121., 122. lpp.

на оккупируемых землях ведомство А. Розенберга склонялось к поддержке генерала, бывшего командира 1-й Курземской дивизии Оскара Данкерса, покинувшего Латвию по линии немецкой репатриации. Были «инициативные» кадры в новое руководство и «на местах». Например, 1 июля 1941 г. была попытка самостоятельно создать и предложить себя немцам в качестве «латвийского правительства» некоего «Латвийского организационного центра», состоявшего из отдельных известных лиц – бывших министров финансов А. Валдманиса и сообщений – Б. Эйнбергса (в 1944 г. репрессирован немцами), полковника Э. Крейшманиса и др.¹⁹⁰ Но уже 3 июля 1941 г. бригадефюрер СС В. Шталекер дал им понять, что не нуждается в самозванных услугах административно-политического характера.

В августе 1941 г. в результате закулисных переговоров роль главного коллаборациониста была отведена немцами О. Данкерсу. В 1942 г. в результате дальнейших интриг в состав генеральных директоров «самоуправления» был введен экс-министр финансов Латвии Алфредс Валдманис, казавшийся немецкому руководству все же «излишне политизированным» в своем национализме. В итоге 25 марта 1942 г. был сформирован обновленный состав коллаборационистского «Земельного самоуправления»:

- Оскар Данкерс – генеральный директор по внутренним делам и кадрам, де-факто руководитель «Латвийского самоуправления» (1941–1944), до 1939 г. генерал, командир 1-й Курземской дивизии;
- Волдемарс Загарс – генеральный директор хозяйства (1941–1943), бывший начальник отдела экспорта Министерства финансов Латвии;
- Янис Скуевиц – генеральный директор финансов (1942–1944), бывший директор департамента государственного хозяйства Министерства финансов, член совета Банка Латвии;

¹⁹⁰ Бутулис И., Зунда А. История Латвии. Рига, 2010. С. 153.

- Алфредс Валдманис – генеральный директор юстиции (1942–1943), бывший министр финансов Латвии;
- Оскарс Лейманис – генеральный директор техники и сообщения (1942–1944), бывший сотрудник Главного управления железных дорог Латвии;
- Мартиныш Приманис – генеральный директор образования и культуры (1941–1944), экс-ректор Латвийского университета.

Самым высокопоставленным коллаборационистом оказался третий президент Латвии (1930–1936), бывший депутат Сейма и министр внутренних дел Албертс Квиесис, с 1942 г. работавший в «Генеральной дирекции юстиции», а в 1943 г. возглавивший ее.

Также следует добавить, что вышеупомянутый Александр Пленсерс летом 1941 г. был назначен немцами начальником латышских сил «самоохраны», а затем возглавил отдел научных учреждений и архивов «Генеральной дирекции образования и культуры», в 1943 г. получил назначение на должность начальника штаба генерал-инспектора Латышского легиона СС Рудольфа Бангерскиса, в 1944 г. командовал 43-м полком 19-й латышской дивизии войск СС, после войны бежал на Запад.

Автор мемуарно-исследовательского труда «Латышский легион» Артурс Силгайлис (полковник латвийской армии, позднее – оберфюрер СС) в марте 1941 г. по поддельным документам «репатриировался» в Германию, в июне 1941 г. появился на территории Латвии вместе с немецкими оккупационными войсками в качестве зондерфюрера 621-й роты пропаганды 18-й немецкой армии. Один из организаторов латышских полицейских батальонов, входил в командный состав 15-й латышской дивизии войск СС, с лета 1944 г. – начальник штаба генерал-инспектора Латышского легиона СС Р. Бангерскиса, кавалер Железного креста 1-го класса. После войны жил в Канаде. Как пишет латвийский историк Эрикс Екабсонс, «весной 1942 г. он был назначен директором Де-

партамента кадров Генеральной дирекции внутренних дел Латышского самоуправления. Будучи на этом посту, А. Силгайлис вместе с А. Пленсером и др. бывшими высшими офицерами Латвийской армии активно включился в работу по организации латышских батальонов службы порядка (полицейских), веря, что вооруженный латышский народ сможет отвоевать независимость своего государства подобно тому, как это произошло в 1918–1920 гг.»¹⁹¹.

Робертс Штиглиц, занимавший при авторитарном режиме Улманиса пост начальника агентурного отдела Политуправления МВД (позднее Полиции безопасности), с приходом нацистов был назначен ими префектом полиции Риги, участвовал в развертывании холокоста, гонений на лиц, подозревавшихся в связях с коммунистами.

Волдемар Вейс (1892–1944) – полковник-лейтенант Латвийской армии, адъютант командующего, 1939–1940 гг. – военный атташе Латвии в Финляндии и Эстонии. После установления в 1940 г. советской власти в Латвии был уволен из армии. Добровольно сотрудничал с нацистами, с приходом немцев был назначен начальником «службы порядка» в Риге, занимал руководящие должности в коллаборационистском «Земельном самоуправлении», один из соорганизаторов на территории Латвии холокоста и уничтожения иных лиц, неудобных «новому порядку», видный пропагандист мобилизации латышей на борьбу с «жидобольшевизмом». Оберштурмбаннфюрер СС, затем штандартенфюрер СС, первый латыш, удостоенный немцами Рыцарского креста; командовал 281-м Абренским латышским полицейским батальоном в ходе карательной операции «Зимнее волшебство» (на территории Белоруссии и России), затем – 42-м полком 19-й гренадерской дивизии войск СС Латышского легиона СС. Ранен, после эвакуации в Ригу 17 апреля 1944 г. скончался в госпитале.

¹⁹¹ Jēkabsons Ē. Virspulkveža Artura Silgaila biogrāfija // Silgailis A. Latviešu leģions. Rīga, 2006. 17. lpp.)

Глорификация В. Вейса была начата сразу же после его смерти – генерал-инспектор Латышского легиона СС группенфюрер СС Р. Бангерскис и другие латышские коллаборационисты в апреле 1944 г. организовали «Фонд памяти полковника Вейса» с целью *«заботы о сохранении памяти о полковнике Волдемаре Вейсе в латышском народе, восхваляя его героический путь на полях сражений и его деятельность в целом на благо латышского народа; популяризируя те идеалы и те духовно-нравственные ценности, которые определяли борьбу и ход деятельности полковника»*, а также *«способствовать воспитанию латышской молодежи в духе героизма и любви к отечеству»*¹⁹². Позднее лестные характеристики Вейса трансформировались и в другие пропагандистские форматы. Так, 42-й полк 19-й латышской гренадерской дивизии войск СС был назван его именем. Захоронен Вейс в «Пантеоне героев» на Братском кладбище в Риге. После 1991 г. надгробная плита была отреставрирована, вблизи могилы штандартенфюрера СС В. Вейса ежегодно 11 ноября проводятся официальные торжественные мероприятия.

В редких случаях встречаются примеры отказа от коллаборационизма, но, как правило, со стороны лиц, ссылавшихся на преклонный возраст или состояние здоровья. Среди них особо следует выделить не ладившего ранее с режимом К. Улманиса генерала Мартиньша Пеникиса, считавшегося «демократом» и не посвящавшегося в планы государственного переворота 15 мая 1934 г. В ноябре 1935 г. он был уволен диктатором с должности командующего армией. В 1943 г. отказался занять пост генерал-инспектора Латышского легиона СС, в итоге доставшийся генералу Р. Бангерскису, не подвергся никаким репрессиям и умер в Риге в 1964 г. на 90-м году жизни.

¹⁹² См.: Zellis K. Ilūziju un baiļu mašīnērija. Propaganda nacistu okupētājā Latvijā: vara, mediji un sabiedrība (1941–1945). Rīga, 2012. 323. lpp.

* * *

Латышские эмигрантские мемуаристы и современные официальные историки в своих трудах неизменно подчеркивают, что латышские легионеры войск СС воевали исключительно против большевизма на передовой линии фронта и не имеют никакого отношения к зверствам в тылу и прифронтной зоне. При этом в оценках Латышского легиона СС как феномена Второй мировой войны местная историография старается не акцентировать внимание на том, что немецкое командование, согласно распоряжению рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера от 26 мая 1943 г., относилось к нему и все полицейские батальоны, участвовавшие в карательных акциях на территории Белоруссии, России, Украины, Литвы и Польши, постепенно включая их в состав 15-й и 19-й дивизий войск СС¹⁹³.

Полковник Робертс Осис, во время диктатуры К. Улманиса занимавший должность адъютанта командира Латвийской армии, а позднее военного министра К. Беркиса, продолжил карьеру при немцах – был назначен командиром 1-го Рижского полицейского полка, отвечал за формирование отрядов латышской полиции, а затем занимал посты в Латышском легионе СС. Однако он не скрывал, оценивая состав полицейских батальонов, что «это были военные наемники, труд которых оплачивался»¹⁹⁴. Доктор исторических наук Карлис Кангерис, работавший в Стокгольмском университете (ныне – научный сотрудник Института истории Латвии Латвийского университета), также сделал «неприятное признание», что «члены латышских полицейских батальонов стали наемниками, которым платят за проведенную работу». В целом он пришел к выводу, что «полицейские батальоны для немецкого поли-

¹⁹³ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Странга А., Фелдманис И. История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 271.

¹⁹⁴ Там же. С. 266.

цейского руководства были своего рода иностранным легионом, который можно использовать всюду и по любым надобностям»¹⁹⁵.

Ряды эсэсовских дивизий в 1944–1945 гг. пополнили и члены «команды Арайса» из латышских сил СД, печально известной массовым уничтожением евреев и сожжением белорусских деревень (в 1943 г. ее численность достигала 1200 карателей)¹⁹⁶, а сам Викторс Арайс в конце войны командовал батальоном в 15-й латышской гренадерской дивизии войск СС¹⁹⁷.

Мотивация соучастия в нацистских преступлениях латышских коллаборационистов является одним из самых острых вопросов для историков из Латвии. В целом авторы рассматривают широкий спектр мотивов (от мести советской власти, а также ассоциировавшимся с ней русским и евреям за устранение авторитарного националистического режима в 1940 г. до низменных устремлений «маргинальных элементов»), но неизменно делают акцент на принудительности сотрудничества с немцами, преступлениях, совершенных «из-под палки» и из-за «больших ожиданий, обернувшихся горьким обманом»¹⁹⁸. При этом председатель VII Сейма Латвии (1998–2002), историк-любитель Янис Страуме откровенно подчеркивает в своих публикациях имевшуюся в Латвии широкую социальную базу для сотрудничества с нацистами: «Большая часть мужского населения, способного носить оружие, в первые дни войны

¹⁹⁵ *Kangeris K.* Policijas struktūras Latvijā vācu okupācijas laikā (1941–1945) // *Okupētā Latvija 20. gadsimta 40. gados* (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 16. sēj.). Rīga, 2005. 279. lpp.

¹⁹⁶ *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.* Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945). Rīga, 2008. 346. lpp.

¹⁹⁷ См.: Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. М., 2006. С. 311–328.

¹⁹⁸ *Siliņš L.* Nacistiskās Vācijas okupanti: mūsu tautas lielās cerības un rūgtā vilšanās. Rīga, 2001, 15. lpp.; *Zellis K.* Nacionālsociālistiskās Vācijas propaganda okupētajā Latvijā (1941. gada jūnijs–decembris) // *Okupētā Latvija 20. gadsimta 40. gados: Latvijas Vēsturnieku komisijas pētījumi* (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 16. sēj.). Rīga, 2005, 243. lpp.

симпатизировала немцам»¹⁹⁹. Однако энтузиазм первых дней у широких кругов населения быстро прошел, чего не скажешь о надеждах значительной части представителей бывшей военной, военизированной и гражданской администрации К. Улманиса, продолжавшей сотрудничество с немцами даже без каких-либо внятных «политических» обещаний германских властей.

Один из корифеев латвийской «оправдательной» историографии, нынешний руководитель Комиссии историков при президенте Латвии Инесис Фелдманис, как оказалось, усматривает в пособничестве нацистам полезную для латышей деятельность и даже своего рода движение сопротивления. Вот как выглядит этот по-своему выдающийся образчик изворотливой мысли: *«В данном случае вместе с такими терминами, как “коллорація” (обычное сотрудничество с оккупантами) или “коллорационизм” (предательское сотрудничество) можно использовать дефиницию “тактическая коллорація”, обозначив с ее помощью сотрудничество с немецкой оккупационной властью, направленное на достижение таких целей, которые, так или иначе, отвечали интересам латышского народа. Достоин обсуждения и вопрос о том, можно ли воспринимать и выделять тактическую коллорацію как определенную форму движения сопротивления»*²⁰⁰.

Недобросовестное жонглирование терминами, продемонстрированное главным официальным историком Латвии, вызвало скептические вопросы и комментарии даже у тех ученых, которые вполне сочувственно относятся к «умеренно-оправдательной» риторике прибалтийских

¹⁹⁹ Страуме Я. Забытая война. Сопротивление латышей русской и немецкой оккупации. Рига: Nacionālais apgāds, 2007. С. 12.

²⁰⁰ Feldmanis I. Okupācija, kolaborācija un pretošanās kustība Latvijā // Okupācija, kolaboācija, pretošanās: vēsture un vēstures uztvere. Starptautiskās konferences materiāli 2009. gada 27. – 28. oktobrī Rīgā: Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 26. sēj. Rīga, 2010, 173. lpp.

авторов. В частности, историк и политолог Эва-Кларита Петтаи иронично возражает латвийскому коллеге: «Как указывает сам И. Фелдманис, “тактическую коллаборацию” легко можно интерпретировать как тайное сопротивление. Означает ли это, что латышских легионеров, большая часть которых (не важно, наивно или нет) считала, что они честно борются за независимую Латвию, нам следует теперь рассматривать как настоящих борцов сопротивления? И как же тогда быть со всеми теми, кто работал в так называемом Латвийском самоуправлении и местных самоуправлениях, отдавал приказы конфисковать еврейское имущество, идентифицировать и дискриминировать своих еврейских сограждан или не возражали против таких приказов и организовывали гетто? Все ли они были “банальными уголовниками” или на самом деле – “тактическими коллаборантами”, так как некоторые из них тайно надеялись, что их покладистость, в конце концов, приведет к восстановлению Латвийского государства?»²⁰¹

Латвийские официальные историки сетуют на «непонимание» российских и западных коллег, которые якобы не готовы углубиться в познание особенностей ментальной травмы латышского народа в годы Второй мировой войны. Однако следует отметить, что разбор умозрительных и фактических аспектов сотрудничества латышей с оккупационными властями гитлеровской Германии можно встретить не только у балтийских авторов. Например, немалый интерес в этом смысле представляет исследовательская работа историка из Канады, профессора Александра Статиева, который приходит к следующему выводу: «Националисты не видели себя в качестве германской “пятой колонны”, но в какой-нибудь другой роли им отказали», однако «большинство латышских и эстонских

²⁰¹ Okupācija, kolaboācija, pretošanās: vēsture un vēstures uztvere. Starptautiskās konferences materiāli 2009. gada 27. – 28. oktobrī Rīgā (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 26. sēj.). Rīga, 2010, 181. lpp.

националистов продолжали сотрудничать с немцами, надеясь на изменение их позиции [по вопросу о независимости]»²⁰². Он также сопоставляет реальные масштабы их соучастия в кровавых преступлениях нацизма с устоявшейся уже в Прибалтике «геноцидарной» антисоветской мифологией: «В 1941–1942 годах сотрудничавшие с немцами коллаборационисты, множество из которых впоследствии вошли в антикоммунистическое сопротивление, убили в каждом из приграничных регионов (за исключением Эстонии) гораздо больше людей, чем Советы на протяжении всего периода борьбы против националистов с 1939 по 1950-е годы»²⁰³.

Таким образом, уровень вовлечения бывшего кадрового аппарата авторитарного режима К. Улманиса в «самоуправленческие», полицейские, полувойенные и военные структуры «Остланда» был весьма высоким, отказы от коллаборации по идейным соображениям единичны. Советские репрессии 1940–1941 гг. выступили невольным катализатором этого явления, но, как представляется, не были его первопричиной. При этом германские оккупационные власти не полностью использовали потенциал коллаборационистского энтузиазма бывших улманисовских чиновников, военных и полицейских, уклоняясь от желаемых этими кругами обещаний для Латвии автономии или статуса протектората.

* * *

При всем многообразии тематики, связанной с экспансией гитлеровской Германии на Восток, проблема сотрудничества с нацистами представителей местного населения на оккупированной территории остается для современных Латвии, Литвы и Эстонии одним из важнейших политико-идеологических

²⁰² Statiev A. The Soviet Counterinsurgency in the Western Borderlands. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 61.

²⁰³ Там же. P. 71.

показателей, характеризующих как состояние исторической науки, так и позицию государства. С 1990–1991 гг. в основу «национальной» идеологической конструкции был положен тезис прибалтийских эмигрантских кругов о трех балтийских странах как жертвах двух тоталитарных режимов, согласно которому советский режим подавался как «более опасный и худший» для титульных балтийских народов, чем нацистский.

Идеологическое обеспечение этой конструкции было документально зафиксировано в череде политико-декларативных актов органов власти, из которых можно особо выделить некоторые акты на примере Латвии: «Декларацию Сейма ЛР об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 г., парламентскую «Декларацию о латышских легионерах во Второй мировой войне» от 29 октября 1998 г. и «Декларацию Сейма об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима Союза Советских Социалистических Республик» от 12 мая 2005 г.

До сих пор наиболее значимым официальным документом, трактующим и оправдывающим мотивацию пронацистского коллаборационизма, остается не отозванная «Декларация о латышских легионерах во Второй мировой войне». В ней, в частности, утверждается: *«В тридцатые годы XX века в Европе сформировалось два больших тоталитарных террористических государства. Реализация агрессивных целей этих государств началась с подписания так называемого пакта Молотова – Риббентропа, в результате которого была ликвидирована государственная независимость Латвийской Республики и ее попеременно оккупировали как СССР, так и Германия».*

Показательно, что в этом же политическом тексте предпринимается попытка преуменьшить нацистские преступления, ретушировать память о жертвах нацистского геноцида и глорифицировать латышских легионеров войск СС из числа добровольцев: *«Действительно, некоторая часть граждан Латвии вступила в латышский легион добровольно, но это*

произошло потому, что СССР в 1940–1941 годах осуществлял в Латвии геноцид. Сотни человек были расстреляны без приговора суда, десятки тысяч депортированы в отдаленные районы СССР. **Германия также в это время допускала военные преступления и геноцид в Латвии, однако они затронули граждан Латвии в многократно меньших объемах** (здесь и далее выделено автором. – В. С.). Поэтому некоторые граждане Латвии считали, что, вступая в легион, они защитят себя и свои семьи от новых массовых репрессий со стороны СССР, которые позднее действительно последовали». Далее безапелляционно утверждается: «Целью призванных и добровольно вступивших в легион воинов была защита Латвии от восстановления сталинского режима. **Они никогда не участвовали в гитлеровских карательных акциях против мирного населения. Латышский легион, так же как и финская армия, воевал не против антигитлеровской коалиции, а только против одной из стран-участниц – СССР, которая в отношении Финляндии и Латвии была агрессором**». Этим документом правительству Латвии также вменяется в обязанность «заботиться об устранении посягательств на честь и достоинство латышских воинов в Латвии и за рубежом»²⁰⁴.

Не удивительно, что под прикрытием такой политической декларации не только ветераны войск СС, но и латышские неонацисты ежегодно используют «День легионера» (16 марта) для самоутверждения и привлечения сочувственного внимания националистического электората. На подобных мероприятиях неизменно выпячиваются «антисоветские страдания и подвиги» латышских легионеров СС и замалчивается их соучастие в нацистской войне на уничтожение мирного населения оккупированных немцами территорий СССР.

Значительная часть бывших легионеров войск СС пользуется налоговыми льготами и ежемесячными пособиями

²⁰⁴ Симиндей В.В. Историческая политика Латвии: материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2014. С. 41–43.

в размере около 100 долларов США, которые предусмотрены двумя латвийскими законами – «Об установлении статуса политически репрессированного лица, пострадавшего от коммунистического и нацистского режимов» от 12 апреля 1995 г. (за их привлечение в СССР к уголовной ответственности в качестве нацистских коллаборационистов) и «О статусе участника движения национального сопротивления» от 25 апреля 1996 г. с изменениями от 16 июня 2006 г. Для распространения последнего закона на всех легионеров СС, а не только на сопротивлявшихся советской власти после капитуляции германских войск, 18 сентября 2008 г. депутатам Сейма не хватило лишь одного голоса.

О специфической последовательности официальной Риги свидетельствует статистика парламентских голосований: правящая коалиция в Сейме Латвии более десяти раз отклонила подготовленные оппозицией законопроекты о статусе ветеранов антигитлеровской коалиции²⁰⁵ и дважды – проекты декларации «О недопустимости оправдания преступлений нацистского режима, прославления лиц, воевавших на стороне нацизма и попыток возрождения нацизма» (23 марта 2006 г., 15 марта 2007 г.). Отвергались и попытки признать на парламентском уровне борцов с нацизмом участниками движения национального сопротивления (16 июня 2005 г., 21 февраля 2008 г.) или политически репрессированными нацистским режимом лицами (14 октября 2004 г.)²⁰⁶.

Практика оправдания и героизации нацистских коллаборационистов расходится с современным пониманием международным сообществом трагических страниц истории XX века.

²⁰⁵ Даты отклонения Сеймом Латвии законопроектов о статусе ветеранов антигитлеровской коалиции: 4.12.1996, 6.03.1997, 19.03.1998, 18.02.1999, 11.05.2000, 8.05.2003, 25.11.2004, 17.11.2005, 22.12.2005, 11.05.2006, 22.02.2007, 26.03.2009.

²⁰⁶ Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / Бузаев В.В., Никифоров И.В. Предисл. Жданок Т.А. Под ред. Демурина М.В., Симиндея В.В. М.: Фонд «Историческая память», 2009. С. 271.

Так, еще 18 декабря 2008 г. на пленарном заседании 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН большинством голосов была принята резолюция «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». В ней, в частности, сказано, что ООН *«выражает глубокую озабоченность по поводу прославления нацистского движения и бывших членов организации “Ваффен-СС”, в том числе путем сооружения памятников и мемориалов и проведения публичных демонстраций в целях прославления нацистского прошлого, нацистского движения и неонацизма, а также посредством объявления или попыток объявить таких членов и тех, кто боролся против антигитлеровской коалиции и сотрудничал с нацистским движением, участниками национально-освободительных движений»*²⁰⁷. Подобные декларации принимались и в последующие годы.

В условиях оправдания и возвеличивания пронацистского коллаборационизма само словосочетание «Великая Отечественная война» не только не используется в странах Прибалтики на официальном уровне, но и считается враждебным их идентичности и государственной независимости. Отрицание общемирового и регионального значения даты безоговорочной капитуляции нацистской Германии 8 (9) мая 1945 г. нередко выражалось латвийскими должностными лицами в крайне оскорбительной форме для ветеранов антигитлеровской коалиции, и без того не имеющих в Латвии, в отличие от «политически репрессированных» ветеранов СС, никакого почетного статуса или льгот. Так, президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга 30 января 2005 г. в эфире телеканала LNT заявила: *«Конечно, мы*

²⁰⁷ См., например: О принятии на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» / Сообщение для СМИ МИД России от 19 декабря 2008 г.: www.mid.ru.

не переубедим, не изменим сознание тех пожилых россиян, которые 9 мая будут класть воблу на газету, пить водку и распевать частушки, а также вспоминать, как они геройски завоевали Балтию»²⁰⁸.

* * *

Политические жесты латвийских властей по созданию позитивного имиджа латышским легионерам войск СС и оказанию им почестей как «героям» сопровождалось с начала 1990-х гг. прокурорским и судебным преследованием советских ветеранов, воевавших против гитлеровцев, а также их пособников. Многие из последних под натиском советских войск в 1944–1945 гг. подались в бега, стали членами диверсионно-террористических, а то и просто бандитских групп, называемых сегодня властями Литвы, Латвии и Эстонии «подразделениями национальных партизан». Масштабы кровавого следа «лесных братьев» прослеживаются в материалах Государственного архива Российской Федерации, на основании которых фондом «Историческая память» создана общедоступная база данных «Жертвы националистического террора в западных регионах СССР»²⁰⁹.

С начала 1990-х гг. в Прибалтике подверглись гонениям многие десятки ветеранов, некоторые были помещены за решетку, другие умерли в ходе судебных процессов. Так, в конце 1999 г. Пылваским уездным судом Эстонии была принята первая попытка привлечь Карла-Леонхарда Паулова к уголовной ответственности. Через несколько месяцев, обойдя препятствие в виде срока давности, эстонский суд обвинил ветерана в убийстве «членов начавшей действовать против оккупационных властей группы» и счел его деяние

²⁰⁸ Ветераны возмущены словами президента Латвии о традиции отмечать День Победы водкой, воблой и частушками: NEWSru.com, 1.02.2005.

²⁰⁹ «Жертвы националистического террора в западных регионах СССР»: <http://lists.historyfoundation.ru/>.

«преступлением против человечности», вынесен приговор в виде 8 лет лишения свободы. В 2006 г. в Пярнуский уездный суд Эстонии поступило из прокуратуры дело в отношении майора КГБ СССР в отставке Валентина Лукьянова (1919 г. р.), обвинявшегося в «преступлении против человечности», что выразилось в уничтожении «лесных братьев» в послевоенный период. В ноябре 2009 г. он умер, так и не дождавшись судебного решения.

20 мая 2008 г. в Эстонии начался, пожалуй, самый скандальный судебный процесс – над Героем Советского Союза Арнольдом Мери, удостоенным этого звания (первым среди эстонцев) за бои с гитлеровцами в 1941 г. 23 мая 2008 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации выступила с обращением к Парламентским Ассамблеям Совета Европы и ОБСЕ, парламенту Эстонии и международным ветеранским организациям о недопустимости судебного процесса над ветераном Второй мировой войны Арнольдом Мери и другими бойцами, сражавшимися на стороне антигитлеровской коалиции. В документе отмечается: *«Не считаясь с преклонным возрастом ветеранов и наличием у них тяжелых заболеваний, правоохранительные органы этих государств в течение длительного времени ведут предвзятые “расследования”, окончательно подрывая здоровье и фактически сокращая срок жизни этих людей»*. Российские депутаты также обратили внимание на мотивы преследования А. Мери: *«Проходящий в настоящее время судебный процесс является чисто политическим заказом с целью пересмотреть итоги Второй мировой войны, дискредитировать усилия государств антигитлеровской коалиции по спасению человечества от фашистской чумы»*. Однако эстонские депутаты и судебные власти не вняли этому обращению: лишь смерть А. Мери 27 марта 2009 г. остановила этот судебный процесс.

В Латвии ветеран Второй мировой войны, боровшийся на стороне антигитлеровской коалиции. Николай Ларио-

нов в 2001 г. был осужден за «геноцид латышского народа» и приговорен к 6 годам тюрьмы закрытого типа. Приговор не вступал в силу, так как защита ветерана подала жалобу в вышестоящий суд. В 2005 г. Н. Ларионов скончался²¹⁰.

Литовские судебные власти в ответ на активность Центра Симона Визенталя, упрекавшего официальный Вильнюс в неспособности и нежелании подвергнуть суду замешанных в уничтожении еврейского населения этнических литовцев, сделали встречный ход. В пику Центру Симона Визенталя, проводившему операцию по розыску нацистских преступников «Последний шанс», Генпрокуратура Литвы обвинила в «геноциде литовского народа» бывших участников еврейских партизанских отрядов на территории Литвы в годы Второй мировой войны. Речь идет об израильском ученом, бывшем руководителе международного мемориального центра Холокоста в Иерусалиме «Яд ва-Шем» докторе Ицхаке Араде и библиотекаре вильнюсского Института идиш Фане Бранцовской. После официальных протестов со стороны Еврейской общины Литвы, государственных структур Израиля и США 25 сентября 2008 г. Генпрокуратура Литвы объявила о решении закрыть следствие против И. Арада, однако с формулировкой «за недостатком оснований у обвинения для передачи дела в суд». В этой связи глава Центра Симона Визенталя Эфраим Зурофф заявил: *«Обвинения бывшим еврейским партизанам – это не только отрицание их мужества и героических подвигов, сознательное преуменьшение их роли в ходе Второй мировой войны, но и попытка установить якобы “историческую симметрию” между действиями еврейских партизан-коммунистов и литовских коллаборационистов, уравнивать “еврейские” и нацистские преступления. Сегодня такого рода*

²¹⁰ Более подробную информацию о преследованиях советских ветеранов войны и правоохранительных органов в Прибалтике см.: Александр Кустов: «Дело Кононова: по вине России победила ложь» / <http://www.regnum.ru/news/1288919.html>, 31.05.2010.

борьба переносится из залов суда в университетские аудитории и учебники»²¹¹.

Политико-экономические последствия правления в Прибалтике национал-популистов побуждают их все более активно переключать внимание электората и западных спонсоров на историко-правовые и политико-финансовые претензии к России за «советский геноцид и оккупацию». Адепты «национального реванша» в последнее время стремятся непременно уравнивать нацистский и советский режимы в международно-правовом поле, подыскивая любые лазейки. Одним из наиболее важных этим силам, имеющим группу поддержки в Европарламенте, представляется дело о преследовании в Латвии советского ветерана Василия Кононова, решение по которому официальная Рига оспорила в «большом жюри» Европейского суда по правам человека и сумела в 2010 г. различными манипуляциями (в том числе заведомо неверным переводом документов с латышского языка) добиться его рассмотрения в свою пользу.

* * *

Латвийская официальная историография в оценке причин мировой катастрофы 1939–1945 гг. базируется на утверждении о «решающем значении пакта Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 г. в развязывании Второй мировой войны». В этой связи важно отметить доминирующую тенденцию и официальные формулировки в рассмотрении предвоенных советско-германских договоренностей, которые приняты в современной Латвии. Все они, так или иначе, вписываются в трехчлен «советской оккупации, аннексии, колонизации», смысловая нагрузка которого не соответствует международно-правовым трактовкам этих терминов.

²¹¹ Центр Визенталя: В Литве пытаются уравнивать «еврейские» и нацистские преступления / <http://www.regnum.ru/news/1094882.html>, 05.12.2008.

На интернет-странице МИД Латвии представлена статья нынешнего главы Комиссии историков при президенте Латвии Инесиса Фелдманиса, в которой заключенный 23 августа договор и секретный протокол названы «противоправной и циничной сделкой, примирением за счет шести третьих стран», которые «зажгли зеленый свет для Второй мировой войны». При этом утверждается, что «договор от 23 августа, как пакт войны, раздела и уничтожения, не имеет себе аналога во всей истории Европы 19 и 20 столетий. Трудно себе представить еще более грубый и преступный заговор против мира и суверенитета государств. [...] Несомненно, что без пакта Молотова – Риббентропа не была бы возможна полная оккупация Балтийских государств спустя десять месяцев»²¹².

Аналогичный «символ веры» заложен и в коллективной монографии 2008 г. «Латвия во Второй мировой войне (1939–1945)»²¹³. Латышские историки также используют в своих оценках следующую формулировку: «Секретный протокол советско-германского договора о ненападении был циничной и противоправной сделкой двух одинаково аморальных политических систем за счет других независимых государств и народов»²¹⁴.

Следует отметить, что эти политически индоктринированные историко-юридические оценки, используемые сегодня официальной Ригой для попыток добиться задним числом международно-правового осуждения СССР наравне с нацистской Германией и подсчета «ущерба от советской оккупации» с перспективой выставления финансовых претензий к современной России²¹⁵, не учитывают воен-

²¹² URL: <http://www.mfa.gov.lv/ru/latvia/history/history-juridical-aspects/>.

²¹³ См.: Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. *Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945)*. Rīga, 2008. 114., 115. lpp.

²¹⁴ Neatkarīgā valsts. 1918–1940. II. / 20. gadsimta Latvijas vēsture. Rīga, 2003. 706. lpp.

²¹⁵ См.: Симиндей В.В. Латышские счетоводы сыграют ва-банк. «Прагматизм» в отношениях с Москвой официальная Рига подкрепит историко-финансовыми претензиями // Российские вести. 30 апреля. 7 мая 2008 г.

но-политического контекста 1939–1941 гг. и базируются на нормах международного права, зафиксированных только после разгрома гитлеровской Германии во Второй мировой войне²¹⁶.

Официальная позиция МИД России состоит в том, что термин «оккупация» не может быть использован для правовой оценки ситуации в Прибалтике 1939–1940 гг.: страны не находились в состоянии войны с Советским Союзом; ввод советских войск был осуществлен на договорной основе и с ясно выраженного согласия действовавших в этих республиках властей (хотя и с использованием Москвой дипломатического давления); присоединение прибалтийских государств к СССР соответствовало всем нормам международного права по состоянию на 1940 г.; вхождение этих стран в состав Союза ССР получило официальное международное признание (хотя и не всеми странами *de jure*). Данная позиция основывается на *de facto* признании целостности границ СССР на июнь 1941 г. на Ялтинской и Потсдамской конференциях государствами-участниками, а также на признании в 1975 г. нерушимости европейских границ участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе²¹⁷.

В годы Второй мировой войны на оккупированной территории СССР нацистами и их пособниками было совершено огромное количество военных преступлений. Массовые убийства евреев, уничтожение сотен деревень вместе с жителями, огромные концентрационные лагеря, в которых умирали советские военнопленные и мирные жители – все это свидетельствует о проводившейся оккупантами политике геноцида против населения СССР. Политике, которую

²¹⁶ Подробнее см.: Дюков А.Р. «Пакт Молотова – Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память». М., 2009.

²¹⁷ Комментарии Департамента информации и печати МИД России от 9 июня 2000 года и 7 мая 2005 года (www.mid.ru).

невозможно оправдать какими бы то ни было «мерами военной необходимости».

Трагедия поражает воображение своими масштабами. Каким образом нацистам удалось реализовать свои человеко-ненавистнические планы геноцида? В советское время этим вопросом предпочитали не задаваться, потому что честный ответ на него мог нарушить межнациональный мир в стране. Потому что огромную роль в реализации нацистских планов геноцида сыграли коллаборационистские формирования, созданные оккупантами из числа советских граждан.

В нацистских злодеяниях на территории России, Белоруссии и Украины то или иное участие принимали латвийские коллаборационисты: **непосредственное** – «команда Арайса» («латышская вспомогательная полиция безопасности», насчитывавшая к концу января 1943 г. около 1200 карателей) и более 20 латышских полицейских батальонов (впоследствии частично сведенные в три полицейских полка); **эпизодическое** – 15-я и 19-я латышские дивизии войск СС; **опосредованное** – пограничные полки и латгальские строительные батальоны (в которые призывались «недостаточно благонадежные» русские жители Латвии).

* * *

Важным объектом историко-политических спекуляций официальной науки в постсоветской Латвии стал Саласпилский концлагерь (октябрь 1941-го – сентябрь 1944 г.), сожженный охранниками вместе с архивом при отступлении гитлеровской армии. Тщательное исследование всех этапов и аспектов деятельности концлагеря в условиях дефицита документальной информации немецкого и латышского происхождения (охранялся латышскими силами СД) в 2000-е гг. подменялось терминологической эквилибристикой вокруг статуса лагеря, призванной заретушировать масштабы злодеяний нацистов и их пособников в отношении советских военнопленных, этапированных

на уничтожение европейских евреев, согнанных из Белоруссии и России мирных жителей, а также латышей, не вписавшихся в «новый порядок». Пренебрежение данными Чрезвычайной республиканской комиссии Латвийской ССР, собравшей «по горячим следам» осенью 1944 – летом 1945 г. большой массив материалов о преступлениях гитлеровцев на территории Латвии, некритическое использование «выгодных» источников, манипуляция фрагментарными свидетельствами и откровенные домыслы существенно обесценили для науки те немногие исследования, которые были проведены и опубликованы латышскими историками за последние десять лет²¹⁸.

Использование нацистской терминологии без кавычек и должных пояснений отмечается в таком политико-пропагандистском продукте, как скандально известная книга «История Латвии. XX век», выпущенная при финансовой поддержке «комиссии по демократии» посольства США в Риге в 2005 г. с предисловиями президента Латвии Вайры Вике-Фрейберги и главы МИД Артиса Пабрикса. В этом издании Саласпилсский концлагерь, вслед за нацистской пропагандой, именуется Расширенной полицейской тюрьмой и воспитательно-трудовым лагерем, а его узники цинично перечисляются в следующем порядке: «участники движения сопротивления, евреи, дезертиры, прогульщики, цыгане и пр.»²¹⁹.

Если в брошюре, изданной в 2007 г. Институтом истории Латвии, член Комиссии историков при президенте Латвии Ирене Шнейдре еще называет Саласпилс, наряду с лагерным комплексом в Вайвара (Эстония), крупнейшим concentra-

²¹⁸ Strods H. Salaspils koncentrācijas nometne (1941. gada oktobris – 1944. gada septembris) // Komunistu un nacistu jūgā. Rīga: Latvijas 50 gadu okupācijas muzeja fonds, 2001, lpp. 87–155; Kangeris K., Neiburgs U., Viksne R. Salaspils nometne nacionālsociālistiskās Vācijas administrācijas plānos un soda nometņu tipoloģijā (1941–1942) (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 21. sēj.). Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2007. Lpp. 216–248.

²¹⁹ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Странга А., Фелдманис И. История Латвии. XX век. Рига: Jumava, 2005. С. 265.

ционным лагерем на территории Балтии²²⁰, то другие официальные историки (например, Х. Стродс, И. Фелдманис, У. Нейбургс) без каких-либо серьезных оснований стали утверждать, что в этом лагере якобы могло находиться одновременно лишь около 2000 человек и именно столько же там погибло. Запредельный цинизм и полный имморализм в данном вопросе продемонстрировал Инесис Фелдманис из Комиссии историков при президенте Латвии, заявивший в одном из интервью 2008 г. следующее: *«Советские и российские историки всегда утверждали, что Саласпилс был лагерем смерти. Ничего подобного! Под лагерями смерти в научной литературе понимают лагеря, где жертв убивали сразу после их привоза. Ничего подобного в Саласпилском лагере не происходило. Некоторые русские историки по меньшей мере в пятьдесят раз преувеличили численность погибших в этом лагере: всего там было уничтожено только лишь 2 тысячи человек, а не 100 тысяч. Одновременно там могли находиться только от двух до трех тысяч человек – такая вот расширенная тюрьма. Лагерь строили привезенные из Германии евреи, и из них какая-то тысяча в Саласпилсе погибла...»*²²¹

Столь же провокационной можно считать вброшенную в 2008 г. латвийскими правящими кругами идею преобразовать мемориальное пространство на территории бывшего нацистского концлагеря Саласпилс в «комплекс памяти жертв сталинских и гитлеровских репрессий» – без всяких на то исторических оснований, а также разместить рядом с ним памятник погибшим немецким солдатам. Такой маневр по ретушированию злодеяний нацистов и их местных пособников вызвал возмущение у бывших узников нацистских концлагерей²²².

²²⁰ Оккупационные режимы и их преступления в странах Балтии. 1940–1991 / Сост. И. Шнейдере. Рига: Издательство Института истории Латвии, 2007. С. 28.

²²¹ Veidmane E. Ulmanis izvēlējās nāvessoda veidu. // Neatkarīga Rita Avīze, 21.07.2008.

²²² NEWSru.com, 24.09.2008.

Реальную картину трагических событий в окрестностях Саласпилса, включая целенаправленное уничтожение советских военнопленных в примыкавшем к «политическому» концлагерю филиале шталага-350, представил в своем фундированном исследовании латвийский историк-краевед Влад Богов²²³.

* * *

Подвести некую теоретическую базу под оправдание и даже глорификацию сотрудничества латышей с германскими нацистами попытался нынешний руководитель Комиссии историков при Президенте Латвии Инесис Фелдманис, усмотревший в пособничестве нацистам в том числе и полезную для латышей деятельность, более того – своеобразное движение сопротивления²²⁴. Следует отметить, что в России тоже отмечаются отдельные провласовские всплески в «ультралиберальной» публицистике²²⁵, однако в науч-

²²³ Приговоренные нацизмом. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941–1945 гг. Сост. В. Богов. Рига, 2011. Об одном из малоизвестных сюжетов см.: *Богов В.* Лагерь для советских военнопленных Шталаг-350. Без права на память? // *Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции* (Москва, 26–28 апреля 2010 года) / Фонд «Историческая память». М., 2010. С. 471–479.

²²⁴ Инесис Фелдманис пишет: «В данном случае вместе с такими терминами, как “коллорабация” (обычное сотрудничество с оккупантами) или “коллорабационизм” (предательское сотрудничество) можно использовать дефиницию “тактическая коллорабация”, обозначив с ее помощью сотрудничество с немецкой оккупационной властью, направленное на достижение таких целей, которые, так или иначе, отвечали интересам латышского народа. Достоин обсуждения и вопрос о том, можно ли воспринимать и выделять тактическую коллорабацию как определенную форму движения сопротивления». *Feldmanis I.* Okupācija, kolaborācija un pretošanās kustība Latvijā // *Okupācija, kolaborācija, pretošanās: vēsture un vēstures uztvere. Starptautiskās konferences materiāli 2009. gada 27. – 28. oktobrī Rīgā* (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 26. sēj.). Rīga, 2010, 173. lpp.

²²⁵ Вторая мировая война: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев» / Сост. и ред. Ю. Цурганов. М.: Посев, 2008, С. 376–489.

ных кругах тематика сотрудничества с нацистами на оккупированных территориях находит самое серьезное внимание, далекое от подобных спекуляций²²⁶.

В большинстве работ латышских историков подчеркивается, что холокост на территории Латвии осуществлялся «исключительно» под руководством и контролем германских нацистов, а любые «подготовительные» в политико-психологическом плане антисемитские и прогитлеровские жесты латвийского президента и премьер-министра Карлиса Улманиса полностью отрицаются. Вместе с тем имеется богатый фактический материал, позволяющий судить о том, что именно и в каких пропорциях латвийский диктатор позаимствовал у германского нацизма или итальянского фашизма.

Карлис Улманис действительно не выступал за физическое уничтожение евреев, однако после установления 15 мая 1934 г. авторитарного режима многих из них принуждали покинуть должности адвокатов и врачей, им больше не могли принадлежать предприятия в ряде отраслей экономики. Под нажимом нацистов из Латвии постепенно выдавливались иностранные компании с еврейским капиталом. Если мотив ненависти к евреям, расплывшийся нацистской пропагандой, находил в последнее десятилетие отражение в трудах историков из Латвии, как и в целом тематика холокоста и увековечивание памяти

²²⁶ См., например: *Ковалев Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009; *Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина: материалы международного круглого стола* (Москва, 12 ноября 2009 года) / Под ред. д. и. н. В.Д. Кузнецевского. М.: РИСИ, 2010; *Страницы истории Второй мировой войны. Коллаборационизм: причины и последствия. Материалы научной конференции* (Москва, 29 апреля 2010 г.). М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2010; *Дюков А.* Нацистская истребительная политика на оккупированных советских территориях: направления исследования // *Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект. Материалы международной научной конференции* (Псков, 10–11 декабря 2009 года) / Фонд «Историческая память». М., 2010. С. 9–21.

его жертв (в основном под давлением Запада и Израиля)²²⁷, то роль антирусских настроений в практике нацистского геноцида вовсе отрицалась.

* * *

Вопрос о мотивации коллаборационистов сопряжен и с вопросом о том, в какой мере они были поднадзорны, автономны? У латышских и эстонских «национальных партизан» в июне 1941 г. не существовало большой политической самостоятельной организации, подобной «Фронту литовских активистов». Это затрудняет исследователей в поисках ответа на вопрос, имелись ли у латвийских и эстонских подпольных антисоветских структур разработанные планы истребления «нежелательного элемента» в условиях войны. Эти сложности влияют и на определение (со)ответственности за массовые убийства невооруженных лиц. Можно ли в данном случае говорить о том, что, наряду с нацистами, самостоятельную ответственность за уничтожение евреев и коммунистов летом и осенью 1941 г. несли организации латвийских и эстонских «национальных партизан»?

Во всяком случае, имеются свидетельства о том, что планы по тотальной этнической чистке территории Эстонии, а также эксплуатации населения и земель российского порубежья вынашивал руководитель эстонского коллаборационистского «самоуправления» Хяльмар Мязэ, амбиции которого не вызывали восторга у немцев. Так, современные исследователи из Эстонии Г. Пономарева и Т. Шор обращают внимание на следующие аспекты: «В 1941 г. любое

²²⁷ См., например: Starptautisko konferenču materiāli, 2003. gada 12.–13. jūnijs, 24 oktobris, Rīga un 2002. – 2003. gada pētījumi par holokaustu Latvijā (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 12. sēj.). Rīga, 2004. О степени адекватности восприятия и корректности отражения ситуации в современной латвийской историографии могут свидетельствовать слова И. Фелдманиса, преисполненные бравурных ноток: «Холокост исследован здесь лучше, чем где бы то ни было. Ни в одной стране такого нет. Положа руку на сердце, могу сказать, что изучать нам больше нечего» (Вести сегодня, 17 февраля 2011 г.).

упоминание о русской культуре было под полным запретом. Нельзя было играть музыку Чайковского или вспоминать имя Пушкина, одно время снова возродилась идея сноса Александро-Невского собора в Таллинне. Глава эстонской дирекции Х. Мяз предложил всех русских Эстонии выселить за Чудское озеро, а эстонцев и финнов-ингерманландцев перевезти из России в Эстонию. Но поскольку оставшиеся в Эстонии русские выказали себя лояльными гражданами, их оставили в покое. К весне 1942 г. в высшем эшелоне идеологов Германии во главе с А. Розенбергом утвердилось мнение о необходимости перехода к сотрудничеству с недовольными прежней властью гражданами»²²⁸. Также, вероятно, именно излишний этнополитический рефрен в карательной активности т. н. «внешнего отдела эстонской полиции безопасности и СД в Пскове» привел в дальнейшем к переименованию и реформированию немцами этого подразделения²²⁹. В целом «национально настроенные» эстонские коллаборационисты предпочитали предлагать свои пути решения «этнических вопросов», договариваться с немцами или пытаться достигать своих целей исподтишка, не доводя дело до прямого столкновения с оккупантами. Дальнейшие детальные исследования могли бы пролить свет и на поставленный вопрос о степени ответственности за подобные деяния.

Утверждения о самостоятельности отдельных коллаборационистских карательных подразделений в оккупированной нацистами Латвии встречаются в некоторых эмигрантских источниках и работах современных историков. В первую очередь это касается Латышской политической полиции, насчитывавшей уже в октябре 1941 г. 415 сотрудни-

²²⁸ Пономарева Г.М., Шор Т.К. Русская печать и культура в Эстонии в годы Второй мировой войны (1939–1945) = Vene trükisõna ja kultuur Eestis II Maailmasõja ajal (1939–1945). Tallinn, 2009. С. 173.

²²⁹ См.: Алексеев Ю. Моглинский лагерь: история одной маленькой фабрики смерти / Фонд «Историческая память». М., 2011.

ков²³⁰. Так, руководивший с апреля 1942 г. по октябрь 1944 г. Латышской политической полицией Хербертс Тейдеманис в одном из своих послевоенных писем вспоминал, что латышская политическая часть Полиции безопасности и СД сохраняла большую самостоятельность. Данный тезис подтверждается такими фактами, «как размещение в отдельном здании, полная автономия отдела в кадровых делах, право инициировать и проводить расследования без предварительного уведомления командира²³¹, самостоятельно проводить аресты и освобождать из-под ареста, сообщая об этом только постфактум, формирование кадров и сети агентов без немецкого участия и какого-либо обязательства их раскрывать, соответственно, показывая немецкому отделу или командиру напрямую»²³².

Другим автономным подразделением полиции безопасности и СД являлась специальная группа Р (Sondergruppe R), иначе называемая «Латышская картотека». Известно, что служившие в ее составе более 60 сотрудников и несколько сотен агентов²³³ готовили списки коммунистов, сторонников советской власти, социал-демократов и других «подозрительных лиц», составившие уже на 15 октября 1941 г. 23 000 человек²³⁴, однако в какой мере именно немцы кон-

²³⁰ См.: Krausnick H., Wilhelm H.H. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938–1942 // Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. Stuttgart, 1981, Bd. 22, 478. lpp.

²³¹ Латышская политическая полиция с 3 апреля 1942 г. подчинялась непосредственно командиру полиции безопасности и СД Латвии штурмбаннфюреру СС др. Р. Ланге.

²³² Цит. по: Kangeris K. Policijas struktūras Latvijā vācu okupācijas laikā (1941–1945) // Okupētā Latvija 20. gadsimta 40. gados (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 16. sēj.). Rīga, 2005. 299. lpp.

²³³ Felder B.M. «Die Spreu vom Weizen trennen...» Die Lettische Kartei – Pärkonkrusts im SD Lettland 1941–1943 // Latvijas Okupācijas muzeja Gadagrāmata 2003: Pakta zona, Rīga, 2004, 57. lpp.

²³⁴ Kangeris K. Policijas struktūras Latvijā vācu okupācijas laikā (1941–1945) // Okupētā Latvija 20. gadsimta 40. gados (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 16. sēj.). Rīga, 2005. 298. lpp.

тролировали критерии формирования «черных списков», не установлено.

До сих пор не прояснен вопрос и о том, насколько латвийские и эстонские полицейские батальоны контролировались местным «национальным подпольем». Современные историки как в Латвии, так и в Эстонии утверждают, что подобное «национальное подполье» (состоявшее по большей части из сотрудничавших с нацистскими оккупационными властями деятелей) существовало²³⁵, однако уклоняются от вопроса о степени его влияния на созданные оккупантами национальные полицейские формирования. Некоторые ученые вскользь упоминают о том, что подобное влияние имело место, другие характеризуют военнслужащих прибалтийских полицейских формирований как нацистских наемников, не отрицая при этом неудачных попыток «подпольного» влияния²³⁶; большинство же старается обходить в своих исследованиях столь болезненный вопрос.

Изучение некоторых карательных операций, проводившихся латвийскими полицейскими батальонами, наводит на мысль о том, что они не сводились исключительно к воплощению подготовленных нацистами планов. Так, например, проводившаяся в начале 1943 г. в латвийско-белорусском приграничье операция «Зимнее волшебство», по замечанию израильского историка А. Шнеера, приобрела для латышей характер «охоты за рабами»: угнанные латышскими полицейскими бе-

²³⁵ Напр.: Zunda A. Resistance against Nazi German Occupation in Latvia: Positions in Historical Literature // The Hidden and Forbidden History of Latvia under Soviet and Nazi Occupations 1940–1991. Riga, 2007. P. 148–158; Обзор периода оккупации. Таллинн, 2004. С. 91–92.

²³⁶ Такую формулировку, вслед за создателем первых полицейских батальонов Робертом Осисом, который был разочарован поведением германского командования, использовал, в частности, современный историк Карлис Кангерис: «Члены латышских полицейских батальонов стали наемниками, которым платят за проведенную работу». См.: Kangeris K. Latviešu policijas bataljoni lielajās partizānu apkarošanas akcijās 1942. un 1943 gadā // Totalitārie okupācijas režīmi Latvijā 1940. – 1964. gadā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 13. sēj.). Rīga, 2004. 333. lpp.

лорусские подростки направлялись на принудительные работы не в Германию, как это делалось обычно, а в Латвию, где распределялись между богатыми латвийскими крестьянами²³⁷. С учетом того, что Германия в это время испытывала острую нужду в рабочей силе, создается впечатление, что в данном случае можно говорить о реализации в рамках нацистской карательной операции не только нацистских планов.

Факты свидетельствуют о том, что в ряде случаев латвийские полицейские формирования проводили карательные операции с большей жестокостью, чем собственно немцы. Это может объясняться распространенными среди военнослужащих этих подразделений агрессивнорусофобскими воззрениями.

В частности, на русофобские мотивы расправы над населением белорусских деревень проливает свет доклад офицера по особым поручениям тыла «Русской освободительной армии» (РОА) поручика В. Балтиньша представителю РОА в Риге полковнику В. Позднякову от 26 мая 1944 г., в котором он, в частности, пишет: *«В 1944 г. я приехал в деревню Морочково. Вся она была сожжена. В погребках хат расположились латышские эсэсовцы. В день моего приезда их должна была сменить вновь прибывшая немецкая часть, но мне все-таки удалось поговорить по-латышски с несколькими эсэсовцами. Я спросил у одного из них – почему вокруг деревни лежат непогребенные трупы женщин, стариков и детей – сотни трупов, а также убитые лошади. Сильный трупный запах носился в воздухе. Ответ был таков: “Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских”»*²³⁸.

²³⁷ Шнеер А. Они стали латышами? Или... немцами? (Социальные аспекты судеб детей из России и Белоруссии, депортированных в Латвию в 1942–1944 гг.). Доклад прочитан на международной научной конференции «Разделенная Восточная Европа: трансфер границ и населения, 1938–1947 гг.» (2–3 сентября 2010 г., Львов).

²³⁸ Источник, М., 1998, № 2, с. 74–75. Публикация с реквизитами Государственного военного архива в г. Фрайбург (Германия): BA-MA. MSg 149. Band 4. B1. 165–166. Оригинал. Машинопись.

В вышеописанных зверствах могли принимать участие и служащие полицейских батальонов, носившие к этому времени как старую латвийскую униформу, так и форму вермахта и войск СС²³⁹. «Отличники» истребительной политики нацистов на Востоке еще в июле 1943 г. были отмечены приказом рейхсфюрера СС Г. Гимmlера: *«Принимая во внимание проявленное ими до сих пор отличное поведение, я присваиваю всем латышским батальонам служебное наименование “Латышские полицейские батальоны”»*.

Мотивация зверств, отмеченная в рапорте В. Балтиньша, совпадает с показаниями бывшего офицера 19-го и 321-го латышских полицейских батальонов Альфреда Витиньша²⁴⁰. В протоколе допроса от 15 декабря 1945 г. он отмечает, что в конце мая 1944 г. при встрече с капитаном Ф. Межгрависом (командир 321-го латышского полицейского батальона) зашел разговор об отсутствии места для ночевки. В ответ Межгравис сообщил: *«Да, эту “работу” проводил я, я выполнял приказ генерала Еккельна, который приказал все уничтожить русское на своем пути, я сжег более 200 сел и деревень, сжигали также детей и стариков, так как с ними некогда было возиться, полегло их тут тысяч 10, а может быть и больше, всего разве упомнишь. За это я получил “Железный Крест”. Сжигал и производил я это в 1943 г., а теперь на обратном марше негде остановиться на отдых»*. И добавил: *«Здесь наши батальоны и отряды поработали неплохо, русские долго будут вспоминать Прибалтику. Их и не следует*

²³⁹ Lācis V. Latviešu leģions patiesības gaismā. Rīga, 2007. 119. lpp.

²⁴⁰ 3-й Цесисский полицейский полк, в который входил вышеуказанный 321-й полицейский батальон, участвовал в уничтожении «силы террористов, оценивавшиеся примерно в 20 000 человек». В итоге к середине мая 1944 г. все оцепленные районы Белоруссии были «очищены от террористов». См: «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг. Сборник документов / Ред. А.Р. Дюков, В.В. Симиндей и др. М.: Фонд «Историческая память», 2009. С. 24, 43–44, 272–273.

щадить, а уничтожать всех до единого, приказы Еккельна есть приказ фюрера, и мы должны защищать их интересы».

Как правило, латышские авторы не решаются выступать с апологией деятельности военного преступника, обергруппенфюрера СС Фридриха Еккельна, сосредоточившись на поиске оправдательных мотивов для латышских легионеров и иных коллаборационистов в тыловых и фронтовых структурах Германии. Однако известный адвокат Андрис Грутупс при консультативной поддержке официального историка Хейнрихса Стродса отважился на роль маргинального публициста, выпустив в свет откровенно антисемитский памфлет «Эшафот», представивший «Рижский процесс» 1946 г. над нацистскими преступниками как этническую месть советских евреев «блестящим» немецким генералам²⁴¹.

Анализ доминирующих тенденций в латышской «оправдательной историографии» показывает, что официальная Рига, достигнув определенного пропагандистского эффекта внутри страны, сосредоточилась на сверхзадаче оспорить «версии победителей» во Второй мировой войне на международных площадках, пытаясь попутно символически «доевовать» с Советским Союзом и оттенить «оккупационной» риторикой в адрес Москвы реальные масштабы соучастия латышских коллаборационистов в осуществлении нацистской истребительной политики на Востоке.

* * *

Одним из форматов коллаборации были т. н. латышские, литовские и эстонские полицейские батальоны, использовавшиеся нацистами в различных нуждах: от охранной и карательной деятельности до борьбы с партизанами и вспомогательного участия в боях на фронте. Рассмотрим историю одного такого подразделения на примере 36-го эстонского

²⁴¹ См. русское издание: Грутупс А. Эшафот. О суде над немецкими генералами в Риге. Рига: Atēna, 2008.

полицейского батальона, прошедшего путь от Тарту до Сталинграда и далее.

В расположение частей 3-й румынской армии, разбитой в ходе Сталинградской стратегической наступательной операции советских войск, германским командованием перебрасывались и весьма экзотические коллаборационистские формирования, малопригодные для фронта, но имевшие опыт соучастия в холокосте и нацистской истребительной политике, проводимой в отношении мирного населения и военнопленных.

36-й эстонский полицейский батальон «Аренсбург» (Schutzmannschafts-F-Bataillon 36) формировался с 23 ноября 1941 г. в Хаапсалу и Курессааре (нем. Аренсбург) под командованием майора Юлиуса Рентера из числа добровольцев, входивших в пронацистскую эстонскую военизированную организацию «Самоохрана» (Omakaitse) и ранее служивших в армии и полиции Эстонии времен националистической диктатуры Константина Пятса (1934–1940)²⁴². 10 апреля 1942 г. батальон был переброшен во второй по величине город Эстонии – Тарту для пополнения, военного обучения и караульной службы. Численность личного состава на 25 июля 1942 г., за неделю до переброски батальона в Белоруссию, составила 447 коллаборационистов: 22 офицера, 147 унтер-офицеров и 278 солдат. Следует отметить, что солдаты и унтер-офицеры этого подразделения были обмундированы в захваченную немцами старую униформу латвийской армии, но с эстонскими знаками различия. Офицеры же могли носить личную униформу эстонской армии, если она у них сохранилась после присоединения Эстонии к СССР летом 1940 г. Осенью-зимой 1942 г. личный состав получал обмундирование и экипировку вермахта²⁴³.

²⁴² Российский государственный архив социально-политической истории (РГА-СПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 45, 46.

²⁴³ Niglas A., Hiio T. Estonian defence battalions / police battalions // Estonia 1940–1945: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Tallinn, 2006. P. 861.

В начале августа 1942 г. батальон передислоцирован из Эстонии в Белоруссию (Новоельня), где принимал участие в массовых расстрелах евреев в районе Новогрудка (город Новогрудок, местечко Дятлово), а также участвовал в охране гетто и других мест содержания, конвоировании евреев к месту казни. Несмотря на то, что в журнале боевых действий батальона, отчетах и мемуарах эстонских офицеров умалчивается о кровавых расправах над мирным населением²⁴⁴, некоторые шокирующие подробности этих преступлений содержатся в сборнике документов²⁴⁵, опубликованном автором данной книги вместе с коллегами, который включает в себя и протоколы допросов бывших служащих 36-го эстонского полицейского батальона (см. приложение). При этом Центр Симона Визенталя, расследующий преступления нацистов и коллаборационистов против евреев, утверждает, что 36-й Эстонский полицейский батальон участвовал в массовых казнях в городе Новогрудок. Также о «возможной» причастности эстонских солдат из этого батальона к казням жертв холокоста в городе Новогрудок сообщила и Комиссия по расследованию военных преступлений, учрежденная по инициативе президента Эстонии Леннарта Мери. В частности, Комиссия на основе материалов допросов НКВД зафиксировала факт, что первая рота 36-го эстонского полицейского батальона участвовала в расстрелах евреев в 15 км от Новогрудка, а вторая рота охраняла гетто в этом городе и конвоировала его узников к месту казни²⁴⁶.

При этом следует отметить, что в постсоветский период некоторые выжившие коллаборационисты пытались отрицать соучастие в уничтожении евреев. Так, бывший военно-

²⁴⁴ См.: Eesti Ekspress, 10.05.2001.

²⁴⁵ См.: Эстония. Кровавый след нацизма: 1941–1944 годы. Сборник архивных документов. М.: Издательство «Европа», 2006.

²⁴⁶ Бывший полицейский отрицает обвинения в расстрелах евреев // RusDelfi.ee, 6 августа 2002 г.

служащий 36-го эстонского полицейского батальона Василий Арула в 2002 г. заявил газете «Ээсти пьэвалехт», что его подразделение не участвовало в расстрелах евреев. По словам В. Арула, в августе 1942 г. задачей солдат 36-го батальона в белорусском городе Новогрудок было-де охранять конюшню, в которой держали арестованных, среди которых могли быть и евреи²⁴⁷.

Далее известно, что в конце августа 1942 г. 36-й батальон был переброшен на Украину в Донецкую область (Сталино), с сентября принимал участие в охране лагерей военнопленных на станции Ханженково и в пос. Катык (Stalag 312 и 385), где в нечеловеческих условиях был организован принудительный труд на угольных шахтах. Следует отметить, что в этот период личный состав 36-го эстонского полицейского батальона фактически участвовал в нацистской истребительной политике, направленной на уничтожение основной массы советских военнопленных в нарушение каких-либо норм международного права.

7–11 ноября 1942 г. комиссия по рекрутированию в Эстонский легион СС отобрала 202 добровольца из 36-го полицейского батальона (14 офицеров, 59 унтер-офицеров и 129 солдат), которые должны были 25 ноября отправиться в полевой тренировочный лагерь. Однако из-за изменения ситуации на фронте батальон был спешно переброшен к 22 ноября в район станции Суровикино, понеся в пути первые потери за счет дезертиров.

В районе станции Суровикино батальонный эшелон попал под минометную атаку разведывательного подразделения Красной армии, а затем столкнулся с советскими танками, что вызвало у эстонского командования панику. За нераспорядительность в боевых условиях офицер связи вермахта капитан Гирхак, прикрепленный немцами, снял с должности командира батальона майора Рентера,

²⁴⁷ Там же.

начальника штаба и командира 1-й роты. Примечательно, что командиры, привыкшие к специфическим будням организации конвоирования жертв холокоста и охраны лагерей военнопленных, сказались «больными» при первом же боевом столкновении. 23 ноября Рентера сменил командир 3-й роты старший лейтенант Харалд Риипалу, повышенный немцами до капитана. Он смог наладить управление, и ровно через месяц немецкое командование отметило батальон за то, что тот не разбежался: 42 эстонца были награждены Железными крестами 2-й степени²⁴⁸.

В ноябре – декабре 1942 г., в ходе контрнаступления советских войск под Сталинградом, эстонский батальон находился в составе боевой группы фон Штумпфельда, подчинявшейся в оперативном отношении 3-й румынской армии, во внешнем кольце окружения в районе реки Чир. В ходе ожесточенных боев батальон понес значительные потери, его штабные документы 12 декабря были захвачены частями Юго-Западного фронта Красной армии²⁴⁹. По эстонским данным, погибло и умерло от ран 40 чинов батальона, пропали без вести 11 и было ранено 97. Однако это явно заниженные данные, особенно в отношении пленных, дезертиров и легкораненых.

По имеющейся информации, утративший боеспособность батальон по возвращении в Эстонию был в январе 1943 г. расформирован, а личный состав распределен между другими эстонскими полицейскими батальонами, а также полевыми и запасными подразделениями Эстонского легиона СС. Однако в немецких документах значится, что в марте 1943 г. 1-я рота (возможно, не до конца расформи-

²⁴⁸ Niglas A., Hiio T. Estonian defence battalions / police battalions // Estonia 1940–1945: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Tallinn, 2006. P. 862.

²⁴⁹ См.: Журнал боевых действий 36-го эстонского полицейского батальона. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 331. Оп. 5041. Д. 24.

рованного) 36-го эстонского полицейского батальона была придана силам СД и принимала участие в крупномасштабной карательной операции нацистов *Winterzauber* («Зимнее волшебство») на территории Белоруссии и России, по окончании которой отправлена в Таллин (Ревель)²⁵⁰. Имеется также единичное свидетельство о существовании переформированного 36-го полицейского батальона в 1944 г., сделанное бывшим эстонским служащим Ричардом Краусом²⁵¹.

Некоторые военнослужащие батальона, захваченные или сдавшиеся в плен советским войскам, впоследствии понесли наказание. Однако те из них, кто в условиях «холодной войны» оказался на Западе, включая командира батальона и впоследствии командира 45-го полка 20-й эстонской гренадерской дивизии войск СС оберштурмбаннфюрера СС Харалда Риипалу (1912–1961), остались безнаказанными, а в современной Эстонии вообще подаются как национальные герои²⁵². Стоит также отметить, что один из офицеров 36-го батальона, затем гауптштурмфюрер СС в 20-й эстонской гренадерской дивизии войск СС Эльмар Липпинг (1906–1994) в послевоенный период всерьез увлекся эмигрантской политикой. Уже в преклонном возрасте он сделал потрясающую «карьеру» – считался в узком кругу соплеменников «министром иностранных дел эстонского правительства в изгнании в Нью-Йорке», с 3 июня 1982-го по 20 июня 1990 г. ...

²⁵⁰ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1022. Л. 102–104. Перевод с немецкого. Немецкий текст. Опубликовано: «Уничтожить как можно больше...» Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1941–1944 гг.: Сборник документов / Сост. А.Р. Дюков, В.В. Симиндей и др. М., 2009. С. 202–204.

²⁵¹ *Kümmel T.* 36. eesti politseipataljoni võitleja keerukas sõduritee // *Eesti Päevaleht*, 1 августа 2002 г.

²⁵² См., например: *Võsaste R.*, Harald Riipalu lugu. Tallinn, «Grenader», 2011.

Приложение

1. Из протокола допроса добровольца 36-го эстонского полицейского батальона Рудольфа Мязорга старшим следователем Саарского УО МГБ СССР

15 июля 1948 г.²⁵³

Вопрос: Расскажите коротко свою биографию.

Ответ: [...] В начале февраля 1942 г. поступил добровольно в 36-й полицейский батальон, где меня зачислили во 2-ю роту. Звания у меня не было. Вышеуказанный батальон сформировали на о. Сааремаа. 11 февраля²⁵⁴ 1942 г. нас погрузили в поезд и тогда поехали в гор. Тарту. В Тарту нам дали обмундирование, одновременно нас немного обучали, и мы несли караульную службу, наше местонахождение было в казармах на ул. Тильди. После нашего пребывания 1 мес. в гор. Тарту наша 2-я рота ушла в гор. Псков, где нас обучали и мы несли караульную службу.

Вопрос: Чем занимался 36-й полицейский батальон, в том числе и в гор. Тарту?

Ответ: Большею частью за период пребывания в гор. Тарту занимались, в том числе и я, охраняли советских военнопленных, их конвоировали на работу и обратно.

Вопрос: Куда отправили 36-й батальон из гор. Тарту?

Ответ: В августе 1942 г. погрузили весь 36-й полицейский батальон в гор. Тарту в поезд и поехали в Белоруссию, где нас разгрузили в гор. Новогрудок. В районе этого города наш

²⁵³ Центральный архив ФСБ России. Ф. 100. Оп. 11. Д. 4. Л. 236–237. Подлинник. Машинопись.

Опубликовано: Эстония. Кровавый след нацизма: 1941–1944 годы.

Сборник архивных документов. М.: Издательство «Европа», 2006. С. 14–16.

При этом некоторые эстонские исследователи оспаривают факт службы Р. Мязорга в 36-м эстонском полицейском батальоне.

²⁵⁴ На самом деле 10 апреля (прим. авт.).

батальон находился около одного месяца, главной нашей задачей было убийство евреев, которые находились в гор. Новогрудок и в окрестных деревнях.

Вопрос: Участвовали вы лично при расстреле евреев?

Ответ: Да, я с солдатами и офицерами 36-го полицейского батальона принимал участие в расстреливании евреев.

Вопрос: Уточните, как происходило расстреливание евреев.

Ответ: До начала расстрела солдаты 36-го полицейского батальона, в том числе я, арестовали группу евреев. Часть арестованных евреев сажали на автомашины, часть вели пешком за город, где эти арестованные копали большие ямы – рвы длиной около 30–60 м, глубиной примерно в 1,5 м и примерно 2,5 м шириной. После того, как рвы были готовы, расстреляли тех евреев, которые копали рвы. Лично сам я расстрелял 10 человек евреев. Затем стали к этим рвам подводить остальных евреев, по группам 20–30 человек сразу, среди них были женщины и дети.

Вопрос: Принимали ли вы лично участие при аресте евреев и при конвоировании их к расстрелу?

Ответ: Да, я лично принимал участие при аресте евреев и при конвоировании их к расстрелу. Сколько я лично конвоировал их к расстрелу, это мне сложно сказать, ибо этого числа я не помню.

Вопрос: Сколько времени длилось это расстреливание, и сколько человек было расстреляно?

Ответ: Расстреливание длилось несколько недель, вообще там было расстреляно нами свыше тысячи евреев.

**2. Из протокола допроса члена «Омакайтсе»
и служащего 36-го эстонского полицейского
батальона Юханеса-Освальда Рахумееля
старшим следователем Саарского
УО МГБ СССР**

27 июля 1948 г.²⁵⁵

Вопрос: Состояли ли вы членом организации «Омакайтсе»?

Ответ: В организацию «Омакайтсе» я вступил добровольно в середине октября 1941 г. и состоял членом до февраля 1942 г., т. е. до моего вступления в 36-й полицейский батальон. За время моего пребывания в «Омакайтсе» мне была выдана русская винтовка и 30 шт. боевых патронов. Кроме того, я получал зарплату 60–70 немецких марок.

[...]

Вопрос: Когда вы вступили в 36-й полицейский батальон?

Ответ: В 36-й полицейский батальон я вступил добровольно в начале февраля 1942 г. 2-я рота второго батальона формировалась в городе Курессааре, и она состояла только из добровольцев и членов организации «Омакайтсе».

В апреле 1942 г. наша рота направилась в гор. Хаапсалу, куда прибыла и 1-я рота, которая формировалась на острове Хийумаа. В гор. Хаапсалу мы находились около 10 дней, после этого 1-я и 2-я роты были направлены в гор. Тарту, где формировалась 3-я рота. В гор. Тарту мы проходили военное обучение.

Вопрос: Когда и куда выехал 36-й полицейский батальон, в том числе и вы?

Ответ: 3 и 4 августа 1942 г. весь 36-й полицейский батальон, в том числе и я, был погружен в эшелон и направлен в Белоруссию, где нас на станции Новоельня выгрузили и мар-

²⁵⁵ Центральный архив ФСБ России. Ф. 100. Оп. 11. Д. 4. Л. 238–240. Подлинник. Машинопись. Опубликовано: Эстония. Кровавый след нацизма: 1941–1944 годы. Сборник архивных документов. М.: Издательство «Европа», 2006. С. 8–13.

шем направили в гор. Новогрудок, где нас на окраине разместили в казармах.

Вопрос: Чем занимался 36-й полицейский батальон, находясь в гор. Новогрудок?

Ответ: Основной задачей нашего 36-го полицейского батальона было производство задержания советских граждан, в основном евреев, и впоследствии конвоирование их на расстрел. А также солдаты и офицеры нашего батальона участвовали в расстрелах советских граждан, которые производились в районе гор. Новогрудок.

[...]

Вопрос: Сколько вы находились в районе гор. Новогрудок?

Ответ: В районе гор. Новогрудок мы находились около одного месяца, после чего наша часть была направлена в Донбасс.

Вопрос: Чем вы лично занимались в Донбассе?

Ответ: В Донбассе я являлся посыльным роты, а другие солдаты охраняли лагерь советских военнопленных, конвоировали их на работу и охраняли их во время работы.

Вопрос: Участвовали ли вы в боях против Советской Армии?

Ответ: Осенью 1942 г. 36-й полицейский батальон был переброшен на Сталинградский фронт, где я участвовал в боях против Советской Армии, 12 декабря 1942 г. был ранен.

Вопрос: Имеете ли вы награды немецкого командования?

Ответ: За участие в сталинградских боях и за показанную смелость я немецким командованием был награжден Железным крестом II класса.

**3. Из протокола допроса добровольца
36-го эстонского полицейского батальона
Эверхарда Миккельсона
старшим оперуполномоченным Саарского
УО МГБ СССР**

14 августа 1948 г.²⁵⁶

Вопрос: В районе гор. Новогрудок что вы делали?

Ответ: В районе гор. Новогрудок в местечке Дятлово участники 36-го карательного полицейского батальона, в том числе и я, охраняли еврейское население на площади.

Вопрос: Для какой цели еврейское население было согнано вами на площадь в местечке Дятлово?

Ответ: Когда 36-й карательный полицейский батальон, в том числе и я, сгонял на площадь еврейское население, мне лично не было известно, для какой цели это делается, но когда население было согнано, тогда командование 36-го карательного полицейского батальона нам предложило: кто хочет принять участие в расстреле еврейского населения?

Вопрос: Вы лично принимали участие в расстреле еврейского населения?

Ответ: Личного участия в расстреле еврейского населения я не принимал, но, как я показал выше, я лично еврейское население сгонял на площадь в местечке Дятлово, затем до расстрела нес их охрану.

Вопрос: Сколько времени вы находились в районе гор. Новогрудок, и сколько там было расстреляно советских граждан?

Ответ: В районе гор. Новогрудок наш 36-й карательный полицейский батальон, в том числе и я, находился около 3 недель. Выехал оттуда в конце августа 1943 г. За это время в местечке Дятлово расстреляно около 1500 чел. евреев.

²⁵⁶ Центральный архив ФСБ России. Ф. 100. Оп. 11. Д. 4. Л. 241–244. Подлинник. Машинопись. Опубликовано: Эстония. Кровавый след нацизма: 1941–1944 годы. Сборник архивных документов. М.: Издательство «Европа», 2006. С. 17–22.

Сколько было расстреляно в других местах Новогрудка, мне не известно.

Вопрос: Расскажите, где вы принимали участие в боях против Советской Армии?

Ответ: Личное участие в боях против Красной Армии я принимал в конце 1942 г. под Сталинградом и осенью 1943 г. под Невелем.

Вопрос: Награды от немецкого командования вы имеете?

Ответ: За службу в немецкой армии и за участие в боях против Советской Армии я был награжден значком отличия, и второй значок я получил от немецкого командования за ранения, полученные мною под Сталинградом и Невелем.

«Покушение» на историю: сквозь баррикады национально-цехового монополизма

Стремительное развитие общественно-политических процессов в СССР на рубеже 1980-х – 1990-х гг. разорвало оковы советской цензуры, в идеологическом ключе «просеивавшей» все сколько-нибудь чувствительные сюжеты истории. В этих условиях перед российской исторической наукой, столкнувшейся с «хаосом плюрализма», встал вопрос сведения воедино эклектичного на первый взгляд исторического нарратива досоветского, советского, антисоветского и не-советского происхождения. Как представляется, эта задача к сегодняшнему дню не решена ни в одной из отечественных историографических школ (да и может ли быть решена?).

В постсоветской Прибалтике видимость успеха на этом направлении обусловлена подменой многогранной истории народов и территорий описанием событий и лиц сквозь призму государственных форм 1918–1940 гг., причем в узком коридоре интерпретаций. В таком ракурсе весь ход истории середины XIX – начала XX веков «закономерно» ведет

к появлению национальных правительств в 1918 г. и авторитарных режимов Антанаса Сметоны (1926–1940), Карлиса Улманиса (1934–1940) и Константина Пятса (1934–1940), а советский период развития представляется безвременьем, которое надо было как-то пережить до «восстановления» в 1990–1991 гг. довоенных республик. То есть на месте советского нормативного мифа в Вильнюсе, Риге и Таллине были воздвигнуты новые национально-государственные мифы. Как тут не вспомнить о высказывании яркого представителя так называемой краковской историографической школы Ю. Шуйского, отзывавшегося о ложной истории как о мастерице ложной политики?

Не удивительно, что предпринятая российским историком Людмилой Воробьевой в книге «История Латвии: От Российской империи к СССР»²⁵⁷ попытка «покуситься» на историю этой страны, препарировать ее с опорой на подзабытые фактологические и концептуальные ресурсы советской историографии (с некоторым их переосмыслением и привлечением нового материала, недоступного в советский период) вызвала острое раздражение в стройных рядах латышских историков. В самом деле, разве укладывается в новый нормативный миф аргументированное доказательство того, что левая социал-демократия и большевизм были интегральной частью латышской политической культуры XX века, по крайней мере, с 1905 г.?

К сожалению, не во всех сюжетах у Л. Воробьевой прослеживается применение такого полезного метода, как многофакторный анализ, позволяющий избежать односторонних трактовок и раскрыть противоречивые тенденции развития.

²⁵⁷ См.: Воробьева Л.М. История Латвии: От Российской империи к СССР. Кн. 1. М.: Фонд «Историческая память», Российский институт стратегических исследований, 2009; Воробьева Л.М. История Латвии: От Российской империи к СССР. Кн. 2. М.: Фонд «Историческая память», Российский институт стратегических исследований, 2010. Есть еще издание в одной книге: Воробьева Л.М. История Латвии от Российской империи к СССР. М., 2011.

Необходима известная поправка на «встречные перегибы», допущенные в ответ на заангажированные интерпретации современных латвийских историков. С этим условием вполне позволительно рассматривать книгу российского автора как весьма полезный труд, расширяющий представление читателей о важнейших вопросах латвийской истории, тесно связанных с отечественной проблематикой.

Структура работы Л. Воробьевой не оставляет сомнений в том, что книга представляет собой систематизированные в проблемно-хронологическом порядке очерки по актуальным вопросам истории Латвии. Автор сфокусировала свое внимание на наиболее острых сюжетах, ставших не только предметом научной дискуссии, но и «бездонным резервуаром», из которого одалживаются современные латвийские политики и публицисты, развивающие доктрину «советской оккупации» на фоне «извечной российской угрозы». Очевидно также, что научно-просветительский подход, избранный исследователем, предполагал акцент на разбор и кодификацию опубликованных ранее материалов (в том числе – малоизвестных, труднодоступных и специально игнорируемых оппонентами). Круг использованных автором источников охватывает официальные документы нормативного, служебного и политико-декларативного характера, российскую, латвийскую и советскую периодику (включая редкие издания), мемуарную и справочную литературу на русском, латышском, немецком и английском языках, а также научные издания различных историографических школ.

В этой связи упреки маститого латвийского рецензента (почетного члена-корреспондента Латвийской академии наук, члена Комиссии историков при президенте Латвии Хейнрихса Стродса)²⁵⁸ в отсутствии новых архивных документов как

²⁵⁸ Х. Стродс (1925–2012); см. указанную рецензию: *Стродс Х.* Столетие в истории Латвии и России // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований, № 2–3, 2010. С. 139–146.

единственного источника, «где можно было бы найти те самые обещанные малоизвестные и “игнорируемые” официальной Ригой материалы», едва ли могут быть приняты: анализ и синтез обширного массива документов, введенных в научный оборот или опубликованных в иных целях на протяжении жизни нескольких поколений в разных странах, являются вполне годным инструментарием в процессе познания истории. Избирательная «строгость» Х. Стродса к Л. Воробьевой в этом вопросе выглядит предвзятой, особенно на фоне историко-ведческой дискуссии, ведущейся сегодня в латвийской исторической науке. Так, коллега Х. Стродса, автор книги «Историография истории Латвии» Й. Штейманс, размышляя о задачах профессионального историка, отмечает: «Нужно оценивать не только источники, но и исторические события, происходившие перемены, роль народных масс и выдающихся личностей и др. Что касается архивных документов, то они зачастую необходимы, но не меньшее значение имеют опубликованные стенограммы заседаний, сборники статистических данных и комплекты газет рассматриваемого периода»²⁵⁹.

Более обоснованной представляется критика Х. Стродса и российского рецензента И. Ярова, касающаяся отсутствия в книге раздела, специально посвященного историографическому обзору, состоянию общего баланса историографических идей и их концептуальным истокам²⁶⁰. Однако сетования Х. Стродса на то, что «автор строго следует русской советской традиции “не поднимать врага на щит”», и поэтому «читатель не найдет в книге ни одной цитаты или вступления в дискуссию» с латышскими официальными историками, представляется явной натяжкой, вызванной полемическим задором рецензента или его невнимательностью. В первом томе

²⁵⁹ Šteimans J. Latvijas vēstures historiogrāfija. Rēzekne: Latgales kultūras centra izdevniecība, 2010. 5. lpp.

²⁶⁰ Яров И.П. Шаг к познанию правды: Новая книга по истории Латвии // Свободная мысль, 2010. № 3. С. 217.

можно, например, ознакомиться с цитатами из коллективной монографии Д. Блейере, И. Бутулиса, А. Зунды, И. Фелдманиса «История Латвии. XX век» (с. 85, 91, 122) или из книги советника президента Латвии по вопросам истории А. Зунды «Отношения Латвии и Великобритании в 1930–1940 гг. Реальность и иллюзии» (с. 132), во втором – обнаружить критический разбор постулатов о пакте Молотова – Риббентропа из книги Д. Блейере, И. Бутулиса, И. Фелдманиса, А. Странги, А. Зунды «Латвия во Второй мировой войне (1939–1945)» (с. 56) или о характере режима Карлиса Улманиса из академического издания «Независимое государство. 1918–1940. Т. II / История Латвии 20-го века» (с. 22–23). Имеется также ссылка на позицию российского историка «либерального» направления Е.Ю. Зубковой в вопросе о «советской аннексии» Латвии (Книга 2, с. 137). Не уклоняется Л.М. Воробьева и от дискуссии с самим Х. Стродсом: *«Следует отметить, что если в советской историографии преувеличивалось влияние коммунистов на социально-политические процессы в Латвии периода вождистской диктатуры, то в современных латышских научных изданиях этот фактор либо полностью игнорируется, либо подается в духе “теории заговоров” (коммунистическое подполье якобы не имело никакой местной почвы и подпитки, было целиком и полностью инспирировано Москвой и Коминтерном)»*²⁶¹ (книга 2, с. 29). Действительно, сегодня лишь в редких изданиях на латышском языке вскользь упоминается о подпольной борьбе сотен латышей против фашистских тенденций в довоенный период, о заключении в конце 1934 г. соглашения между латвийскими коммунистами и активистами Латвийской социалистической рабоче-крестьянской партии, касающегося создания «единого фронта»²⁶².

²⁶¹ Strods H. PSRS ideoloģiskā protektorāta veidošana Latvijā 1936. – 1940. gadā // Latvijas okupācijas muzeja gadagrāmata 2006. Rīga, 2007. 25. lpp.

²⁶² Šteimans J. Latvijas vēstures historiogrāfija. Rēzekne: «Latgales kultūras centra izdevniecība», 2010. 246. lpp.

Обвинения в использовании автором «метода умолчания» Х. Стродс подкрепляет весьма неудачными примерами. О «насильственном подавлении революции 1905 г. в Латвии» рассказано в книге 1 (с. 73–79); поэт и революционер Янис Райнис «даже не упоминается» на с. 73 первого тома, где рассказывается о его идейно-литературных метаниях; «война за независимость» довольно подробно рассмотрена в контексте противостояния на территории Латвии в 1917–1920 гг. различных сил внутреннего и внешнего происхождения, с учетом изначально высокого уровня большевизации населения и войск в 1917 г. в тех районах, которые не были оккупированы немцами.

Действительно, Людмила Воробьева далека от безоговорочного повторения трактовок событий тех лет в проулманисовской аранжировке, столь распространенных в современной латвийской историографии. Вместе с тем она вовсе не одинока в квалификации «Народного совета», породившего в 1918 г. временное правительство во главе с К. Улманисом, как «самопровозглашенного при поддержке немецких оккупантов» (книга 1, с. 183). Например, латвийский историк А. Пуриньш, посвятивший много лет исследованию деятельности главного оппонента К. Улманиса из правого латышского лагеря – пастора А. Ниедры, отмечал: *«Парадокс нашей независимости в том, что с точки зрения государственного права у большевиков было вроде бы больше прав решать [вопрос] о государственности Латвии, чем у Народного совета. На всеобщих и демократических выборах в 1917 г. они получили большинство и создали свою модель латвийской государственности, существование которой de facto на территории Латвии прервала немецкая оккупация, от которой красные латышские стрелки в конце 1918 – январе 1919 г. освободили большую часть Латвии... Международно-правовой статус провозглашенного 18 ноября 1918 г. Латвийского государства был неопределенным и сложным. После аннулирования Брестского мира оккупированная Латвия вроде бы*

опять находилась под суверенитетом России. Однако в России *de facto* управляли два претендента на власть – большевики и правительство Колчака..., которые в гражданской войне боролись за права единственного правительства»²⁶³. Так что ссылки рецензента на Великую французскую революцию и немецкого просветителя Гарлиба Меркеля, вполне уместно приводимые для иллюстрации справедливости устремлений латышей, не отменяют противоречий между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств, что до сих пор находит отражение в международно-правовых диспутах.

Вопреки утверждению рецензента, читатель может составить представление об аграрных преобразованиях в Латвии с 1920 г. как факторе закрепления власти буржуазного правительства, перераспределившего земли в пользу латышей – в основном за счет балтийских немцев (книга 1, с. 189–190). Расходится с элементарным анализом текста и обличительный пафос Х. Стродса по поводу того, что «автор ни словом не упоминает о “латышской акции”, которую осуществил СССР». Здесь достаточно процитировать Л.М. Воробьеву: «В 1937 и 1938 гг. многие деятели КПЛ, работавшие в Заграничном бюро в Москве и на руководящих постах в ВКП(б), подверглись необоснованным и незаконным политическим репрессиям в СССР. Их обвинили в национализме и измене... В июле 1937 г. в Москве было ликвидировано латышское культурно-просветительское общество “Прометей”, образованное в 1923 г. и издававшее общественно-политическую и художественную литературу на латышском языке, включая произведения советских писателей. Связанные с “Прометеем” партийные деятели и работники культуры почти все подверглись жестоким политическим репрессиям. В Москве был также ликвидирован Государственный латышский со-

²⁶³ Puriņš Ā. Andrievs Niedra. Četri gadi un viss mūžs. Rīga: Valters un Rapa, 2005. 234., 235. lpp.

ветский театр Skatuve (“Сцена”) и другие латышские культурные учреждения» (книга 2, с. 31, 32).

Поражает обилие неточностей у латвийского историка, взявшегося за труд убедить читателя в «незнании автором минимальных фактов из истории Латвии». К примеру, в том, что «ландзассы» – это и есть земство, хотя система «классических» земских учреждений в Курляндии и Лифляндии распространена не была, или в наличии латышского алфавита со всеми диакритическими знаками в середине позапрошлого века, или в отсутствии инцидентов на почве товарно-денежных отношений в начале XIX века между помещиками и лично свободными работниками... Х. Стродс с тем же упорством пытался доказать, что на территории Латвии нацисты устроили «только один концлагерь», как и опровергнуть известный эпизод перенятия Гитлером полномочий главы государства именно после смерти президента Германии П. фон Гинденбурга в 1934 г. Несколько утрированными представляются придирки по поводу использования дореволюционных топонимов – в соответствующих местах книги дается их «расшифровка». Вместе с тем ряд указаний на ошибки можно считать полезным (например, коллаборационистское «самоуправление» действительно было создано в 1941 г., а бывший улманисовский офицер К. Аператс получил звание, аналогичное полковнику-лейтенанту (подполковнику), уже при нацистах).

Латвийский историк обрушивается на российскую коллегу за то, что авторская трактовка пакта Молотова – Риббентропа «не соответствует ни балтийским, ни международным научным историческим выводам», якобы базирующимся на консенсусе по поводу «решающего значения пакта Гитлера – Сталина от 23 августа 1939 г. в развязывании Второй мировой войны». Но эта трактовка, как должно быть известно даже не очень опытным историкам, в оценке прагматичности решения прямо и непосредственно восходит к трактовке – такого не только великого политика,

исторического свидетеля, но и международно признанного исследователя Второй мировой войны, как Уинстон Черчилль. В частности, британский лидер, характеризуя этот договор как «одиозный противоестественный акт» с точки зрения неизбежного идеологического и военного антагонизма СССР и Германии, признавал: *«В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи»*²⁶⁴.

К «общепринятым» выводам рецензент относит и свои (весьма радикально-ревизионистские даже по латвийским меркам) умозаключения о том, что «советская оккупация» Латвии началась еще в октябре 1939 г., а *«три балтийских демократии [при авторитаризме К. Улманиса, К. Пятса и А. Сметоны? – В. С.] были единственными парламентскими государствами [разве Сейм Латвии не был разогнан в мае 1934 г.? – В. С.], которые 50 лет провели в коммунистической тоталитарной диктатуре [в постсталинские периоды, включая «перестройку»? – В. С.]»*²⁶⁵. И приходит к подкупающему своей «окопно-строевой правдой» выводу: *«Авторский взгляд в целом следует признать политически неперспективным: все мировое сообщество идет не в ногу, один автор шагает в ногу»*.

Тут все же следует сделать несколько замечаний, характеризующих историографическую ситуацию в современной науке и указывающих на один важный первоисточник «оккупационной» риторики в адрес СССР, применительно к событиям 1939–1940 гг.

Во-первых, поиск истины может вестись наперекор «модным» тенденциям в историографии и политической ритори-

²⁶⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1991. Кн. 1. Т. I–II. С. 179.

²⁶⁵ Strods H. PSRS politiskā cenzūra Latvijā 1940–1990. Rīga, 2010. 14. lpp.

ке. В исторической науке известно немало примеров, когда суждения, выпадавшие из общепринятых канонов, в дальнейшем оказывали существенное влияние на корректировку доминирующих представлений.

Во-вторых, не все европейские ученые «шагают в ногу» с латвийским рецензентом, не говоря уже о российских коллегам. Отсутствие консенсуса в трактовках последствий секретного протокола к договору от 23 августа 1939 г. признает даже такой сторонник интерпретации советско-германского пакта в качестве если не причины, то «фундамента для начала Второй мировой войны»²⁶⁶, как германский историк, доктор Я. Липински: *«Но не закончилась дискуссия по поводу того, повлиял ли прямо или косвенно и в какой мере протокол на развязывание Второй мировой войны, дискуссия об экспансионистской политике Сталина, относительно существующих сегодня государственных границ и их зависимости от протоколов. Историки также продолжают спорить о мотивах и ответственности подписавших его сторон»*²⁶⁷. Заочно оппонирует Х. Стродсу доцент Западного института в Познани, доктор исторических наук С. Жерко: *«Трудно, однако, согласиться с тезисом, будто только этот пакт позволил Гитлеру развязать войну. Разжечь вооруженный конфликт всеобщего масштаба германский диктатор был готов значительно раньше, когда мысль о соглашении с СССР еще казалось мало реальной»*²⁶⁸. Более определенно в этом от-

²⁶⁶ Липинский Я. Секретные протоколы Сталина и Гитлера – нескончаемая история с 1939 г. / Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории РАН, Латвийским университетом, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра. Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006. С. 28–29.

²⁶⁷ Там же. С. 43.

²⁶⁸ Жерко С. Внешняя политика Германии накануне Второй мировой войны / Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков: Научное издание / М. Волос, Я. Войтковяк, В.И. Дашичев и др. Под ред. М.М. Наринского и С. Дембского. М., 2009. С. 142–143.

ношении высказывается украинский историк права, кандидат исторических наук, доктор юридических наук Владимир Макарчук: «Эмоциональный (но не международно-правовой) характер имеют обвинения Советского Союза в том, что своими действиями он, начиная с августа 1939 г. (от пакта Риббентропа – Молотова), якобы прямо поощрял агрессора и поэтому несет ответственность за развязывание Второй мировой войны на равных основаниях с гитлеровской Германией»²⁶⁹. Он также отмечает, что «с правовой точки зрения, норм *de lege lata* – действовавшего в 1939 г. международного права, ввод советских войск на территорию Второй Речи Посполитой не может трактоваться как начало войны – и не был»²⁷⁰. О том, что советско-германские договоренности 1939 г., как это ни парадоксально, стали одной из предпосылок успешной борьбы с германским нацизмом, пишет литовский исследователь, кандидат философских наук М. Бугаковас: «Именно “пакт Молотова – Риббентропа” помог Советскому Союзу избежать губельной войны на два фронта (на Востоке и Западе), выиграть время и пространство для подготовки к будущим сражениям»²⁷¹.

В-третьих, один из истоков «оккупационной риторики» в адрес СССР действительно можно найти в документах нацистской пропаганды. Именно гитлеровское руководство обвиняло Москву в нарушении пакта Молотова – Риббентропа путем устранения в Латвии, Литве и Эстонии антикоммунистических диктаторских режимов и установле-

²⁶⁹ Макарчук В.С. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны: Историко-правовое исследование / Пер. с укр. Образец В.С. Фонд «Историческая память». М., 2010. С. 185.

²⁷⁰ Макарчук В.С. Державно-територіальний статус західноукраїнських земель у період Другої світової війни (1939–1945 рр.): історико-правове дослідження. Київ, 2007. С. 113–114.

²⁷¹ «Molotovo-Ribentropo paktas» XX amžiaus geopolitinių procesų kontekste. Tarptautinės konferencijos medžiaga. Vilnius, 2009 m. rugsėjis = «Пакт Молотова – Риббентропа» в контексте геополитических процессов XX века. Материалы международной конференции. Вильнюс, сентябрь 2009 г. Vilnius, 2010. P. 94.

ния советской власти. Так, в меморандуме МИД Германии, врученном советским представителям в Москве и Берлине 22 июня 1941 г. после развязывания войны, утверждалось: «*Оккупация и большевизация Советским Союзом предоставленных ему сфер интересов являются прямым нарушением московских соглашений, хотя имперское правительство в течение какого-то времени и смотрело на это сквозь пальцы*»²⁷².

Путем передегеривания фраз из рецензируемой книги, искаженного цитирования и приписывания автору нелепых утверждений собственного производства Х. Стродс пытается высмеять российского ученого и, по сути, уклониться от спокойной и содержательной дискуссии. Отчасти справедливо упрекая в использовании некоторых стереотипов советской историографии, он сам скатывается до крикливых штампов русофобского толка («в то время [середина XIX века] русские уже были имперским суперэтносом, так же, как и немцы в Германии при Гитлере») или навешивания ярлыков (Ю.Ф. Самарин, объективно способствовавший эмансипации латышей от средневековых оков немецкого гнета, выставлен как «ненавистник неславянских народов»).

Больше всего обращает на себя внимание обида рецензента на то, что Л.М. Воробьева покусилась на монопольное пространство официозных историков: «*У латышской нации есть право "sine irae et studio" решать, что же происходило и не происходило в Латвии*», «*Уже 20 лет латвийские ученые не стремятся писать ни российскую, ни германскую историю, не стараются поучать историков этих стран, как им следует писать историю своих стран*». При этом Х. Стродс пытается прикрыть столь уютный монополизм латышской историографии цитатой из выдающегося прусского историкографа Л. Ранке, который на самом деле достиг вершин в своих изысканиях, не ограничиваясь прусской проблематикой.

²⁷² Родина. 1991. № 5. С. 41.

Ну и совсем неприличной, выпадающей за рамки даже самой «горячей» научной дискуссии, выглядит «разоблачительная» тирада рецензента: «В 1920–1930-е гг. латвийский филиал ВКП(б) в Москве не только прямо призывал уничтожить в Латвии “буржуазный строй”, но и присылал для этого в страну сотни агентов. Однако в последнее десятилетие ту же самую работу ведут историки-пропагандисты неоимпериалистской России». На фоне этих огульных выпадов Х. Стродса в адрес российских историков как-то блекнут позитивные финальные фразы рецензии, призывающие к отказу от образцов врага и плодотворным совместным поискам истины.

В отличие от книги Л.М. Воробьевой, написанной в научно-популярной манере, прибалтийские авторы не спешат дискутировать с новой монографией М.И. Мельтюхова «Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря» (М., 2014), подготовленной на основе огромного массива архивных документов, впервые широко вводимых в научный оборот. И это притом что данное исследование посвящено самому важному для историографий стран Прибалтики сюжету, связанному с событиями начала Второй мировой войны.

В своей работе российский историк предпринял комплексное исследование военно-политических проблем данного периода, многие из которых впервые стали объектом исследования. Так, никогда ранее в мировой историографии на основе соответствующих документов не изучались проблемы ввода в Прибалтику советских гарнизонов, изменение их численности и обустройство в местах дислокации, проблема советско-прибалтийских переговоров о поставках вооружений для армий Эстонии, Латвии и Литвы. Впервые на основе соответствующих документов анализируется советское военное планирование в отношении Прибалтики, сосредоточение войск Красной армии для проведения военной операции летом 1940 г., ход ввода дополнительных контингентов советских войск в страны Прибалтики. Цен-

ными источниками, впервые вводимыми в научный оборот, являются материалы, отражающие общественные настроения в Прибалтике летом 1940 г., что позволяет проследить не только их направленность, но и определенную динамику. Во всяком случае, теперь есть возможность предметно обсуждать вопрос о том, какие именно настроения преобладали в прибалтийских обществах в этот важный для их истории период. Автор тщательно рассмотрел вопрос об «оккупации» и «аннексии» Советским Союзом республик Прибалтики и подтвердил выводы тех исследователей, которые полностью отрицают адекватность подобных тезисов, построенных на полном игнорировании международно-правовых оснований и элементарной лжи. В целом вводимые в работе М.И. Мельтюхова в научный оборот документы позволяют дать более объемное и целостное описание советско-прибалтийских отношений в начале Второй мировой войны. Несмотря на более чем значительный повод, латвийские официальные историки пока «отделались» несколькими комментариями в газетах. Так, заместитель директора по науке Военного музея Латвии Юрис Цыгановс посетовал на то, что М.И. Мельтюхов отказывается следовать в фарватере «оккупационной риторики» в адрес Москвы, и выразил готовность признать ценность его книги для прибалтов лишь в том, что в ней «детально описаны дислокация подразделений Красной армии и подготовка к военной операции по занятию стран Балтии»²⁷³.

* * *

Преодолению узкого национально-цехового монополизма латышских историков, без которого невозможно не только разностороннее изучение истории Латвии и Балтии, но и полноценное включение местных русских ученых в академическую среду Латвии, препятствуют как негласные уста-

²⁷³ Ciganovs J. Krievijā iznākusi kārtējā grāmata par Baltijas «brīvprātīgo» pievienošanu // Latvijas Avīze, 3 июля 2014 г.

новки государственной кадровой политики, так и вполне громогласные «оккупационно-легионерские» декларации, отталкивающие своей избыточностью, неумеренностью и неприкрытой оскорбительностью уважающих себя русских историков. Зацикленность официальной историографии на жалобной негативистской риторике, непрекращающиеся «геноцидарные» спекуляции по болезненным вопросам истории Латвии советского периода и преимущественное обслуживание «титовыми» историками электоральных интересов правонационалистических партий также не способствуют привлечению русских «рекрутов» в историческую науку на профессиональной основе.

В этих условиях в вузовско-академической среде выживают, как правило, лишь реликтовые специалисты, сохранившиеся в далеких от острых проблем XX века исследовательских нишах (например, профессор Латвийского университета Александр Гаврилин²⁷⁴, специалист по церковной истории, прежде всего – православной и старообрядческой), либо пошедшие на «компромиссы» в пропагандистских интересах официальной латвийской истории (например, профессор Александр Иванов²⁷⁵ из Даугавпилсского университета, которого пытались активно задействовать в латвийской части двусторонней комиссии историков с Россией), либо использующие исторический нарратив в смежных дис-

²⁷⁴ А. Гаврилин, д. и. н., – автор более 100 научных работ. См., например: *Гаврилин А.* Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига: Филокалия, 1999; *Гаврилин А.* Люцинское (Лудзенское) благочиние Полоцко-Витебской епархии во второй половине XIX – начале XX века. Рига: Филокалия, 2004; *Гаврилин А.* Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб.: Алаборг; Тихвин: Издательская служба Тихвинского монастыря. 2009; *Гаврилин А.* Латвийские православные священнослужители на Американском континенте. М.: Общество любителей церковной истории, 2012.

²⁷⁵ См., например: *Ivanovs A.* Latvijas vēsture 20. gadsimta 60. gados – 80. gadu vidū: izpētes gaita un rezultāti (historiogrāfisks apskats) // *Baltijas reģiona vēsture 20. gadsimta 40. – 80. gados.* (Latvijas Vēsturnieku komisijas 2007. gada pētījumi un starptautiskās konferences «Baltija Otrajā pasaules karā (1939–1945)» materiāli, 2007. gada 6. – 7. novembris, Rīga). Rīga, 2009. 188. – 241. lpp.

циплинах (например, этносоциолог Владислав Волков, занимающийся социологическими и историческими исследованиями «политической и культурной идентичности русского этнического меньшинства в Латвии»²⁷⁶). При этом собственно в средоточии академической науки – Институте истории Латвии Латвийского университета нет ни одного штатного работника русского происхождения.

В научно-преподавательском корпусе русские историки встречаются (как правило, за пределами «главного» историко-философского факультета Латвийского университета), однако если они как-то «покушаются» в своих исследованиях на «тотемные» темы, то могут сталкиваться, мягко говоря, со сложностями (например, доктор истории из Даугавпилсского университета Татьяна Кузнецова, автор монографии «Латышский крестьянский союз (1917–1934) – знакомый незнакомец»²⁷⁷; успешный исследователь мемориально-коммуникативного пространства Латвии, профессор Университета им. Страдыня Сергей Крук, подвергшийся в мае 2010 г. преследованию со стороны Полиции безопасности Латвии за высказывания о современной специфике «защиты» латышского языка и культуры, или докторант Латвийского университета (ныне доктор) Ольга Процевская, столкнувшаяся с проблемами после публичного высказывания своих позиций, отличных от латышского националистического мейнстрима).

В так называемой «неакадемической» сфере русские историки Латвии доказали свою способность проводить научно-исследовательскую и просветительскую работу, презентовать читателю и зрителю значимые результаты своей работы (сборники документов и статей, научно-популярные издания,

²⁷⁶ См.: *Volkovs V. Krievi Latvijā*. Rīga, 1996; *Apine I., Volkovs V. Latvijas krievu identitāte: vēsturisks un socioloģisks apcerējums*. Rīga: Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts, 2007.

²⁷⁷ *Кузнецова Т. Латышский крестьянский союз (1917–1934) – знакомый незнакомец*, Даугавпилс, 2003.

журналы и документальные фильмы). Так, очень успешным проектом, на мой взгляд, является ежеквартальный выпуск Балтийского военно-исторического журнала «Baltfort» (главный редактор Юрий Мелконов), дискуссионно-просветительским – издание многие годы Балтийского культурно-публицистического вестника «Кли» (главный редактор Игорь Гусев, режиссер документальных фильмов и краеведческих телепрограмм, автор и редактор-составитель многих книг по истории Риги и латвийских русских). Можно выделить публикации историка-любителя и коллекционера старинных открыток Ильи Дименштейна²⁷⁸, историка Олега Пухляка (из новых изданий этого автора – брошюра «Действия русского и английского флотов под Ригой в 1812 г.»²⁷⁹), кандидата исторических наук, общественного деятеля Виктора Гущина (автор публикаций по историческим истокам современного политико-правового положения русского населения Латвии, истории Елгавы, новейшей истории Латвии)²⁸⁰, кандидата исторических наук, журналиста Александра Гурина (например, цикл статей в периодических изданиях и научных сборниках по истории рижского градостроительства в XVIII–XIX веках). Отмечается и склонность русских историков к некоторой самоорганизации, созданию общественных структур «по интересам» (можно отметить Рижское краеведческое общество «Riga CV»).

Наиболее масштабные историко-культурные изыскания русских «неакадемических» исследователей проводятся при поддержке российских государственных, общественных и частных благотворителей. Так, проект Института европейских исследований (президент – доктор экономики Александр Гапоненко) «Памятники русской культуры в странах

²⁷⁸ См., например: Дименштейн И. Русская Рига: исторические очерки. Рига, 2002.

²⁷⁹ Пухляк О. Действия русского и английского флотов под Ригой в 1812 году. Рига, 2012.

²⁸⁰ См., например: Гущин В. Постсоветская Латвия (1988–2013). Обманутая страна... Рига, 2013.

Балтии», поддержанный фондом «Русский мир» и Правительством Москвы, позволил собрать, описать и кодифицировать наследие предков²⁸¹, а также издать сборник статей и тезисов по итогам международной конференции «Материальные памятники русской культуры в странах Балтии 1710–2010»²⁸². При поддержке фонда «Историческая память» в 2011 г. в Риге было подготовлено и выпущено в свет издание «Приговоренные нацизмом. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941–1945 гг.» (составитель Влад Богов), на страницах которого впервые введены в научный оборот важные текстовые и фотоматериалы.

При этом латвийские власти к исследовательской, публикаторской и просветительской деятельности «неправильных» русских историков относятся враждебно, тогда как академические официальные историки – еще и с нескрываемым цеховым снобизмом. В этой связи имеются значительные резервы для интеграции русских и русскоязычных «неакадемических» историков в академическую и научно-преподавательскую среду России, расширения целевой аудитории за счет доступа к издательским ресурсам Москвы и Санкт-Петербурга. Думается, что показное радушие московских и петербургских академических ученых к латвийским коллегам из числа официальных историков, принятое ранее в рамках двусторонней комиссии, как и прочий «политес», не должно этому помешать.

²⁸¹ Вышел в свет фундаментальный сборник статей: «Прибалтийские русские: история в памятниках культуры (1710–2010)». Рига, 2010.

²⁸² Материальные памятники русской культуры в странах Балтии 1710–2010. Рига, 2010.

II. ГРАНИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Латышский легион СС в историко-политических оценках и попытках глорификации

Деятельность латышских легионеров СС и иных пособников нацистов в годы Второй мировой войны нередко подается в постсоветской Латвии в оправдательных и восхваляющих тонах, причем не только в националистических СМИ, но даже на высоком и высшем уровнях власти. Так, 28 февраля 2012 г. президент Латвии Андрис Берзиньш в интервью телеканалу LNT огульно и безапелляционно заявил: *«Жители Латвии, которые во время Второй мировой войны попали в ряды армии фашистской Германии, не являются преступниками. Считать их [латышских легионеров СС] преступниками – это за гранью разумного»; «Зачем отрицать то, что люди так много жизней потеряли, вложив себя с мыслью о будущем Латвии? Я не вижу причин для отрицания».*

В ответ на открытое письмо представителя международной организации «Мир без нацизма» в Латвии Иосифа Корена, возмущившегося этими словами, советник президента по вопросам прессы Лига Крапане привела специфический набор аргументов, которыми располагает глава государства. Приведем основные из них в обширной цитате, охватывающей большую часть документа: *«Хотим обратить Ваше*

внимание, что Президент свое мнение о латышских легионерах основывает на исторических фактах, свидетельствующих, что легион образован по приказу нацистских оккупационных властей в 1943 году. По сути, он никогда не был добровольческим и никогда немецкими оккупационными властями не рассматривался как гвардейские части СС. Многие историки (например, канадский историк Х. Отто, Карлис Кангерис, Мирдза Кате Балтайс, А. Эзергайлис, Инесис Фелдманис и др.), работавшие над этим вопросом, считают, что связь латышского легиона с СС была лишь формальной. Это был указ нацистской оккупационной власти включить латышский легион в Ваффен-СС. Также это признали и в США в 1950 году. Уместно было бы напомнить, что во время работы Нюрнбергского трибунала, коалиция доверила бывшим латышским легионерам охрану главных нацистских военных преступников. Ни один офицер или солдат латышского легиона никогда не был членом нацистской партии.

Как основанием этих утверждений Президент руководствуется коллективным исследованием авторов «Воюющие стороны» (2011), в котором на 94-й стр. находится следующая информация: «В результате деятельности представителей латвийских беженцев, Красного Креста, и дипломатов Латвийской Республики Администрация помощи и реабилитации Объединенных Наций (UNRRA – United Nations Relief in Rehabilitation Administration) и военные и гражданские учреждения США постепенно признали, что латышские легионеры фактически не относятся к организации СС, военным преступникам, коллаборантам и т. п. Комиссия по перемещенным лицам США (DP – Dispalced Person) окончательно заключила: ‘Балтийские объединения СС (Балтийские легионы) по своим целям, идеологии, действиям и составу в квалификационном смысле считаются отдельными (изолированными) и отличными от немецких соединений СС, поэтому комиссия не считает их движением, враждебным правительству США’».

Латышский легион в годы Второй мировой войны как фронтовое формирование не участвовал в карательных экспедициях против мирного населения и не совершал преступлений против человечества. Легион был сформирован как боевая единица и в основном сражался на Восточном фронте.

Также хотим заметить, что Президент в своем сообщении не оправдывает людей, которые во время немецкой оккупации были замешаны в преступлениях нацистского режима. Для таких преступлений против человечества нет срока давности. Одновременно следует заметить, что многократно упоминаемая карательная “команда Арайса” времен нацистской оккупации была сформирована в 1941 году, когда вооруженные силы Германии напали на Латвию, и она действительно совершила тяжкие преступления против мирного населения, в том числе была замешана и в преступлениях холокоста. В свою очередь, латышский легион был сформирован в 1943 году. Команду Арайса в период окончания Второй мировой войны в 1944 году включили в легион. Но это никоим образом не свидетельствует о том, что легион несет ответственность за совершенные ей преступления. В связи с этим ставить знак равенства между этой карательной командой и всем латышским легионом по меньшей мере некорректно.

В конце концов, это было решение немецких оккупационных властей включить команду Арайса в состав легиона. Как свидетельствуют исследования историков, солдаты латышского легиона это восприняли со смешанными чувствами. Совершенно необоснованно в наше время проводить параллель между латышским легионом и преступлениями, совершенными сформированной в нацистское время карательной командой Арайса.

Вторая мировая война закончилась 67 лет назад. Военные преступники нацистского режима осуждены. Ажиотаж, поднятый сейчас вокруг латышского легиона, расценивается как целенаправленная кампания по очернению и унижению

Латвийского государства, у которой нет никакой реальной связи с объективной оценкой и пониманием истории...»²⁸³

В свою очередь, латвийская дипломатия насколько лет назад размещала на сайте латвийского внешнеполитического ведомства отдельные фрагменты документов Международного военного трибунала в Нюрнберге, пытаясь таким образом задним числом вывести Латышский легион СС из-под определения Трибуналом «преступной группы», «*состоящей из тех лиц, которые были официально приняты в СС*». Сделано это было со ссылкой на ту часть приговора Трибунала, в которой говорится об исключении из понятия «преступной группы» «*тех лиц, которые были призваны в данную организацию государственными органами, причем таким образом, что они не имели права выбора, а также тех лиц, которые не совершали подобных преступлений*».

Попытки латвийских властей и официальных историков вывести из-под действия приговора Международного военного трибунала 1946 г. Латышский легион СС как целостную преступную группу, не имея под собой достаточных исторических и юридических оснований, уже имеют свою историю. Историю, в которой объяснения действий и оправдания легионеров СС перемежаются с откровенной их глорификацией и отрицанием соучастия вообще в каких-либо преступлениях. Оправдательная активность латвийской дипломатии является составной частью политики глорификации легиона СС, квинтэссенция которой выражена в до сих пор имеющей силу для латвийских чиновников и официозных историков «Декларации Сейма Латвии о латышских легионерах во Второй мировой войне» от 29 октября 1998 г. В данном документе содержатся следующие утверждения: «*Целью призванных и добровольно вступивших в легион воинов была*

²⁸³ Письмо советника Президента Латвии А. Берзиньша по вопросам прессы Л. Крапане представителю «Мира без нацизма» И. Корену № 118-ер от 20 марта 2012 г. (перевод с латышского языка; копия имеется у автора).

защита Латвии от восстановления сталинского режима. Они никогда не участвовали в гитлеровских карательных акциях против мирного населения»²⁸⁴.

Следует отметить, что эта старая парламентская декларация не «сдана в архив». Об этом, а также о тактике оправдательной активности в марте 2012 г. высказался член Комиссии историков при Президенте Латвии Карлис Кангерис. На вопрос интервьюера, не поменялось ли официальное отношение латвийских властей к легионерам, он ответил так: «Никакого особого изменения я не вижу. Нам нужно помнить, что Сейм в 1998 г. принял декларацию о латышских легионерах. Она действительно была нацелена защитить легионеров от нападков в нашей и еще больше в зарубежной прессе, где они назывались нациками, убийцами и военными преступниками. Считать латышских легионеров нацистами неверно: ни один латыш не был членом национал-социалистической партии, и в гимлеровский орден СС могли принимать только граждан Германии. Если уж латышей призвали в легион, то главное управление СС это понимало так, что данные легионеры предназначены для “специального использования во время войны” – как только война кончится, так структуры латышских легионеров и распустят»²⁸⁵.

В этой связи представляется важным высказать некоторые фактические и концептуальные замечания, которые проливают свет на попытки искажения исторической действительности, возведенные официальной Ригой в ранг государственной политики.

* * *

«Ажиотаж», на который ссылаются в вышеуказанном ответе из Канцелярии Президента Латвии, возникает ежегодно накануне 16 марта, отмечаемого в Латвии как памятный

²⁸⁴ Latvijas Vēstnesis, 10 ноября 1998 г., №. 336 (1397).

²⁸⁵ NRA, 15 марта 2012 г.

день ветеранами войск СС и их почитателями из неонацистских кругов, когда официальная Рига традиционно заявляет о «невиновности» латышских легионеров СС и «очернении» их образа (и Латвии в целом) со стороны антифашистов и неподконтрольных СМИ.

Официальная оценка в Латвии истории Латышского легиона СС, выраженная Сеймом в 1998 г. в Декларации «О латышских легионерах во времена Второй мировой войны», значительно облегчает усилия национал-радикалов по превращению латышских эсэсовцев не только в «жертв истории», но и в «национальных героев», настаивая на однозначной юридической трактовке их положения в современной Латвии как почетной когорты «борцов с советским режимом за независимость страны». Вместе с тем следует отметить, что статус «национальных воинов», принимавших гитлеровскую присягу, на законодательном уровне в Латвии установлен с определенной осторожностью, без какого-либо упоминания в нормативно-правовой базе о войсках СС. Таким образом, воевавшие в рядах Латышского легиона, полиции и военизированных «отрядах самообороны» формально привилегий за свою службу нацистам не имеют, но пользуются льготами как «участники национального сопротивления» и «политрепрессированные». Практически поголовное причисление к данным категориям легионеров, не успевших в 1945 г. бежать на Запад, связано с тем, что многие из них получили заслуженное наказание за военные преступления и участие в бандформированиях «лесных братьев», а остальные, как правило, прошли через фильтрационные (проверочные) лагеря после добровольной или вынужденной сдачи в плен.

В соответствии с законом «Об определении статуса политически репрессированного лица для пострадавших от коммунистического и нацистского режимов» от 26 апреля 1995 г. на этот статус могли претендовать лишь граждане Латвии, Литвы и Эстонии, а также лица, постоянно проживавшие

в них до 17 июня 1940 г., что в противовес утратившему силу закону Верховного Совета ЛР от 13 мая 1992 г. автоматически исключало из этого круга лиц латвийских «неграждан» – выходцев из других республик бывшего СССР, даже если они были жертвами нацизма.

В 1996 г. был принят закон «О статусе участника движения национального сопротивления». К их числу отнесены те, кто в период с 17 июня 1940 г. по 31 декабря 1960 г. «участвовали в вооруженном сопротивлении оккупационному режиму, его администрации и пропагандировали идею восстановления независимости Латвии». Следует отметить, что данная норма применима практически к любому латышскому легионеру СС, способному подтвердить свидетельскими показаниями использование «патриотической риторики» на службе немецким оккупантам и тем более не сложившему оружия после капитуляции гитлеровской Германии.

Владельцам удостоверения политрепрессированного (участника «движения национального сопротивления») было предоставлено право:

- на льготы по подоходному налогу (постановление правительства Латвии № 138 от 8 апреля 1997 г.) и 50%-ную скидку в уплате налога на недвижимую собственность за землю и индивидуальную жилую застройку, если они не используются в хозяйственной деятельности (ч. 2 ст. 5 закона «О налоге на недвижимую собственность» от 4 июня 1997 г.);
- на повышенные пенсии с зачетом времени, проведенного в местах заключения и ссылки, в трехкратном размере, а на Крайнем Севере и в приравненных к нему районах – в пятикратном размере (закон Латвии «О государственных пенсиях» от 2 ноября 1995 г.);
- на получение в дополнение к компенсационным сертификатам за конфискованное имущество большего числа приватизационных сертификатов из расчета по два – за год, проведенный в заключении и ссылке, по че-

- тыре – за год на Крайнем Севере и в приравненных к нему районах и по одному – за год, прожитый вне Латвии (ст. 7 закона «О приватизационных сертификатах» от 4 ноября 1992 г.);
- на погашение приватизационных сертификатов деньгами по номинальной стоимости (ч. 5 ст. 9 закона «О приватизационных сертификатах» от 16 марта 1995 г.);
 - бесплатно пользоваться электропоездами и приобретать билеты с 50%-ной скидкой на проезд междугородними автобусами, дизельными и пассажирскими поездами внутри страны (ст. VI «Правил о льготах на проезд в общественном транспорте» № 370 от 2 ноября 1999 г.);
 - бесплатно получать медикаменты (постановление правительства Латвии № 290 от 24 июля 1992 г.);
 - на освобождение от уплаты «взноса пациента» при лечении (п. 27.7 «Правил финансирования здравоохранения» правительства Латвии от 12 января 1999 г.).

С апреля 2005 г. по инициативе действовавшего тогда министра обороны Латвии Эйнара Репше Сеймом принято решение о ежемесячной выплате бывшим легионерам СС и «национальным партизанам» доплаты к пенсии в размере 50 латов (около 95 долларов США) из средств бюджета военного ведомства.

Кроме того, ряд дополнительных льгот репрессированным лицам и участникам «национального сопротивления» можно было предоставлять на муниципальном уровне. Так, Рижская дума постановлением № 7573 от 21 июня 1999 г. предоставила им право получать пособие для внесения платежей за услуги водоснабжения и канализации в размере 50 % от их стоимости, в правилах от 17 февраля 1998 г. закрепила возможность освобождения от части налога на недвижимость, а в правилах от 7 мая 2002 г. – право малообеспеченных репрессированных зарегистрироваться для получения помощи самоуправления в решении жилищного вопроса.

В сфере социальной поддержки бывших легионеров латвийское руководство осуществляло тесное взаимодействие с германской стороной. Еще в 1997 г. было заключено соглашение между Равенсбургским учреждением социального обеспечения и Министерством благосостояния Латвии, в соответствии с которым денежные выплаты предусмотрены для бывших военнослужащих вермахта и войск СС, здоровью которых был причинен ущерб во время боевых действий и в плену, а также их вдов и детей-инвалидов. Роль посредника с латвийской стороны в осуществлении данного соглашения исполняет Государственный фонд социального страхования, обеспечивавший за счет немецких средств прием документов, их перевод и отправку в Германию, а также организацию медицинского обследования заявителей в спорных ситуациях.

Создание комфортных условий для легионеров, рассчитывавших на германскую пенсию, значительно увеличило число успешных обращений. Так, если с 1991 по 1997 г. ветеранам войск СС удалось оформить около 400 пенсий, то с 1998 г. – более 2 тыс.

В Латвии с 1990-х гг. существовало по меньшей мере три организации ветеранов войск СС, последовательно защищавших их интересы в политической и социально-экономической сферах, сохраняя при этом свою специфику. Так, латвийские «Ястребы Даугавы», опираясь на финансовую поддержку разветвленной сети эмигрантских отделений, сосредоточили внимание прежде всего на обеспечении юридической и социальной защиты бывших эсэсовцев, а также на издании мемуаров и «исторических исследований», открыто прославляющих «героизм» легионеров. Наиболее заметной фигурой в лагере «ястребов» является Висвалдис Лацис – бывший командир ударного взвода Латышского легиона СС, председатель «Движения за национальную независимость Латвии» в 1991–1992 гг., автор пяти книг из цикла «Вторая мировая война», провокационной брошюры «Опять

под русским сапогом?» и более 300 публикаций в СМИ, получивший из рук президента Латвии Гунтиса Улманиса высшую государственную награду – орден Трех Звезд. Латвийское общество национальных воинов (ЛОНВ) и Латышское объединение национальных партизан (ЛОНП) во главу угла ставят публичные акции по установке мемориалов легионерам и празднованию «тематических» дат, а также работу с военными и молодежью при поддержке со стороны националистических депутатов Сейма.

Следует отметить, что заслуги лидеров и активистов ЛОНВ и ЛОНП в «военно-патриотической» работе с молодежью периодически отмечались почетными грамотами Министерства обороны и Земессардзе (ополчение). Так, в 2004 г. на похоронах председателя ЛОНВ легионера СС Николая Романовскиса, многолетнего организатора эсэсовских шествий, был возложен венок от президента Вайры Вике-Фрейберги, а также опубликован в газете «Диена» некролог, в котором от имени МИД Латвии выражена уверенность в том, что усопший легионер – «образец для подражания» и «пример» для латышской молодежи.

Пик активности в деятельности латышских легионеров пришелся на середину 1990-х гг. Так, в 1995 г. состоялось торжественное открытие памятника «Защитникам Елгавы в 1944 г.» и перезахоронение на почетном месте у скульптуры «Матери-Латвии» на Братском кладбище в Риге привезенных из Германии останков группенфюрера СС Рудольфа Бангерскиса.

Наибольший размах и общественный резонанс приобрели ежегодные шествия ветеранов войск СС 16 марта в Риге. В 1998 г. публичные торжества легионеров получили официальную поддержку: Сейм Латвии принял поправки к закону «О праздничных и памятных днях» и определил 16 марта – день первой совместной операции двух латышских дивизий СС против советских войск в 1944 г. – как «День памяти латышских воинов». Следует отметить, что в числе депутатов,

поддержавших это решение, был и будущий министр иностранных дел Индулис Берзиньш (1999–2002). Лишь после международного давления «военный праздник» был перенесен на другой день – 11 ноября.

Кульминацией единения власти и легионеров стали события 16 марта 1998 г. В Риге после богослужения в Домском соборе состоялось торжественное шествие и возложение венков к памятнику Свободы. Во главе колонны ветеранов войск СС и их сторонников, в которой присутствовали старики в эсэсовской форме, находились представители руководства одной из партий правящей коалиции – «Отечеству и Свободе», в том числе заместитель председателя Сейма Айгар Йиргенс и председатель парламентской фракции этой партии Янис Страуме (затем – председатель Сейма 7-го созыва). В парадной форме приняли участие в мероприятиях также командующий Национальными вооруженными силами Латвии (НВС) Юрис Далбиньш и командующий морскими силами Гайдис Зейботс. В результате жесткой реакции влиятельных западных СМИ и международного давления на Латвию по дипломатическим каналам, а с российской стороны – и в торгово-экономической сфере, правонационалистическое руководство страны скорректировало свою позицию, отказавшись от видимого государственного участия в чествовании легионеров 16 марта. Иллюстрацией возвращения правящей коалиции к принципам «европейской политкорректности» стал символический жест увольнения с занимаемой должности Юриса Далбиньша.

Опасения руководства страны относительно негативных международных последствий новых проявлений активности легионеров привели в 1999 г. к тактике «тотального отсутствия», в соответствии с которой практически все высшие официальные лица и ведущие политики «случайно» оказались в заграничных командировках. Тем не менее присутствие во время возложения бывшими легионерами цветов к памятнику Свободы ряда депутатов Сейма от «ОС»/ДННЛ (Ю. Добелис, О. Григс, П. Табунс, А. Сейле, П. Лаце, А. Пожар-

новс) и лиц в форме земессаргов (ополченцев) вызвало новую волну критики за рубежом, охарактеризовавшей «мартовские события» в Латвии как возрождение фашизма.

Несмотря на утрату официального статуса, торжественные мероприятия латышских легионеров СС 16 марта 2000 г. вновь были проведены в центре Риги, при этом антифашистский пикет муниципальными властями был запрещен. По плану организаторов из ЛООНВ, стремившихся восполнить отсутствие официальных лиц «величием ритуалов», сбор участников шествия был запланирован на Домской площади и открывался освящением боевых знамен легионеров в Домском соборе. Следует отметить, что в этот день активисты молодежного отделения «ОС»/ДННЛ распространяли у памятника Свободе листовки в поддержку членов террористической группы «Перконкрустс», арестованных за взрыв у Монумена воинам Советской армии – освободителям Риги и Латвии.

Министр иностранных дел Индулис Берзиньш, подчеркивая негосударственный характер мероприятий легионеров 16 марта 2000 г., заявил о том, что нет никаких оснований обвинять правительство и парламент Латвии в апологии нацизма. Разоблачающим диссонансом с заявлениями главы внешнеполитического ведомства стали слова почетного консула Латвии в Чикаго Норберта Клауценса: *«Совершенно непонятно, как можно считать легионеров кем-то иным, как не величайшими героями нашего народа. Каждая выпущенная легионером пуля, нашедшая свою цель, уменьшала возможность повторения трагической ночи 14 июня 1941 г. и повышала вероятность восстановления свободы и независимости нашей страны»*. Кроме того, косвенное участие в торжествах ветеранов СС приняло военное ведомство, позволив своему печатному органу «Тевияс саргс» стать спонсором концерта мужского хора «Волки», исполнявшего боевые песни легионеров, и допустив легальную продажу аудиокассет с записями аналогичных песен ополченцев 51-го Добельского батальона Земессардзе.

По инициативе ЛОНВ и ЛОНП в Лестене (Тукумский район) на средства госбюджета сооружен и в ноябре 2000 г. торжественно открыт мемориальный комплекс, посвященный латышским легионерам.

Из-за опасений негативного влияния мартовских шествий легионеров на деятельность правительства по продвижению Латвии в НАТО и ЕС, отчетливо обозначившего еще в 2001 г., правящее большинство в последующие годы предприняло беспрецедентные усилия по нейтрализации публичной активности легионеров, добившись в ходе многочисленных консультаций с руководством их организаций отказа ветеранов войск СС от проведения организованных торжеств. В результате 16 марта 2005 г. в Риге состоялось лишь богослужение в Домском соборе и торжественное возложение цветов к памятнику Свободе в индивидуальном порядке, но в присутствии нескольких десятков активистов ультрарадикальных организаций. Тем не менее настойчивость ветеранов СС и их приверженцев в желании отметить этот день у главного памятника страны вызвало острую реакцию у антифашистов, попытавшихся не пропустить их к подножию монумента.

В «мартовских событиях» последних лет отчетливо прослеживается тенденция к сохранению правонационалистическими силами Латвии практики чествования бывших легионеров лишь в тех формах, которые не привлекали бы яркими картинками в телеэфире особого внимания международного сообщества и России.

* * *

Латышские эмигрантские мемуаристы и современные официальные историки в своих трудах неизменно подчеркивают, что латышские легионеры СС воевали исключительно против большевизма на передовой линии фронта и не имеют никакого отношения к нацистам, их преступлениям, к зверствам в тылу и прифронтовой зоне. Так, нынешний глава

Комиссии историков при президенте Латвии Инесис Фелдманис еще в 2003 г. допускал следующие утверждения: *«Латышские солдаты не участвовали в репрессивных действиях, а только сражались на фронте. [...] Важным мотивом для сотрудничества с Германией, как для латышей, так и других народов Европы, было “участие в крестовом походе в войне против большевизма”.* Однако, в отличие, скажем, от *“германских добровольцев”, латышские легионеры не боролись за идеи национал-социализма и предлагаемую немцами “Новую Европу”. Они не были “политическими солдатами” фюрера. Для них совершенно чуждой являлась убежденность, что национал-социализм является идеологией будущего. Латышских легионеров не связывали ни идеологические, ни военные цели Германии. Германия им была нужна как союзник, чтобы можно было бороться против СССР, против большевизма»*²⁸⁶.

При этом в оценках Латышского легиона СС как феномена Второй мировой войны местная историография старается не акцентировать внимание на том, что немецкое командование, согласно распоряжению рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера от 26 мая 1943 г., относило к нему и все полицейские батальоны, участвовавшие в карательных акциях на территории Белоруссии, России, Украины, Литвы и Польши, постепенно включая их в состав 15-й и 19-й дивизий войск СС²⁸⁷. При этом тот же И. Фелдманис давал такую установку: *«Значимой задачей историков Латвии является исследование истории Латышского добровольческого легиона СС, или просто – Латышского легиона, и одновременно опровергнуть довольно широко распространенную дезинформацию об участии латышей в отрядах немецкой армии во время нацистской оккупации. Нет никакого основания для утверждения*

²⁸⁶ Реферат И. Фелдманиса, зачитанный по случаю презентации 7-го сборника статей Комиссии историков при Президенте Латвии, 14 января 2003 г.

²⁸⁷ Однако упоминание об этом содержится в книге: Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Странга А., Фелдманис И. История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 271.

о прямой связи между Латышским легионом, который начали создавать в начале 1943 г., и более ранними военными или полувоенными отрядами в совершенных военных преступлениях. Создаваемая для Латвии неблагоприятной пропагандой связка: самозащита – полицейские батальоны – легион – приписывает вину по принадлежности и не соответствует фактам»²⁸⁸.

Пожалуй, единственным официальным историком в Латвии, публично и более детально обсуждавшим проблему толкования статуса «латышские легионеры», остается исследователь из Института истории Латвии Латвийского Университета К. Кангерис: «На одной из комиссий Сейма был разговор об этих вопросах. И я подчеркнул, что, когда речь идет о легионерах, не всегда ясно выделяется, что же мы понимаем под определением “латышские легионеры”. Итак, что собой представлял Латышский легион? Если рассматривать исторические документы, то открываются разные правды. Например, Гиммлер, отвечавший за структуры полиции и СС, Латышский легион определял как две сформированные латышские дивизии Ваффен-СС и все полицейские структуры. После этого разъяснения получается, что в него включались и полицейские батальоны. Другая дефиниция такова. Главное управление СС и кадровое управление СС, комплектовавшие эти легионы, определяли все то, как следовало формировать легион, и они к легиону относили только людей, находившихся в подразделениях Ваффен-СС. Еще существует дефиниция латышских полковников, участвовавших во Второй мировой войне. Например, Артурс Силгайлис писал, что под Латышским легионом нужно понимать всех тех латышей, которые во время Второй мировой войны воевали на немецкой стороне. Но у нас еще есть генерал-инспектор Латышского легиона Рудолфс Бангерскис, который писал отчеты о призванных латышах, служивших в немец-

²⁸⁸ Реферат И. Фелдманиса, 14 января 2003 г.

ких военных или военизированных подразделениях. Он свою статистику вел, руководствуясь определенной Гиммлером схемой: считал тех, кто в дивизиях Ваффен-СС, плюс полицейские батальоны. И еще была одна рубрика: латыши вне легиона. Поэтому если мы сегодня говорим о легионе, дело становится очень сложным. Когда в Латвии началось движение 16 марта – в 1989, 1990 годах, тогда призывы поучаствовать в демонстрациях в первую очередь подписывала организация “Даугавас ванаги”, которая понимала 16 марта как день памяти латышских легионеров, как день памяти павших легионеров, как напоминание о борьбе с большевизмом. Тем, кто 16 марта отправляется в шествия, самим должно быть ясно, что они этим хотят сказать: помянуть всех погибших солдат или только легионеров – но тогда начинается дифференцирование»²⁸⁹.

Ранее К. Кангерис пришел к выводу, что «полицейские батальоны для немецкого полицейского руководства были своего рода иностранным легионом, который можно использовать всюду и по любым надобностям»²⁹⁰. Такой вывод базируется в том числе и на отдельных трезвых самооценках, далеких от пропагандистских клише. Так, командир 1-го Рижского полицейского полка Р. Осис, отвечавший за формирование отрядов активно задействованной в холокосте латышской полиции, занимавший позднее командные посты в Латышском легионе СС, не скрывал, что «это были военные наемники, труд которых оплачивался»²⁹¹.

Ряды эсэсовских дивизий в 1944–1945 гг. пополнили и члены «команды Арайса» из латышских сил СД, печально известной массовым уничтожением евреев и сожжением белорусских деревень (в 1943 г. ее численность составляла

²⁸⁹ NRA, 15 марта 2012 г.

²⁹⁰ Kangeris K. Latviešu policijas bataljoni lielajās partizānu apkarošanas akcijās 1942. un 1943. gadā // Totalitārie okupācijas režīmi Latvijā 1940. – 1964. gadā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 13. sēj.). Rīga, 2004. 333. lpp.

²⁹¹ Там же. С. 266.

около 1200 карателей)²⁹², а сам Викторс Арайс командовал батальоном в 15-й дивизии войск СС²⁹³.

Сам факт формирования ядра Латышского легиона из полицейских батальонов, оставивших в 1942–1943 гг. кровавый след на оккупированной территории СССР, уже противоречит официальной латвийской доктрине «исключительно фронтового характера» Латышского легиона СС. Следует отметить, что обстоятельства создания легиона и кадровый состав его ядра в той или иной мере нашли отражение в латышской историографии. Отмечается, что 24 января 1943 г. рейхсфюрер СС Г. Гиммлер в ходе поездки на фронт на основании устного «разрешения и повеления» Гитлера приказал объединить воевавшие под Ленинградом 19-й и 21-й латышские полицейские батальоны в составе 2-й моторизованной бригады СС, присвоив им наименование «Латышский добровольческий легион СС». Письменный приказ Адольфа Гитлера последовал 10 февраля 1943 г.²⁹⁴ В апреле на основе шести полицейских батальонов была сформирована Латышская добровольческая бригада СС в составе 1-го (16-й, 19-й и 21-й «батальоны службы порядка» (*Schutzmannschaft*) [*«Kārtības dienesta»*]) и 2-го (18-й, 24-й и 26-й) полков²⁹⁵. Именно эта бригада впоследствии будет развернута в 19-ю добровольческую дивизию СС (приказ о формировании от 7 января 1944 г.). Одновременно был произведен набор добровольцев и проведена мобилизация для 15-й латышской добровольческой дивизии СС, три полка которой (3-й, 4-й и 5-й) были сформированы к середине июня 1943 г. Всего в латвийской историографии признается включение в состав двух дивизий войск СС как минимум 11 полицейских

²⁹² *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.* *Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945)*. Rīga, 2008. 346. lpp.

²⁹³ См.: Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. М., 2006. С. 311–328.

²⁹⁴ *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.* *Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945)*. 356. lpp.

²⁹⁵ *Silgailis A.* *Latviešu leģions*. Rīga, 2006. 47. lpp.

батальонов²⁹⁶ (тогда как реально в латышские СС – «депо» по-падал персонал из куда большего числа переформированных в полки, распавшихся или разбитых полицейских батальонов, коих насчитывалось 42 латышских и 7 латгальских – в последние набирались в основном местные русские, считавшиеся недостаточно надежными).

Важным фактором формирования Латышского легиона СС был добровольный характер комплектования офицерского и инструкторского (унтер-офицерского) состава. Оберфюрер СС, начальник штаба генерал-инспектора Латышского легиона СС Артурс Силгайлс в своих мемуарах отмечал, что офицеры и инструкторы бывшей латвийской армии приглашались на службу в индивидуальном порядке и могли отклонить это предложение, однако в таком случае рисковали отправиться на «трудовой фронт»²⁹⁷. Абсолютное большинство офицеров и инструкторов или сразу предлагали свои услуги нацистским оккупантам в 1941–1942 гг., или не отказывались от приглашения в условиях 1943–1944 гг. Если общую долю «чистых» добровольцев в составе двух латышских дивизий войск СС латвийские историки оценивают в 15–20 % из около 52 тыс. личного состава²⁹⁸, то процент добровольцев-офицеров и инструкторов, составлявших костяк легиона, мог достигать, по нашим оценкам, 90 % и 60 % соответственно.

Все латышские легионеры СС лично давали присягу на верность германскому фюреру: *«Именем Бога торжественно обещаю в борьбе против большевизма беспрекословное послушание главнокомандующему немецких вооруженных сил Адольфу Гитлеру, и как смелый воин буду всегда готов отдать свою жизнь за эту клятву»*²⁹⁹. Характерно, что неко-

²⁹⁶ Бутлис И., Зунда А. История Латвии. Рига, 2010. С. 163.

²⁹⁷ Silgailis A. Latviešu leģions. 265. lpp.

²⁹⁸ Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945). 354., 359. lpp.

²⁹⁹ Bangerskis R. Mana mūža atmiņas, 3.grām., Kopenhāgena: Imanta, 1959. 107. lpp.

торые современные латышские авторы даже в самом тексте присяги пытаются найти повод для снятия моральной ответственности с тех, кто ее давал. Например, учитель Валдемарпилсской средней школы, автор учебников по истории, выдержанных в духе националистического мифотворчества, доктор педагогических наук Индулис Кениньш полагает, что «если не клясться, а только давать торжественное обещание, пусть и именем Бога, то данный акт все же имеет меньший моральный вес»³⁰⁰.

Следует отметить, что тенденцию к «рафинированию» истории Латышского легиона СС, его глорификации путем выставления в качестве «национально-освободительного» соединения, преувеличения боевой доблести легионеров, замалчивания преступлений и массового дезертирства, отмечавшегося в 1944–1945 гг., задали бежавшие на Запад бывшие высокопоставленные легионеры (Рудолфс Бангертис³⁰¹, Артурс Силгайлс³⁰² и др.). В латышской эмиграции была предпринята попытка оправдаться перед современниками и потомками, описав также и будни карателей из полицейских батальонов в 1942–1944 гг. исключительно как борьбу с «вооруженными бандитами» (партизанами) и назвав судебный процесс 1961 г. против девяти членов 18-го полицейского батальона, повинных, в частности, в уничтожении узников Слонимского гетто, «дикарским актом русских коммунистических империалистов»³⁰³.

И сегодня тон в латышском информационном пространстве задают лица, в политико-идеологическом, а то и в личном плане заинтересованные в восхвалении нацист-

³⁰⁰ *Kēniņš I.* Kam un ko zvērēja latviešu leģionāri? // *Diena*, 21.4.2006.

³⁰¹ *Bangerskis R.* Mana mūža atmiņas. 1. – 4. sēj. Kopenhāgena: Imanta, 1958, 1959.

³⁰² *Silgailis A.* Latviešu leģions: Dibināšana, formēšana un kauju gaitas Otrā pasaules karā. Ar 296 attēliem un 30 schēmām. Kopenhāgena: Imanta, 1962.

³⁰³ *Latviešu karavīrs Otrā pasaules kara laikā: Dokumentu un atmiņu krājums. II: Pirmās latviešu aizsardzības vienības Otrā pasaules karā / Red. O. Freivalds, O. Caunītis. Västerås, 1972.*

ских пособников. Среди них выделяется бывший командир ударного взвода 19-й дивизии войск СС, автор русофобских брошюр, бывший депутат Сейма от неонацистского объединения «Все для Латвии!» Висвалдис Лацис, ставший в 2014 г. почетным доктором Латвийского университета по истории. В 2007 г. он с претензией на воспитание молодого поколения представил книгу «Латышский легион в свете истины», в которой оправдывает латышских офицеров, давших присягу Гитлеру еще в мае 1941 г., в надежде на скорую войну с «империей Кремля»³⁰⁴, и скрупулезно приводит цитаты из благожелательных высказываний в США и странах Западной Европы о легионерах – «борцах с большевиками», раздававшихся в разгар «холодной войны». В. Лацис с гордостью вспоминает о том, что с приходом немецких оккупантов в Ригу в июле 1941 г. сразу же записался добровольцем в 16-й полицейский батальон, затем в 1943 г. окончил курсы в роте по подготовке инструкторов 266-«Е» батальона. Затем он был оставлен там обучать будущих капралов из числа наиболее отличившегося рядового состава латышских полицейских батальонов, уничтожавших борцов сопротивления и мирное население в Белоруссии и западных регионах России³⁰⁵. В тон Висвалдису Лацису высказывается и официальный историк Улдис Нейбургс, подвизающийся в местном «Музее оккупации»³⁰⁶.

* * *

Поражения на фронте и недостаток добровольцев побуждали германские военные и оккупационные власти совместно со структурами марионеточного латышского самоуправления прибегнуть к мобилизации мужского населения Латвии, пригодного для военной службы. Эти

³⁰⁴ *Lācis V. Latviešu leģions patiesības gaismā. Rīga, 2007. 239. lpp.*

³⁰⁵ Там же. 119. lpp.

³⁰⁶ См., например: *Neiburgs U. Poļu karagūstekņu traģēdija Podgajē 1945. gadā. Miti un patiesība // Mājas Viesis, 31 января 2015 г.*

действия, безусловно, нарушали нормы международного права, однако у лиц, подвергавшихся призыву, были различные возможности уклониться от соучастия в Латышском легионе СС. Согласно директиве о мобилизации, начавшейся в марте – августе 1943 г., подлежащие трудовой повинности лица были вправе добровольно выбрать один из трех предлагаемых видов службы. И хотя фактические возможности выбора вскоре были существенно сокращены, германские оккупационные власти рассчитывали привлечь призывников в различные коллаборационистские подразделения в следующих пропорциях: в легион СС – 15 500, в интересах вермахта – 22 000, на гражданскую службу – 15 600. При этом распоряжение Г. Гиммлера от 24 марта 1943 г. выдвигало дополнительные условия для призыва в Латышский легион: арийцы без судимостей 17–45 лет, ростом не ниже 164–168 см, физически пригодные для службы в войсках СС.

Многие латвийские призывники старались избежать «бытовых неудобств», связанных с трудовой повинностью и оборонными работами, учитывали более выгодные финансовые условия военной службы, опасались попасть в «нелатышские» вспомогательные подразделения вермахта и, поддавшись мощной пропаганде, предпочитали призыв в «свой» легион СС или же просто не сопротивлялись этому. То есть очевидно, что у них изначально все же был тот или иной выбор – быть может, связанный с коррупционными методами решения вопроса, но не предрешенный смертельной ответственностью перед немцами. Следовательно, латышские легионеры войск СС (как и эстонские) не подпадают под исключения, сделанные Нюрнбергским трибуналом.

О предпочтениях призывников свидетельствуют и данные первого этапа мобилизации: вместо запланированных 15 500 человек в легион СС записались и были отобраны почти на 2,5 тыс. человек больше – 17 971, тогда как в вермахт – 12 979 (почти на 9000 меньше плана), в прочие службы

4 769 (менее трети от плана)³⁰⁷. Важным нюансом, склонявшим призывников в пользу легиона СС, был тот факт, что во вспомогательные подразделения вермахта и на отбытие трудовой повинности отправляли сразу после прохождения медицинской комиссии, тогда как будущих легионеров временно распускали по домам, призывая на службу постепенно, вплоть до осени 1943 г.

Схожая ситуация наблюдалась в ходе второго (октябрь – ноябрь 1943 г.) и третьего (декабрь 1943 – январь 1944 г.) призывов. В этот период относительно безопасными для жизни были различные формы уклонения от призыва: смертная казнь за отказ от мобилизации не применялась. Тем не менее и после объявления тотальной мобилизации в июле 1944 г., сопровождавшейся усилением репрессий для уклонистов и дезертиров, многие тысячи латышских юношей находили в себе силы и смелость избегать призыва, подаваться в леса из частей войск СС или сдаваться в плен.

* * *

Большинство занятых изучением Второй мировой войны латвийских историков, не оспаривая специфическую составляющую в формировании ядра Латышского легиона СС, отстаивают тезис о том, что уж после включения полицейских батальонов в состав соответствующих полков 15-й или 19-й дивизий СС ни о каких военных преступлениях и речи быть не может. Однако, согласно архивным документам, в операции «Праздник весны» (Frühlingsfest), которая проводилась с 11 апреля по 4 мая 1944 г. против партизан и мирных жителей Ушачско-Лепельской зоны на территории Белоруссии, в составе «группы Еккельна» боевые действия и карательные акции осуществляли не только 2-й Лиепайский и 3-й Цесисский полицейские полки при участии 5-го

³⁰⁷ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Странга А., Фелдманис И. История Латвии. XX век. С. 272–273.

латышского пограничного полка, но и подразделения 15-й гренадерской дивизии войск СС (1-я латышская)³⁰⁸.

В Российском государственном военном архиве (РГВА) также отложились документы, дающие представление о карательной активности на территории Ленинградской и Новгородской областей сил тайной полевой полиции, которой для выполнения своих функций в определенных случаях придавался личный состав других боевых частей и подразделений, в частности – военнослужащих 19-й латышской дивизии СС. Так, 18 декабря 1943 г. в деревне Заля-Гора, западнее Новгорода, было расстреляно около 250 мирных жителей; в начале января 1944 г. совершались массовые расстрелы в городе Чудово Ленинградской области; 21 января в деревне Глухая были заперты в сарае и расстреляны из пулеметов около 200 человек. Всего с 18 декабря 1943 г. по 2 апреля 1944 г. личный состав 2-й латышской добровольческой бригады СС, переформированной в 19-ю латышскую дивизию СС, соучаствовал в карательных акциях, в ходе которых было уничтожено 23 деревни (в 13 из них расстреляно до 1300 человек)³⁰⁹.

Наименьшее отражение в научных публикациях до сих пор получил вопрос об участии латышских легионеров СС в «зачистках» прифронтовой полосы, соучастии в угоне мирного населения и сожжении деревень при отступлении немецких войск. Однако существуют архивные свидетельские показания гауптштурмфюрера СС Валерия Кирштейнса (1889–1967), дававшего представление о технологии соучастия латышских легионеров СС в преступлениях против мирных жителей прифронтовой зоны, а также свое видение

³⁰⁸ Опубликованные архивные свидетельства см.: «Уничтожить как можно больше...» Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг. Сборник документов / Сост. А.Р. Дюков, В.В. Симиндей и др. М., 2009. С. 266–267.

³⁰⁹ Чернов В.Е., Шляхтунов А.Г. Прибалтийские Waffen-SS. Герои или палачи...? М., 2004. С. 83–84 (со ссылкой: РГВА. Ф. 451. Оп. 6. Д. 96. Л. 221–222, 236).

масштабов злодеяний. Нужно отметить, что в 1944 г. В. Кирштейнс был весьма информированным офицером, занимая должность помощника начальника пехоты 19-й латышской гренадерской дивизии войск СС. А 22 декабря 1945 г. на допросе В. Кирштейнс дал показания: «Мне известно следующее, что при отступлении 19-й дивизии “СС”, по приказу командира дивизии ШТРЕКЕНБАХА, начиная от гор. Опочки вплоть до Курляндии Латв. ССР, в районе действий 19-й дивизии, было приказано всему мирному населению покинуть свое место жительства и двигаться на Либаву³¹⁰, и в сторону Риги. Кто не хотел выполнять данного приказа, то левая жандармерия применяла насильственные меры “эвакуации”. Таким образом только одной 19-й дивизией “СС” было насильственно угнано около 60.000 чел. мирного населения, в большинстве своем женщин и детей, но были и мужчины. Дальнейшая судьба этого населения для меня не известна, но я слышал, что много попало в Германию путем транспортировки их полицией на пароходах, а часть осталась в Курляндском мешке³¹¹. При насильственном угоне мирных граждан в Германию, населению выдавалось только самое необходимое на дорогу, а оставшееся имущество, продукты и скот был немцами разграблен и вывозился в Германию или в их склады, а также очень много кормов /сено, клевер, солома и т. п./ немцами было сожжено».

Далее Кирштейнс детализировал свои показания: «Юго-восточнее гор. Остров на дуге реки Великой 19-й дивизией “СС” при занятии позиции в радиусе по фронту 12 километров были сожжены все постройки и деревни мирного населения со всем их имуществом, а население перед этим было угнано в тыл Латвии. Всего таким образом было сожжено

³¹⁰ Старое название города Лиепая.

³¹¹ Имеется в виду «Курляндский котел», известный в латышской эмигрантской историографии как «Курземская крепость», представлявший собой окруженные по суше остатки германской группы армий «Север» в западных районах Латвии (10 октября 1944 г. – 9 мая 1945 г.).

19-й дивизией “СС” около 2000 домов /две тысячи/ дотла, даже вырубали и сжигали фруктовые сады и деревья. Данные злодеяния производила группа, выделенная из каждой роты дивизии. Приказ издавал ШТРЕКЕНБАХ, а контроль исполнения проводила полевая жандармерия дивизии под руководством капитана, фамилии которого сейчас не помню. Все это относится к периоду марта – апреля 1944 г.»; «Конечно, всех населенных пунктов из количества 2000 домов, которые я назвал, я сказать не могу, но насколько я припоминаю, были сожжены деревни: Воронково³¹² и другие»³¹³.

В исторических источниках встречаются примеры зверского отношения латышских легионеров СС к военнопленным, вопреки утверждениям У. Нейбургса о том, что «до сих пор не известны какие-либо [...] случаи, когда подразделения легиона подобным образом вели себя в отношении своего противника»³¹⁴. В частности, 6 августа 1944 г. личным составом 43-го полка 19-й латышской дивизии войск СС были замучены 14 только что захваченных советских военнопленных из 65-го Гвардейского стрелкового полка 22-й Гвардейской стрелковой дивизии. В спецсообщении начальника Управления контрразведки СМЕРШ 2-го Прибалтийского фронта от 18 августа 1944 г. «Об издевательствах немцев и их пособников из латышских частей “СС” над советскими военнопленными» отражены следующие свидетельства этой трагедии: «Рядовому Караулову Н. К., младшему сержанту Корсакову Я.П. и гвардии лейтенанту Богданову Е.Р. немцы и предатели из латышских частей СС выкололи глаза и нанесли во многих местах ножевые ранения. Гвардии лейтенантам Кагановичу и Космину они вырезали на лбу звезды, выкрутили ноги и выбили сапогами зубы. Санинструктору

³¹² Деревня Воронково Пушкиногорского района Псковской области.

³¹³ ЦА ФСБ России. Н-18313. Т.3. Л. 201–203. Копия. Машинопись.

³¹⁴ *Neiburgs U. Poļu karagūstekņu traģēdija Podgajē 1945. gadā. Mīti un patiesība // Mājas Viesis*, 31 января 2015 г.

Сухановой А.А. и другим трем санитаркам вырезали груди, выкрутили ноги, руки и нанесли множество ножевых ранений. Зверски замучены рядовые Егоров Ф.Е., Сатыбатынов, Антоненко А.Н., Плотников П. и старшина Афанасьев. Никто из раненных, захваченных немцами и фашистами из латышей, не избег пыток и мучительных издевательств»³¹⁵. У. Нейбургс голословно пытается этот факт отрицать: якобы никаких пленных из 65-го Гвардейского стрелкового полка не было, их всех-де уничтожила артиллерия³¹⁶.

Другой известный пример касается расстрелов и сожжения заживо в деревне Подгае (Великопольское воеводство) польских военнопленных, которые никак не могли быть совершены без соучастия 31 января – 2 февраля 1945 г. солдат и офицеров 15-й латышской дивизии войск СС, входившей в состав боевой группы «Эльстер» (Kampfgruppe Elster). В 2002 г. в Польше на месте трагедии установлен памятник, на котором имеется надпись: «2 февраля 1945 г. гитлеровцы сожгли живыми в стоявшем на этом месте овине 32 воина 3-го стрелкового полка 1-й пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко, сражавшихся за возвращение Пястовских земель Родине-матери»³¹⁷.

В 2011 г. в Латвии при поддержке властей появились публикации британского пенсионера-любителя Юргена Фрица и американского профессора-астрохимика Эдварда Андерса, без каких-либо серьезных научных оснований отрицавших вину латышских эсэсовцев и сам факт сожжения живьем польских пленнх, списывая при этом все злодеяния на немцев и 48-й нидерландский добровольческий танково-гренадерский полк «Генерал Зейффардт» (SS-

³¹⁵ Об участии латышского легиона СС в военных преступлениях в 1941–1945 гг. и попытках пересмотра в Латвии приговора Нюрнбергского трибунала (справочная информация МИД России): www.mid.ru, 12 февраля 2004 г.

³¹⁶ NRA, 15 марта 2013 г.

³¹⁷ Александрова Ю. Трагедия в Подгае. Польская деревня до сих пор помнит «подвиги» латышских легионеров // Вести сегодня, 10.10.2008.

Freiwilligen-Panzergranadier-Regiment 48 General Seyffard). И как показательно отрицающие! Оказывается, латышские легионеры СС «всего лишь» 95–150 польских военнопленных «по стандартной процедуре»³¹⁸ передали нидерландским коллегам, которых те немедленно расстреляли... Отрицание уничтожения или по меньшей мере соучастия в уничтожении польских военнопленных латышский историк У. Нейбургс строит не только на неких «изысканиях» Андерса, но и почему-то на дневниковой записи командира 1-го батальона 34-го полка 15-й латышской дивизии войск СС майора Юлийса Килитиса, который записал, что лично обругал пленных «за то, что они, будучи поляками, не стыдятся воевать с латышами»³¹⁹, считавшими в довоенное время друг друга друзьями. Однако дальнейшая трагическая судьба пленных поляков никак не вяжется с натяжкой У. Нейбургса, дающего понять, что командир-де их только обругал. Не только...

Оценивая эмоциональный накал и достоверность «оправдательных» пассажей вышеупомянутого американского профессора, следует учитывать особенности его личности: Эдварда Андерса еще в подростковом возрасте в городе Лиенапе звали Эдуардом Альперовичем, в 1941 г. сумевшим выдать себя за «истинного латыша» с немецкими корнями (путем фальсификации документов о происхождении матери), адаптироваться в среде антисемитов стать коллаборационистом и даже эпизодически брать в руки оружие, чтобы стеречь изможденных советских военнопленных. Вот что он пишет в своих воспоминаниях: «Тогда в Военном порту два моряка на глазах у измученных заклю-

³¹⁸ Fritz J., Anders E. Murder of Polish POWs at Podgaje (Flederborn), February 1945 // Otrais pasaules karš un Latvija: notikumi un sekas. 20. gadsimta 40.–60. gadi. (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. 27. sēj.). Rīga, 2011. 147. lpp.; Андерс Э. Среди латышей во время Холокоста. Рига, 2011. С. 257–263.

³¹⁹ Neiburgs U. Poļu karagūstekņu traģēdija Podgajā 1945. gadā. Mīti un patiesība // Mājas Viesis, 31 января 2015 г.

ченных вывалили бочку кислой капусты, которая им показала испорченной. И эти люди, без всякого самоуважения, накинулись на капусту, как стая изголодавшихся зверей. Меня поразило зрелище, когда один из них на четвереньках бежал с капустой в зубах. Через год десять заключенных работали во дворе нашей конторы под «бдительным» оком шофера нашего шефа. Однажды он дал мне винтовку и попросил полчаса последить за ними, пока он сходит по каким-то делам. До сих пор не могу простить себе, что я не отдал им свой полдник»³²⁰.

* * *

Следует признать, что попытки латвийских властей и официозных историков вывести из-под действия приговора Международного военного трибунала 1946 г. Латышский легион СС как целостную преступную группу не имеют под собой исторических или юридических оснований.

Во-первых, Латышский легион СС в широком смысле, согласно распоряжению Г. Гимmlера от 26 мая 1943 г., включал в себя все латышские соединения в составе войск СС и полиции, большинство из которых в тот период задействовались для осуществления нацистской оккупационной и истребительной политики.

Во-вторых, Латышский легион СС в узком смысле был сформирован на основе добровольных полицейских батальонов, которые в 1941–1943 гг. участвовали в осуществлении холокоста и карательной деятельности в отношении мирного населения на оккупированной германскими войсками территории СССР.

В-третьих, офицерский и инструкторский состав Латышского легиона СС, соответственно, примерно на 90 % и 60 % состоял из добровольцев (за исключением призывников, получивших унтер-офицерские и младшие офицерские звания

³²⁰ Андерс Э. Среди латышей во время Холокоста. Рига, 2011. С. 120.

в ходе ускоренного обучения), часть из которых оставила кровавый след в составе различных подразделений полиции и СД, включая «команду Арайса».

В-четвертых, призывники первой-третьей мобилизации (март 1943 – январь 1944 гг.) имели различные возможности уклониться от службы в дивизиях войск СС без угрозы для своей жизни: выбрать трудовую повинность или вспомогательные подразделения вермахта, а также просто уклониться от призыва, рискуя, как правило, небольшим наказанием, не связанным с расстрелом, – полгода лишения свободы.

В-пятых, подразделения 15-й и 19-й латышских дивизий СС эпизодически совершали военные преступления на территории России, Белоруссии и Польши в прифронтовой зоне.

В этих условиях Латышский легион СС подлежит признанию в качестве преступной группы в соответствии с приговором Международного военного трибунала. Однако под исключения все же попадает отдельная категория лиц, служивших в легионе, а именно: насильственно призванные в рядовой состав в ходе четвертой и последующих мобилизаций (с февраля 1944 г., включая «тотальную»), ранее не поступавшие добровольно на службу в полицейские и иные карательные структуры нацистов и не совершавшие военных преступлений и преступлений против человечества в период германской оккупации, включая период службы в 15-й и 19-й латышских дивизиях войск СС. На это исключение, предоставленное Международным военным трибуналом, могло претендовать менее половины личного состава двух дивизий. Иные поблажки латышским легионерам СС, включая высший командный состав и карателей из «команды Арайса», которые были сделаны в США и других странах Запада после 1945 г., объясняются исключительно конъюнктурой «холодной войны» с Советским Союзом.

Государственная историческая политика Латвии: принуждение к «правильному» прошлому

Начиная с 1990–1991 гг. полный пересмотр представлений о событиях, связанных с периодом пребывания в составе СССР, стал использоваться в Латвии на государственном уровне в качестве инструмента для переформатирования общественного сознания и закрепления новой власти. В основу «национальной» идеологической конструкции был положен тезис латышских эмигрантских кругов о прибалтийских странах как жертвах двух тоталитарных режимов, согласно которому советский режим подавался как «более опасный и худший» для титульных балтийских народов, чем нацистский.

Следует отметить, что концепция «советской оккупации» Латвии послужила оправданием для лишения значительной части населения страны политических и ряда экономических прав. Специфический институт массового «негражданства» является одной из основ созданного в Латвии политического режима, что не может не оказывать влияния на официальную историческую науку. Об этом в 2005 г. недвусмысленно заявила председатель комиссии по иностранным делам Сейма Латвии Вайра Паэгле: *«Если мы отказываемся от концепции оккупации, то ставим под угрозу нашу политику в отношении гражданства, в отношении неграждан и их прав и других ключевых вопросов. Понятно, что на такой шаг мы пойти не можем»*³²¹.

Идеологические основы, которыми руководствуется официальная латвийская историческая наука, документально закреплены в ряде политико-декларативных актов органов власти, к которым следует отнести декларации Сейма «Об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 г.³²², «О латыш-

³²¹ Вести сегодня, 21 мая 2005 г.

³²² Latvijās Vēstnesis, 27 августа 1996 г., Nr. 143 (628). В этой связи 4 октября 1996 г.

ских легионерах во Второй мировой войне» от 29 октября 1998 г.³²³ и «Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР» от 12 мая 2005 г.³²⁴ Эти документы сохраняют свое действие до сих пор.

В частности, в декларации «Об оккупации Латвии» утверждается, что *«все время оккупации СССР целенаправленно осуществлял геноцид против народа Латвии, тем самым нарушая Конвенцию о недопущении геноцида и осуждении за него от 9 декабря 1948 г.... Руководство СССР целенаправленно наводнило Латвию сотнями тысяч мигрантов и с их помощью пыталось уничтожить идентичность народа Латвии»*³²⁵.

Адекватность употребления международно-правового понятия «геноцид» и самодельно-политического определения «уничтожение идентичности народа Латвии» в контек-

Государственная Дума ФС России приняла ответное заявление № 652-II ГД, в котором, в частности, выразила «серьезную озабоченность беспрецедентной по цинизму, открыто антироссийской акцией Сейма Латвийской Республики», отметила «искаженное, крайне предвзятое толкование истории взаимоотношений Латвии и России после 1918 года» и провокационный характер территориальных претензий Латвии к России, а также сформулировала следующую позицию: «Данные в так называемой декларации об оккупации Латвии оценки, используемую в ней терминологию следует рассматривать как оправдание уже совершенных противоправных действий и попытку создать правовую базу для продолжения дискриминационной, унижительной политики в отношении проживающих в Латвии людей, родным языком для которых является русский и которым латвийская сторона вознамерилась придать статус оккупантов». Кроме того, в ответном заявлении декларировался принцип увязки межгосударственных политических и экономических отношений России и Латвии с правовым положением русскоязычного населения этой страны, содержался призыв к международным организациям и мировому сообществу «с тем, чтобы в целях недопущения усиления национал-радикалистских настроений в высшем законодательном органе Латвии и укрепления в этой стране режима дискриминации людей по национальному и языковому признаку была дана соответствующая правовая оценка принятой Сеймом Латвийской Республики так называемой декларации об оккупации Латвии».

³²³ Latvijas Vēstnesis, 10 ноября 1998 г., Nr. 336 (1397).

³²⁴ Там же, 17 мая 2005 г., Nr. 77 (3235).

³²⁵ Там же, 27 августа 1996 г., Nr. 143 (628).

сте советской политики, полагаю, уважаемые читатели оценят сами. Представления латвийского политикума о сущности и содержании понятия «геноцид», вероятно, мотивированы не познаниями в истории права, а политическим заказом. Трудно представить, что все голосовавшие «за» депутаты не знают происхождения термина «геноцид», соединяющего в себе греческое слово *genos*, что означает «род, племя», с латинским *caedo* – «убиваю». Рассуждения о сталинских депортациях также самым очевидным образом противоречат Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., определившей преступные действия, «совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу». Напомним, что сталинские депортации и иные репрессии достойны суровой моральной оценки, но вовсе не подпадают под точно очерченные расовые и прочие критерии конвенции, так как носили социально-политический характер.

В декларации «О латышских легионерах во Второй мировой войне» заявлено, что *«в тридцатые годы XX века в Европе сформировалось два больших тоталитарных террористических государства. Реализация агрессивных целей этих государств началась с подписания так называемого пакта Молотова – Риббентропа, в результате которого была ликвидирована государственная независимость Латвийской Республики и ее попеременно оккупировали как СССР, так и Германия»*³²⁶. В этой же декларации предпринимается попытка преуменьшить нацистские преступления, ретушировать память о жертвах нацистского геноцида и глорифицировать латышских легионеров войск СС из числа добровольцев: *«Действительно, некоторая часть граждан Латвии вступила в латышский легион добровольно, но это произошло потому, что СССР в 1940–1941 годах осуществ-*

³²⁶ Там же, 10 ноября 1998 г., № 336 (1397).

влял в Латвии геноцид. Сотни человек были расстреляны без приговора суда, десятки тысяч депортированы в отдаленные районы СССР. Германия также в это время допускала военные преступления и геноцид в Латвии, однако они затронули граждан Латвии в многократно меньших объемах. Поэтому некоторые граждане Латвии считали, что, вступая в легион, они защитят себя и свои семьи от новых массовых репрессий со стороны СССР, которые позднее действительно последовали». Этим документом правительству Латвии вменяется в обязанность «заботиться об устранении посягательств на честь и достоинство латышских воинов в Латвии и за рубежом»³²⁷.

Здесь уместно заметить, что к добровольцам можно отнести до 20 % личного состава Латышского легиона СС (на конец 1944 г.), включая практически всех офицеров. Добровольцами также следует считать служащих латышских полицейских батальонов, включенных в состав Латышского легиона СС³²⁸. Далее в этой парламентской декларации безапелляционно утверждается: «Целью призванных и добровольно вступивших в легион воинов была защита Латвии от восстановления сталинского режима. Они никогда не участвовали в гитлеровских карательных акциях против мирного населения»³²⁹. Однако историкам известно, что в состав Латышского легиона СС в конце войны влился и персонал «Латышской вспомогательной полиции безопасности» СД во главе с Виктором Арайсом, специализировавшейся на осуществлении нацистской истребительной политики, включая холокост. Да и относительно соучастия непосредственно латышских легионеров

³²⁷ Там же.

³²⁸ См., например: Дюков А.Р., Симиндей В.В. Латышский легион СС в свете Нюрнбергского трибунала // Международная жизнь. 2011. № 6. С. 141–148; Dyukov A., Simindei V. The Latvian SS Legion and the Nuremberg Tribunal's Decisions // International Affairs. 2011. № 4. P. 232–238.

³²⁹ Latvijas Vēstnesis, 10 ноября 1998 г., Nr. 336 (1397).

СС в нацистских преступлениях против мирного населения и военнопленных на территории России, Белоруссии и Польши также имеются свидетельства. Так, согласно архивным документам, в карательной операции против партизан и мирных жителей Ушачско-Лепельской зоны на территории Белоруссии (апрель – май 1944 г.) участвовали не только 2-й Лиепайский и 3-й Цесисский полицейские полки (остатки которых позднее включили в дивизию Ваффен-СС), но и подразделения 15-й гренадерской дивизии войск СС (1-я латышская)³³⁰.

Концепция «советской оккупации», не говоря уже о «советском геноциде», является ложной (как минимум – спорной), на что неоднократно обращалось внимание российскими историками и правоведами³³¹. Однако в Латвии эти историко-идеологические концепции утверждены на государственном уровне, что не могло не оказать внеучного инструментального воздействия на деятельность латвийских историков, представителей других гуманитарных и социальных наук.

Важно понимать, что «оккупационная риторика» в адрес Москвы является для официальной Риги краеугольным камнем в трех специфических сферах:

- 1) сохранение института «неграждан», отсутствующего где-либо в современной Европе (за исключением почти идентичной ситуации в Эстонии);
- 2) проведение дискриминационной политики по отношению к русскоязычному населению страны (в том числе и граждан Латвии, и постоянно проживающих на латвийской территории граждан России);

³³⁰ Опубликованные архивные свидетельства см.: «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг. Сборник документов / Ред. А.Р. Дюков, В.В. Симиндей и др. М.: Фонд «Историческая память», 2009. С. 266–267.

³³¹ См. об этом, например, труды историка и социолога Р.Х. Симоняна и правоведа С.В. Черниченко.

- 3) выдвижение историко-политических и материальных претензий к современной России, в том числе на международно-политических и международно-правовых площадках (ОБСЕ, ЕСПЧ, Европарламент, диалог «Россия – ЕС» и др.).

С целью «обоснования» сформулированных на государственном уровне историко-идеологических тезисов в Латвии и была создана сложная система учреждений, осуществляющих интеллектуальное «сопровождение» концепций «советской оккупации» и «советского геноцида».

* * *

Инфраструктура государственной исторической политики в Латвии включает в себя множество взаимодополняющих элементов с государственным и неправительственным статусом, поддерживаемых титульными СМИ и подпитываемых из латышских эмигрантских кругов (с учетом смены поколений в эмиграции, последний фактор носит затухающий характер).

Кроме институциональной подготовки, топонимических изменений в названиях улиц и площадей было произведено также «присвоение времени» как часть своего рода мифологического освоения истории³³². Так, 9 мая как День Победы официально не только не отмечается в Латвии, но и отрицается, противопоставляется как 8 мая, так и 14 июня (День памяти жертв коммунистического террора 1941 г.).

Механизм перелицовки фактов по лекалам официальной идеологии в Латвии обеспечивается следующими составными частями. Главным «приводным ремнем» официальной Риги, призванным идеологически оформить и фактологически наполнить «оккупационную» риторику, ис-

³³² См. подробнее: *Никифоров И.В.* Политика исторической памяти в странах Балтии. Опыт и современность // Этническая политика в странах Балтии. Отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов. М.: Наука, 2013. С. 129.

пользуемую для выдвижения исторических и финансовых претензий к современной России, а также для обоснования дискриминационной политики в отношении русских в Латвии, является созданная 13 ноября 1998 г. Комиссия историков при президенте Латвии. В состав комиссии из 11 членов во главе с археологом, профессором А. Цауне (в настоящее время комиссия состоит из 14 человек, председательствует академик Латвийской Академии наук, профессор И. Фелдманис)³³³ вошел также советник президента Латвии по вопросам истории А. Зунда (покинул этот пост в июне 2012 г. «по сокращению штатов», в конце сентября назначен сопредседателем совместной с Россией комиссии историков вместо И. Фелдманиса). «Президентские историки» активно сотрудничают с МИД Латвии, а также с Министерством образования и науки, готовя базу для составления новых учебных пособий и в целом влияя на школьное преподавание истории. Для придания весомости результатам исследовательской и пропагандистской работы Комиссии были привлечены ученые из ряда стран, получившие статус зарубежных членов, из которых, однако, далеко не все активно участвуют в работе.

Деятельность комиссии с 1998 г. выстраивалась по пяти основным направлениям, охватывающим эпохи с 1940 по 1991 г. (руководители рабочих групп – Ирене Шнейдере, Айварс Странга, Инесис Фелдманис, Хейнрихс Стродс, Дайна Блейере). Ключевыми задачами данной структуры стали обеспечение официальных лиц тезисами для «оккупационной» риторики и презентация на международной арене тематики «преступлений против человечества в Латвии в период советской и нацистской оккупаций»; при этом акцент делался на «преступлениях советского тоталитаризма» – с намерением доказать «равенство» двух режимов с точки зрения преступности их идеологии и практики, но при «бо-

³³³ См.: http://president.lv/pk/content/?cat_id=7.

лее тяжелых» последствиях для латышей именно «советской оккупации», выразившихся в «геноциде». Обратной стороной этой идеологической натяжки является оправдание и восхваление латышских легионеров СС, всего лишь «надеявшихся с помощью Гитлера прогнать Сталина и вернуть независимость Латвии».

Более успешное «разъяснение» латвийской официальной позиции западной аудитории предполагало, наряду с эксплуатацией негативных настроений в отношении СССР, также некоторые уступки и заверения в полном принятии демократических ценностей. В этой связи латышские историки, прежде всего – из этой комиссии, предприняли следующий маневр: приняли активное участие в обсуждении тематики холокоста³³⁴, оставляя без должного внимания преступления латышских коллаборационистов в отношении белорусов и русских; развивали тезис о борьбе легионеров СС только против СССР, а не всей антигитлеровской коалиции; сделали попытку вывести из-под уравнивания коммунистической и нацистской идеологии «еврокоммунизм», с учетом его интеллектуального багажа, а также актуальности и влияния левых настроений в Западной Европе. Постепенно латвийские историки и политики пришли к выводу, что можно признать геноцид евреев на территории Латвии, рассчитывая на то, что Израиль и еврейские общины в США и ряде других стран отступят от критики в адрес Латвии за ее политику в отношении других нацменьшинств и восхваление ветеранов СС как «национальных героев и жертв советского тоталитарного режима».

В значительной степени этот маневр удался: за редкими исключениями, критические высказывания в адрес

³³⁴ См., например: *Holokausta izpēte Latvijā. Starptautisko konferenču materiāli*, 2003. gada 12.–13. jūnijs, 24. oktobris, Rīga, un 2002.–2003. gada pētījumi par holokaustu Latvijā (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 12.sēj.). Rīga, 2004.

латвийского правительства или правосудия звучат лишь со стороны некоторых международных еврейских организаций, занятых поиском военных преступников и мониторингом антисемитизма в мире³³⁵. Латвийские власти в 2005 г. даже пообещали вернуть еврейской общине собственность или выплатить компенсацию за то недвижимое имущество, которое ей не вернули в порядке реституции. Но в дальнейшем практическая реализация этой договоренности была отложена в долгий ящик под нажимом националистов.

«Неприятный» для латвийских правящих кругов вопрос о возвращении довоенной еврейской общинной собственности периодически приобретает весьма острый характер, болезненно воспринимается латышским националистическим политикумом и электоратом. Следующая попытка сдвинуть его с мертвой точки была предпринята под давлением США и Израиля в 2012 г., однако кончилась скандальной отставкой министра юстиции Гайдиса Берзиньша от «Национального объединения», категорически возражавшего против даже частичной и, по сути, символической реституции еврейской религиозно-общинной собственности. Нынешняя попытка передать хотя бы пять объектов недвижимости, предпринятая в январе – феврале 2015 г., также воспринимается латышским избирателем как вынужденная «расплата за доброту» американцев, санкционировавших размещение бронетехники на территории Латвии для «защиты от русской угрозы». Кроме лицемерных фраз на международных площадках, никакого сострадания у политиков партий правящей в Латвии коалиции к судьбам латвийских евреев, около 70 тыс. которых было уничтожено немецкими нацистами и латышскими коллаборационистами, нет и в помине. Не удивительно, что наследник скандального Гайдиса

³³⁵ Наиболее принципиальную позицию в постсоветский период по этому вопросу занимал Центр Симона Визенталя.

Берзиньша в кресле министра юстиции Дзинтарс Расначс нашел виновных в том, что американцы «выкручивают руки» Латвии в деле о реституции: виновата Россия! И существенная реституция еврейской недвижимости или компенсация возможна-де только после того, как «Россия в качестве наследницы СССР компенсирует причиненный Латвии ущерб». А чего еще ждать от министра, однопартийцы которого соревнуются в восхвалениях латышских легионеров СС? Только проявления едва завуалированного антисемитизма, густо замешанного на русофобии.

В числе других звеньев цепочки по политической инструментализации истории стоит упомянуть следующие структуры: «Музей оккупации Латвии» (выставочно-исследовательский центр, внесенный МИД Латвии в протокол для обязательного посещения зарубежными официальными делегациями; организует различные мероприятия: от методических семинаров для подготовки в соответствующем ключе школьных учителей, до вечеров антисоветских анекдотов; планируется создание нового корпуса этого музея), Военный музей Латвии, поднадзорный Минобороны (собирает документы из частных коллекций и артефакты «подвигов» латышских легионеров СС, проводит специализированные выставки, конференции, презентации книг, например о кавалерах гитлеровских Железных крестов)³³⁶, Центр документации последствий тоталитаризма в Бюро по защите Конституции – главной латвийской спецслужбы (хранит агентурно-учетные карточки – «мешки КГБ», ранее активно участвовал в презентациях репрессивной деятельности советских спецслужб и ретушировании связей руководства

³³⁶ Откровенным прославлением латышских легионеров СС Военный музей Латвии отметил, например, 14 декабря 2005 г., предоставив свои помещения для презентации книги Удо Интиса Сиетиньша «За землю, которую любим... Латышские кавалеры Железного креста». В этом издании, подготовленном по распоряжению эмигрантского Союза кавалеров Железного креста, с гордостью подчеркивается, что высоких наград Гитлера удостоились почти 4000 латышей.

Политуправления полиции Латвии с абвером и СД накануне и в начале Второй мировой войны)³³⁷.

В соответствии с декларацией Сейма Латвии от 12 мая 2005 г. была создана правительственная комиссия по подсчету ущерба от «советской оккупации» под председательством руководителя департамента обеспечения Госканцелярии Эдмунда Станкевичса (в полном варианте названия – «Комиссия по определению количества жертв и массовых мест захоронений тоталитарного коммунистического режима оккупации СССР, обработке информации по репрессированным и массовым депортациям и подсчету ущерба, нанесенного латвийскому государству и его жителям»).

28 апреля 2008 г. Кабинет министров Латвии заслушал информационное сообщение о промежуточных итогах и планах работы данной комиссии, в котором ее глава Э. Станкевичс заверил руководство страны, что работа идет полным ходом, при этом называть конкретные сроки ее завершения и какие-либо предварительные финансовые цифры не стал. Однако, согласно сообщениям латвийских СМИ, в кулуарах правительства и Сейма фигурировал ориентир в 50 млрд долларов. Члены комиссии отчитались за уже проведенные 20 заседаний и несколько заграничных командировок, в том числе в Россию. К результатам своей деятельности они отнесли разработку методики подсчета дохода на душу населения Латвии в 1935–1940 гг., а также сбор макроэкономических показателей страны за этот период для последующего сравнения с данными государств, сохранивших рыночную экономику в послевоенный период. Сообщалось также, что ведется работа по созданию оптимальной модели «альтернативного прошлого». Однако вопрос о том, чем прямое наложение показателей, без учета реальных

³³⁷ См., например, статью специалиста Центра документации последствий тоталитаризма в Бюро по защите Конституции ЛР, бывшего депутата Рижской думы и замдиректора «Музея оккупации», ныне депутата Сейма Ритварса Янсонса: *Jansons R. Kara un genocīda noziegumus izmeklējot // Latvijas Vēstnesis*, 24 апреля 2002 г., Nr. 62 (2637).

или действительно наиболее вероятных геоэкономических и социально-политических условий, отличается от «средней температуры по палате», так и остался без ответа.

Комиссия под руководством Э. Станкевичса сосредоточила свое внимание и на демографических потерях республики за советский период и влиянии фактора размещения советских войск на территории Латвии. Разработчики полагают, что выведенная ими формула позволит подсчитать предположительные потери от непроизведенного ВВП за счет «выпадения» из экономики республики почти 58 тыс. репрессированных и сосланных всех возрастных групп в сталинский период. Охват последующих лет вызвал некоторые сложности, однако члены комиссии нашли экологический ущерб, а также косвенные демографические потери Латвии в участии ее жителей в ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС и действиях советских войск в Афганистане.

Как представляется, корень проблемы с подсчетами ущерба следует искать в политических упущениях России периода 1991–1994 гг., когда можно было обусловить признание независимости Латвии, Литвы и Эстонии, вывод войск бывшего СССР и развитие двусторонних отношений отказом от взаимных исторических, территориальных и финансовых претензий, а также предоставлением латвийского гражданства всем жителям республики (по примеру Литвы), что значительно снизило бы давление национал-радикалов на правительства и позволило бы сформировать политический класс этих стран в более демократическом ключе (особенно в Латвии и Эстонии).

* * *

В последующие годы латвийские политики и официальные историки приступили к переформатированию структур, ответственных за возвращение «национально-исторической идентичности», пропаганду и детализацию «оккупационной» версии истории пребывания Латвии в составе СССР,

а также за обоснование историко-финансовых претензий к современной России. Катализатором изменений стал глубокий экономический кризис в Латвии, повлекший за собой сокращение государственных расходов и перевод в 2009–2010 гг. пропагандистских структур на преимущественно внебюджетное финансирование. При оценке эффективности государственной исторической политики Латвии также звучала критика в адрес ведущих ученых, не сумевших продемонстрировать достаточную гибкость и продуктивность в своей работе. Дополнительным стимулом перевода активности в плоскость неправительственных организаций стали надежды на получение устойчивого финансирования историко-политических изысканий из еврофондов, подкрепленные предварительными договоренностями об этом ряда националистических депутатов Европарламента от Латвии. Однако оказалось, что без государственного софинансирования многие проекты не могут рассчитывать на покрытие всех затрат из еврофондов.

Первой «жертвой» режима государственной экономии стала «оккупационная» комиссия при правительстве Латвии. С 1 августа 2009 г. деятельность этой структуры была приостановлена на неопределенное время³³⁸. При этом данный шаг был представлен латвийскими дипломатами как «жест доброй воли» и «дружественный шаг» по отношению к России. Однако уже осенью 2009 г. появилась инициативная группа во главе с тем же Э. Станкевичсом, призванная создать на базе «замороженной» правительственной комиссии неправительственную организацию «Общество по изучению оккупации Латвии» (ОИОЛ)³³⁹.

Оформление и запуск деятельности ОИОЛ заняли почти год, увенчавшись проведением 5 августа 2010 г. общего со-

³³⁸ В Латвии распустили комиссию по подсчету ущерба от «советской оккупации», Novoteka.ru, 18 июня 2009 г.

³³⁹ См. сайт ОИОЛ: www.loib.lv.

брания организации в здании Латвийской Академии наук. Согласно уставу ОИОЛ, ее работа *«направлена на защиту прав человека и прав индивида для жителей Латвии, пострадавших от режима оккупации, развитие гражданского общества, стимулирование образования, науки и культуры»* в рамках выполнения декларации Сейма от 12 мая 2005 г. Предполагаемые практические итоги деятельности ОИОЛ определены как установление степени и форм влияния «советской оккупации» на современное латвийское общество, определение суммы «ущерба» и внесение вопроса о «компенсациях» со стороны России в повестку дня переговоров по линии Россия – ЕС.

В состав организации вошли более 40 политиков, историков, юристов, экономистов и демографов, в том числе Г.В. Кристовскис (в прошлом составе правительства – министр иностранных дел), А. Мичулис (юрист, чиновник Министерства регионального развития и по делам самоуправления), И. Залите (бывший руководитель Центра документации последствий тоталитаризма при Бюро по защите конституции Латвии. По заявлениям руководства ОИОЛ, только для завершения «подсчетов ущерба от СССР», уже начатых комиссией, потребовалось бы не менее двух лет и около 400 тыс. долларов, тогда как проведение конференций или издательская деятельность, а также дальнейшая исследовательская работа по поиску и копированию документов в российских архивах нуждаются в отдельном регулярном финансировании. ОИОЛ проявило интерес не только к частным пожертвованиям, помощи эмигрантских организаций (прежде всего – Объединения американских латышей и Объединения свободных латышей мира), еврофондов, но и на государственное софинансирование. Расчет также делался и на экономию от предоставления государством налоговых льгот.

ОИОЛ отметилось проведением в Риге конференции «Причиненный Советским Союзом ущерб в Балтии»

(17–18 июля 2011 г.) и выпуском книги И. Упмалиса, Э. Тилгасса и Э. Станкевичса «Латвия под властью советских милитаристов. 1939–1999»³⁴⁰, презентованной 14 июня 2012 г. в Военном музее. В данной книге авторы «насчитали» по непрозрачной методике «ущерб» только от пребывания советской (российской армии) на территории Латвии в размере около 5,8 млрд долларов США, оговорившись при этом, что данная работа носит «не академический, а популярно-исследовательский» характер. Однако ставки росли, и уже в 2013 г. представители ОИОЛ оценивали общий «ущерб» для Латвии от СССР ни много ни мало в 500 млрд долларов³⁴¹.

Определенные проблемы возникли и у Комиссии историков при президенте Латвии, выпускавшей в последние годы всего по одному-два тома исследований и рефератов (с 1999 по 2012 г. выпущено 27 сборников, в том числе один – на английском языке; в 2013–2014 гг. сборники не выпускались). Придать «динамизма и напористости» официальной структуре призван был ее новый председатель И. Фелдманис, вступивший в должность в январе 2010 г.

В числе озвученных И. Фелдманисом планов работы комиссии на 2010–2012 гг. значились укрепление взаимодействия с МИД Латвии, особенно в вопросах российско-латвийских отношений (тематика «открытия» российских архивов, захоронения латышей на территории России, информационно-пропагандистское обеспечение деятельности, работа с иностранными членами комиссии), издание книги Карлиса Кангериса, Рудите Виксны и Улдиса Нейбургса о Саласпилсском концлагере³⁴² («доказательство» его неконцлагерного «воспитательно-трудового» характера и сведения

³⁴⁰ *Upmalis I., Tilgass Ē., Stankevičs E.* Latvija Padomju militāristu varā 1939–1999. Rīga: LOIB, 2010.

³⁴¹ Новый подсчет ущерба от оккупации Латвии – 200 миллиардов латов. *Freecity.lv*, 23 августа 2013 г.

³⁴² Книгу планируется выпустить из печати в 2015 г., основные тезисы опубликованы в СМИ (напр.: *Tēvijas sargs*, 2015. Nr. 5).

численности лагерных жертв нацистов и их пособников до 2000 человек³⁴³).

Следует отметить, что в последнее время разворачивается дискуссия о смене статуса комиссии, выведении ее из-под патронажа президента, возможно, под эгиду правительства. Вопрос о реформатировании Комиссии историков не снят и в 2015 г.

В целом реформатирование историко-пропагандистских структур на том этапе свидетельствовало о намерении официальной Риги даже в условиях бюджетно-финансового кризиса активизировать проведение исторической политики (с опорой на антироссийские силы в ряде европейских стран и организаций), а также попытаться блокировать антиревизионистскую деятельность российских исследователей, находящихся ту или иную поддержку и понимание в среде латвийских историков и политологов.

11 октября 2010 г. в Риге состоялась презентация работы нового фонда «Малая библиотека истории Латвии». Председателем правления фонда стал по совместительству председатель Комиссии историков при президенте Латвии И. Фелдманис. Комментируя необходимость создания фонда, он отметил: *«Мы пришли к выводу, что во многих вопросах, в том числе в интерпретации истории, мы потеряли “гандикап”, имевшийся после восстановления независимости. Ставится под сомнение даже легитимность латвийской государственности»*. По его словам, одним из мотивов образования новой структуры стало осознание того, что «Латвия находится под постоянным влиянием российского информационного поля». Миссия фонда состоит в том, чтобы выработать «иммунитет» у латышей к «русско-советским мифам» и осла-

³⁴³ По расчетам «неофициальных» латвийских историков, средняя вместимость Саласпилского концлагеря составляла 10 000–15 000 человек (См.: Приговоренные нацизмом. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941–1945 гг. Сост. Влад Богов. Рига, 2011. С. 32–36).

бить их влияние на западную общественность, а основная концепция характеризуется девизом в духе ультраправых речевок: «Нация, государство, Европа».

Руководством фонда были озвучены весьма амбициозные планы – издать около 60 книг на латышском, английском, немецком, французском и русском языках по основным проблемам истории Латвии. В целом, по словам И. Фелдманиса, *«латвийским историкам следовало бы занимать более агрессивные позиции, реагируя на вещи, затрагивающие государственность Латвии и исторические ценности латышской идентичности, особенно в отношении событий XX века»*. Стоит отметить, что «эластичность» фонда по сравнению с комиссией позволяет закладывать в его труды еще более радикальные и популистские тезисы и при этом «окормлять» всю профессиональную среду латвийских историков. Первой попыткой установления «всеохватного» контроля над историческим сообществом стал проведенный 16–17 сентября 2011 г. под эгидой фонда I Конгресс историков Латвии.

Вместе с тем анализ изданий фонда «Малая библиотека истории Латвии» показывает, что их научная ценность, увы, минимальна. Некоторые тексты вообще представляют собой исключительно менторские перепевы старых пропагандистских штампов официальной Риги, подаваемых с большим апломбом в расчете на не склонную к критическому осмыслению истории широкую латышскую аудиторию³⁴⁴. При этом несколько больший пропагандистский потенциал для образованной публики, в т. ч. за рубежом, содержали тексты советника президента Латвии по вопросам истории А. Зунды и историка Я. Риекстиньша.

Выступая на открытии конгресса, новый президент ЛР Андрис Берзиньш заявил, что *«Латвии не нужно однобокое, строго национальное, видение истории. Исследуя историю Латвии, надо помнить, что это история не только латы-*

³⁴⁴ См., например, рецензию автора на брошюру А. Пуги.

шей, но и многих других народов. Специфика Латвии в том, что здесь веками рядом с латышами жили немцы, русские, поляки, евреи и другие народы. Нельзя об этом забывать. Взвешенный взгляд и оценка будут способствовать чувству принадлежности к Латвии среди нацменьшинств, помогут сплоченности, консолидации». Однако уже через несколько дней данное заявление главы государства было фактически дезавуировано председателем Комиссии историков при президенте Латвии И. Фелдманисом, заявившим, что «большая часть жителей Латвии должна смириться с тем, что они являются потомками оккупантов, но они не должны нести за это ответственность и сами же должны меньше говорить об этом [...] Оккупация является красной линией нашей истории. Мы от этого дела никогда не откажемся»³⁴⁵. Таким образом, попытка президента Латвии А. Берзиньша скорректировать узконационалистический взгляд политической верхушки на историю Латвии наткнулась на противодействие историков, сделавших карьеру на обслуживании официальных историко-идеологических тезисов.

* * *

В ходе российско-латвийских переговоров на высшем уровне, состоявшихся 20 декабря 2010 г. в Москве, была достигнута договоренность между президентом России Д.А. Медведевым и президентом Латвии В. Затлерсом о создании совместной комиссии историков, которая должна заняться изучением болезненных вопросов общего прошлого двух стран, в том числе периода Второй мировой войны. Причины принятия этого решения Москвой понятны: непростые отношения между Россией и Латвией во многом обуславливаются различным истолкованием недавнего общего прошлого наших стран. Такие, несомненно, болезненные вопросы, как советская репрессивная политика,

³⁴⁵ Latvijas Radio, 21 сентября 2011 г.

преступления нацистов и их латвийских пособников, советизация и террор националистических формирований «лесных братьев» в настоящее время становятся предметом активных политических спекуляций. Совместная комиссия историков была призвана исправить это положение, став инструментом научного диалога.

Сама идея такой формы взаимодействия могла представлять для России научный и политический интерес только при соблюдении ясных принципов составления и работы комиссии – представленность всех, в том числе «неудобных», историографических направлений по актуальным темам XX века, равенство сторон в подборе исследуемых вопросов, опора на документальные материалы и их критический анализ, недопустимость использования в научной дискуссии ранее изобличенных фальсификаций, вроде «Генерального соглашения о сотрудничестве между НКВД и гестапо»³⁴⁶. Но на практике эти здравые основания ни разу не были заложены в фундамент двусторонних комиссий.

В частности, официальная Рига недвусмысленно дала понять, что не воспринимает совместную комиссию как инструмент познания прошлого, но видит в ней лишь «поляну» для проталкивания своих идеологизированных штампов о «советских оккупантах» и «легионерах СС как борцах за свободу Латвии» (с последующей мемориализацией их мест захоронения на территории России), а также «отмычку» для приоритетного и бесплатного доступа к копированию файлов из российских архивов. Не скрывала латвийская сторона, изначально занявшая крайне политизированную позицию, и свою «программу-максимум»: способствовать расколу неоднородного российского научного сообщества по вопросам Второй мировой войны, добиться от совместной комиссии историков признания «факта советской оккупа-

³⁴⁶ См. разбор этого вопроса: Дюков А.Р. «Пакт Молотова – Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память». М., 2009. С. 21–26.

ции» Латвии в 1940–1941 и 1944–1991 гг. и, опираясь на «мнение науки», попытаться взять самую амбициозную высоту: склонить руководство и народ России к «покаянию» и тем или иным «компенсациям».

Принятое в 2010 г. решение о создании совместной комиссии историков России и Латвии вызвало большую активность государственных деятелей и официальных историков Латвии, сделавших целый ряд заявлений, наглядно свидетельствующих об идеологических основах и политических устремлениях латвийской части комиссии. В их высказываниях также прослеживается заинтересованность в раскручивании «оккупационной» риторики в адрес Москвы именно на площадке совместной комиссии – как факторе давления на Россию.

В частности, госсекретарь МИД Латвии Андрис Тейкманис открыто транслировал латвийским ученым-историкам политическую установку официальной Риги: *«Не может быть и речи о том, что наши историки придут к каким-то абсолютно новым выводам. Мы свою историю переписывать не будем и не собираемся этого делать. Ни на йоту»*³⁴⁷.

Председатель Сейма Латвии Солвита Аболтиня 11 января 2011 г. заявила латвийским СМИ, что «советская оккупация» Латвии является таким же «неоспоримым» и «фундаментальным» фактом, как и холокост. Данное высказывание одного из высших должностных лиц государства является своего рода «домашней заготовкой», нацеленной в стратегической перспективе на раскручивание спекуляций по уравниванию холокоста и «советского геноцида латышей». Эта схема рассчитана на ретуширование тематики соучастия латышей в тотальном уничтожении евреев на оккупированной нацистами территории Латвии и подкрепление политико-финансовых претензий к современной России.

³⁴⁷ Latvijas Avīze, 11 января 2011 г.

Руководитель Комиссии историков при президенте Латвии И. Фелдманис, кандидатура которого была выдвинута официальной Ригой в сопредседатели двусторонней комиссии историков³⁴⁸, в беседе с журналистами подчеркнул: *«Мы основали “Фонд малой библиотеки истории Латвии”, чтобы сопротивляться политике пропаганды, которую Россия ведет против Латвии и других республик бывшего СССР. Их цель – изменить нашу национальную идентичность [...] Цель их пропаганды – достичь, чтобы отношение латышей к России становилось все более доброжелательным и чтобы Латвия становилась все более русской»*. Он также заявил о недопустимости отступления от «оккупационного стандарта»: *«Я тут хочу бросить камень в огород латвийской журналистики. Я не понимаю, почему СМИ, конкретно Латвийское Радио, осмеливается проводить двусмысленную дискуссию о том, была или не была (советская) оккупация. Это же совершенно ясно, что была! Что тут еще мусолить? Это – красная линия, которую нельзя нарушать! Факт оккупации неоспорим! Почему деятельность СССР надо оценивать иначе, чем деятельность нацистской Германии?»*³⁴⁹ 22 декабря 2011 г. И. Фелдманис еще раз отметил: *«Наша позиция по событиям 1939–40 гг. прошлого века тверда. Работа [совместной] комиссии будет направлена в такое русло, чтобы быть полезной для Латвии»*.

Директор профильного Латвийского института истории (Латвийский университет) Гунтис Земитис в опубликованном 13 января 2012 г. газетном комментарии заявил: *«Я считаю, что создание комиссии можно только приветствовать и это шаг в правильном направлении. Конечно, можно сказать, что признание факта оккупации не является объ-*

³⁴⁸ Распоряжение Президента Латвийской Республики Андриса Берзиньша «О членах Латвийско-российской совместной комиссии историков» и их подчиненности от 1 августа 2012 года, LETA, 2 августа 2012 г.

³⁴⁹ Latvijas Avīze, 3 декабря 2010 г.

ектом для исторических дискуссий, что здесь ничего не надо доказывать, однако Россия к такому шагу очевидно не готова, но, возможно, сможет прийти к нему постепенно. Возможность получения доступа к российским архивам следует оценивать позитивно. Сценарий оккупации писался в Москве. Там его и следует искать»³⁵⁰.

Тезис латвийских властей и официальных историков о том, что «закрытость российских архивов» является чуть ли не «первой линией обороны» от признания Москвой «советской оккупации» Прибалтики, следует отметить особо. По сути, это риторический прием, призванный укрепить переговорные позиции латвийской стороны, сбить упреки в нарушении прав русскоязычного населения. Не будем забывать, что сам тезис о «советских оккупантах» используется официальной Ригой не для абстрактной характеристики канувших в Лету событий, а для сохранения средневекового по своей сути института «неграждан», оправдания многих современных социально-экономических проблем «последствиями советского тоталитаризма» и подготовки к выдвижению историко-финансовых претензий к России.

Разумеется, историки заинтересованы в дальнейшей работе по рассекречиванию архивных материалов советского периода, способствовать чему могло бы дополнительное финансирование архивной инфраструктуры России. Это позволило бы не только прояснить в ближайшее время многие сюжеты истории и судьбы людей, но и снять известные спекуляции. Правда, здесь стоит отметить, что в США и Великобритании некоторые секреты времен Второй мировой войны и первых послевоенных десятилетий до сих пор скрыты от исследователей. Вместе с тем за последние годы массив рассекреченных документов в российских архивах значительно увеличился. Существуют законодательные ограничения для желающих посмотреть личные дела, например,

³⁵⁰ Latvijas Avīze, 13 января 2012 г.

бывших заключенных, но с остальными рассекреченными материалами может ознакомиться любой историк, в том числе из Латвии.

Латвийские исследователи, вопреки расхожим стереотипам, пользуются этими возможностями. Некоторые – для кропотливой научной работы с соблюдением всех правил обращения с архивными документами, а иные – в провокационных целях и недозволенными методами. В частности, профессор Хейнрихс Стродс добытые в московских архивах копии документов использовал не только в личных познавательно-исследовательских интересах, как заявлял, но и для «насыщения» деятельности латвийской правительственной комиссии по подсчету «ущерба от советской оккупации». А получавший от него консультации адвокат Андрис Грутупс «украсил» материалами из архивных фондов ЦА ФСБ свой антисемитский памфлет «Эшафот», изображавший «Рижский процесс» 1946 г. над нацистскими преступниками как этническую месть советских евреев «блестящим» немецким генералам³⁵¹.

Специфический шлейф личных амбиций, нарушений этики и правил тянется еще с начала 1990-х гг., когда председатель правительственной комиссии по выяснению судьбы репрессированных государственных и общественных деятелей Латвии Индулис Ронис получал в Москве доступ к ранее секретным документам, но далеко не все из них публиковал или передавал в латвийские архивы. По этому поводу он в 2009 г. заявил журналистам: *«Видите ли, но есть такая вещь, как авторские права на материалы, которые мне московские чекисты дали как академику, а не руководителю правительственной комиссии. Я в Государственном архиве хочу открыть свой фонд, поместив туда эти материалы, но мне этого не дают сделать»*³⁵². В том же году выяснил-

³⁵¹ Грутупс А. Эшафот. О суде над немецкими генералами. Рига: «АТЕНА», 2008.

³⁵² Latvijas Avīze, 8 июля 2009 г.

ся вопиющий случай пренебрежения нормами обращения с архивными документами: в бумагах бывшего секретаря Верховного Совета Латвии и посла в России Иманта Даудиша, умершего в 2002 г., случайно были найдены оригиналы документов, связанных с диктатором Карлисом Улманисом. Мало того, что эти оригиналы были добыты неустановленным путем в Москве, так еще и не поступили своевременно в местную государственную архивную систему, едва не потерялись после смерти И. Даудиша!

Своеобразно решался и вопрос выкупа Латвией в 2006 г. массива документов 15-й дивизии Латышского легиона СС, в которых могли содержаться свидетельства о военных преступлениях латышских легионеров СС на оккупированных территориях и в прифронтовой полосе. Ящик с документами был найден немецкими строителями в Берлине и продан – вероятно, с нарушением закона – некоему коллекционеру в Нидерландах. Международную комиссию для составления описи архива латвийские историки и дипломаты создавать не стали...

Стоит также вспомнить, что в Латвии, как и в любой другой стране, существуют «закрытые» архивные фонды. Это прежде всего касается ведомственных архивов. Думаю, российским историкам было бы интересно получить доступ, например, к фондам «Посольства Латвии в Вашингтоне» за 1941–1945 гг., который возможен, насколько известно, только с разрешения госсекретаря МИД Латвии. Также вряд ли любой «гражданский» историк, тем более из России, может запросто ознакомиться с архивом «Центра документирования последствий тоталитаризма» Бюро по защите Конституции Латвии.

И все же, как соотносилось желание официальной Риги создать двустороннюю российско-латвийскую комиссию историков с нежеланием обсуждать собственно историю Латвии? Представляется, что такая логическая нестыковка произрастала из противоречия, изначально заложенного в работу

самой Комиссии историков при Президенте Латвии. Его можно выразить следующим образом: «Мы про свою историю все сами знаем и в своих выводах с 1990-х гг. непоколебимы, а вот в России до сих пор нас “недопонимают”». То есть предметом обсуждения попытались сделать не сами страницы истории, полные малоизученных фактов, которые еще предстоит исследовать и обобщить в рамках различных историографических школ, а безоговорочное принятие российскими властями и научным сообществом «оккупационной» риторики в адрес СССР. При этом даже самой идее российско-латвийской исторической комиссии с самого начала противостояла глухая латышская «цеховая» оппозиция, предпочитающая вертеться в узких кругах единомышленников. Действительно, зачем же подвергать лишний раз внешней рецензии построенную за два десятка лет вертикаль национальных догм?

Латвийская сторона чрезвычайно быстро сформировала состав своей команды: уже 31 января 2011 г. в Рижском замке прошла встреча действовавшего состава латвийской комиссии историков с президентом Латвии Валдисом Затлерсом, на которой был оглашен список участников латвийской части двусторонней комиссии историков с Россией из 7 человек.

Можно констатировать, что официальная Рига решила «сыграть на обострение» в январе 2010 г., утвердив кандидатуру И. Фелдманиса в качестве руководителя Комиссии историков при президенте Латвии и создав административные предпосылки для его выдвижения на аванпост двусторонней комиссии историков. Подлили масла в огонь негативистские и запретительные жесты МИД и Бюро по защите конституции Латвии в адрес сотрудников российского фонда «Историческая память» зимой-весной 2012 г. При этом последовавшая осенью 2012 г. рокировка И. Фелдманиса и А. Зунды, по сути, ничего не поменяла.

Опасаясь срыва работы комиссии, но рассчитывая на «прочность позитивного впечатления», которое оставил о себе Валдис Затлерс в Москве, официальная Рига продол-

жала посылать националистическому электорату, эмигрантским кругам, Западу и России сигналы о том, что ни в коем случае не намерена отступать от догматов «оккупационной» риторики и претензий к современной России за совместный советский период истории. Показательным в этом плане можно считать выступление президента Латвии на 50-й конференции Объединенного балтийского американского национального комитета, состоявшееся в ходе рабочего визита в США 2 апреля 2011 г. Касаясь совместной комиссии историков, он заявил, что главной целью этой структуры станет изучение «преступлений Сталина против народа Латвии», подчеркнув при этом: *«Мы никогда не откажемся от факта, что в 1940 г. страны Прибалтики были оккупированы».*

Спустя год после прихода на должность главы государства Андриса Берзиньша, летом 2012 г., в Латвии обострилась обстановка в кругах провластных историков. Занимающий агрессивно-наступательную позицию по «оккупационной» риторике в адрес России И. Фелдманис постепенно утрачивал былое влияние. Его коллега, советник президента по вопросам истории и нацменьшинств А. Зунда с 28 июня 2012 г. лишился своей должности, занимаемой с 1998 г. Эту отставку можно связать с общей «политической изношенностью» советника по истории, а также его рекомендациями по «неосторожному» оправданию и восхвалению латышских легионеров СС, обернувшимися для президента-«прагматика» заметными репутационными издержками весной 2012 г., а также отсутствием у нового главы государства заикленности на историко-риторической проблематике.

* * *

В числе методов «понуждения» российского руководства к признанию «советской оккупации» и ответственности за нее официальная Рига некоторое время делала ставку и на распространение «эффекта Катыни» на латвийские исторические сюжеты. Как надеялись латышские эксперты, срав-

нение и уравнивание сталинских репрессий на территории Латвии («уничтожался цвет нации в лице офицерства, чиновничества, полицейского аппарата и айзсаргского актива») с громким «Катынским делом» поможет интернационализировать претензии латвийской стороны к России, задействовав заинтересованные структуры в Польше и США.

Первым публичным мероприятием в этом ключе стало издание на латышском языке и презентация 7 апреля 2011 г. в рижском «Музее оккупации» книги американского историка Аллена Пола «Катынь. Преступление Сталина и триумф истины». Представляя проект в «знаковом для латышей месте», посол Польши в Латвии Ежи Марек Новаковский подчеркнул заинтересованность Варшавы в популяризации своей версии истории в мире, выразившейся, в частности, в конкретном деле: польское диппредставительство выкупило авторские права у американца на латышскую публикацию его 582-страничной книги в издательстве «Zvaigzne ABC». В присутствии депутатов Сейма Латвии, чиновников и представителей дипкорпуса американец особо подчеркнул, что «у латышских офицеров была схожая трагедия в Литене».

Что же было в Литене? 27 августа 1940 г. решением СНК ЛССР и приказом командующего Прибалтийским особым военным округом А. Локтионова Латвийская армия была преобразована в 24-й территориальный корпус Красной армии в составе около 15 тыс. военнослужащих. До формирования корпуса в резерв были уволены 10 037 военнослужащих старой армии. При этом часть оставленных на действительной военной службе новых граждан СССР, особенно среди офицерского состава, расценивалась советским командованием как ненадежная, способная после начала войны с Германией не только на уклонение от активных боевых действий, но и на «удар в спину».

В начале июня 1941 г. 24-й территориальный корпус получил приказ выдвинуться на учения в летний тренировочный лагерь в Литене (Гулбенский район). 14 июня была проведе-

на акция по разоружению и аресту 430 латышских офицеров в Литенском учебном лагере и 130–135 – в Риге (часть из них к этому времени была уволена из армии). 11 офицеров, оказавших вооруженное сопротивление в тренировочном лагере, были расстреляны. В 2001 г. в Литене был открыт мемориал. Для создания представления о большей массовости репрессий (которые, безусловно, и без того могли восприниматься как трагическая страница истории) латышские историки применили расширительную формулу подсчета, согласно которой за 1940–1941 гг. те или иные репрессии затронули каждого шестого военнослужащего Латвийской армии улманисовского образца (включая уже демобилизованных рядовых-срочников и офицеров-отставников еще с 1920-х гг.) – около 4700 человек. Однако абсолютное большинство из них стали жертвами массовой депортации 14 июня 1941 г., а не расстрелов на месте или после ареста. Следует отметить, что до 14 июня всем видам репрессий подверглись около 300 офицеров, инструкторов и солдат, находившихся на действительной военной службе или недавно уволенных с нее.

Приравнение Литене к Катыни и сегодня остается одним из трендов латвийской исторической политики – вопреки несопоставимому количеству жертв среди латышских и польских офицеров, разнящихся на два-три порядка, а также тому, что репрессированные латыши не были военнопленными, а в значительной части состояли на службе в Красной армии. В этой связи можно ожидать раскручивание тезиса о необходимости покаянного признания Москвой «множества маленьких Катыней для латышей», символом которых призван стать мемориал в Литене.

* * *

Конкурирующей со «старыми» официальными историками структурой выступает Центр изучения социальной памяти (ЦИСП), созданный при Институте социально-политических исследований (директор Янис Икстенс) факуль-

тета социальных знаний Латвийского университета (ЛУ). Протокол о намерении создания этого центра на базе профессорско-преподавательского состава ЛУ в марте 2012 г. подписали министр культуры Ж. Яунземе-Гренде и ректор ЛУ М. Аузиньш. Создано специальное Общество в поддержку данного центра (председатель правления М. Капранс), на счетах которого планируется аккумулировать часть субсидий, пожертвований и средств из еврофондов на уставные цели и конкретные проекты нового центра.

Не удивительно, что только еще создаваемый ЦИСП успел подвергнуться острой критике из уст официальных академических историков, стерегущих свое монопольное положение, за «неприемлемый политологический уклон», а со стороны национал-радикалов на страницах газеты «Latvijas avīze» – за «риск размывания устоявшихся исторических позиций». Однако центр парировал эти выпады открывающимися возможностями для «междисциплинарных экспертиз» в интересах МИД и Минкультуры Латвии, выходящих за рамки узких исторических интерпретаций. Разрядить обстановку также было призвано обещание ЦИСП наладить рабочие взаимоотношения с историко-философским факультетом ЛУ.

Также В. Зелче решительно отвергает все упреки националов и догматиков в «нестойкости взглядов», указывая в своих интервью, что намерена сосредоточиться на борьбе, пусть и не всегда прямолинейной, с «советско-российским засильем» в социальной памяти латышей и латвийцев. Более того, она подчеркивает, что удостоилась доверия и поддержки со стороны американцев, получив престижный грант для полугодовой стажировки в США и подготовки книги о «войнах памяти» между Россией и странами Балтии.

Основатели и активисты ЦИСП предложили президенту Латвии «более хитрую», чем «академики», концепцию получения политических дивидендов и избегания имиджевых потерь от эксплуатации военно-исторической тематики. В ее основе лежит идея выделить небольшую часть «лояльных»

ветеранов-красноармейцев местного происхождения (как правило, этнических латышей) и организовать их публичное «примирение» с легионерами СС, на основе признания континитета Латвийской Республики и «оккупационных» постулатов. Софистическая формула «примирения» предложена следующая: *«Ни легионеры, ни красноармейцы не воевали под правильными знаменами, но и у тех, и у других основной враг был правильный!»* Пропагандистский эффект от реализации этой затеи рассчитан не только на внутреннюю аудиторию, но и на внешнюю: Латвия-де уже все встречные шаги по примирению в обществе сделала, «мяч» на стороне России.

24 октября 2013 г. президент Латвии Андрис Берзиньш в ответ на предложение министра-радикала Яниса Борданса снести памятник советским воинам – освободителям Риги от немецко-фашистских захватчиков заявил: *«Человек, занимающий пост министра юстиции, а также временно и министра культуры, не может себе позволить такие выступления. Поступки Борданса неприемлемы»*³⁵³. Впрочем, примирительные инициативы самого президента также буксуют. После ряда встреч с советскими ветеранами и лицами, воевавшими на стороне гитлеровской Германии, глава Латвийского государства так и не смог выдвинуть проект соглашения, устраивающий все стороны. Попытки же правящих кругов построить примирение на принципе «обоюдно-насильственного и преступного призыва латышей как в Красную армию, так и в Ваффен-СС», не нашли поддержки у ветеранов.

* * *

В феврале 2013 г. в Латвии разразился скандал вокруг поправок к Закону о научной деятельности, которые возлагали бы на ученых обязанность прекращать свои исследования, если они, по заключению спецслужб, могут создать угрозу национальной безопасности. Эти поправки вызвали широкое возмуще-

³⁵³ Newsru.com, 24 октября 2013 г.

ние в научно-академических кругах, прежде всего за рубежом. Руководство специальных служб Латвии неоднократно давало понять, что рассматривает общественные науки (прежде всего – историю) как фактор «национальной безопасности»³⁵⁴. Однако если ранее внимание латвийских спецслужб было обращено на предотвращение «подрывной» деятельности зарубежных ученых (в основном из России, Белоруссии и КНР), то в начале 2013 г. была предпринята попытка взять под особый контроль любую научную деятельность в республике.

Так, 14 февраля 2013 г. Сейм Латвийской Республики принял поправки к закону «О научной деятельности» (55 голов из 100 имеющихся депутатов парламента), устанавливающие и регламентирующие плотную опеку спецслужбистов за исследовательской работой ученых, над выдвижением гипотез и свободным выражением мнений. В поддержку таких поправок проголосовали депутаты входивших в правящую коалицию партий («Единство», «Партия реформ», «Национальное объединение»).

Согласно внесенным в закон изменениям, в Латвии наука определена в качестве особо важного фактора национальной безопасности (ст. 2–1). В новой редакции закона значилось, что неперменной обязанностью латвийского ученого является *«прекратить научные исследования, если они, по заключению учреждений государственной безопасности, могут создать угрозы национальной безопасности»* (ст. 6, п. 5). Отметим, что, согласно этому положению, заключение об опасности научного исследования закреплялось не за ученым или научным сообществом, а за спецслужбами. Новые предписания должны были коснуться директоров научных учреждений, которые обязывались по запросу спецслужб информировать их «об осуществляемых и заявленных

³⁵⁴ См., например, интервью директора Бюро по защите конституции Латвии Яниса Кажоциньша: «С Россией надо бороться, разъясняя историю Латвии» // rus.delfi.lv, 29 марта 2012 г.

для финансирования исследовательских проектов, а также об участии иностранных исследователей в проводимых институтом исследовательских проектах и об участии ученых в осуществляемых исследовательских проектах в иностранных государствах».

Латвийские спецслужбы также закрепляли за собой возможность принимать участие в работе Научного совета Латвии, причем последний при принятии решений по вопросу, *«который затрагивает сферу национальной безопасности и охраны государственных секретов»*, должен учитывать заключения спецслужб (ст. 15, п. 4–5). Согласно поправкам, научные учреждения Латвии могли быть лишены своего научного статуса и исключены из государственного регистра научных учреждений в случае, если в распоряжении спецслужб *«имеется информация о такой деятельности научного учреждения, которая создает угрозу национальной безопасности»* (ст. 32, п. 1–31). Исключение из регистра научных учреждений означает лишение права на получение государственных дотаций, права на участие в местных и международных конкурсах, предусматривающих дотации из местных бюджетов, права на ведение преподавательской деятельности и на участие в повышении научной квалификации.

То есть, благодаря поправкам к закону *«О научной деятельности»*, спецслужбы Латвии получили бы право на прямое вмешательство в научную деятельность, в том числе возможность влиять на принятие решений о целесообразности проведения научных разработок, прекращать научные исследования и закрывать научные учреждения под предлогом *«угрозы национальной безопасности»*.

Очевидно, что предоставленные спецслужбам права прямо нарушали фундаментальные принципы академической свободы, в том числе право преподавателей и научных сотрудников развивать свою область знаний и выражать свою точку зрения без боязни притеснений или увольнения с работы. Благодаря поправкам в закон *«О научной деятель-*

ности» спецслужбы Латвии получили бы возможность во внесудебном порядке осуществлять преследование «неудобных» ученых и научных учреждений.

Не вызывает сомнения, что первыми давление спецслужб ощутили бы на себе представители общественных наук. После принятия поправок в закон «О научной деятельности» под ударом оказывались прежде всего латвийские негосударственные научные структуры и все представители общественных наук, высказывающие идеи, не совпадающие с официальной государственной идеологией.

В этой связи сотрудники фонда «Историческая память» выступили со специальным заявлением и начали сбор подписей против этих поправок для привлечения внимания международной научной общественности под петицией «За академическую свободу в Латвии» на специализированном сайте www.thepetitionsite.com. Этот шаг вызвал резонанс в латвийских СМИ, общественных и научных кругах. Посыпались упреки в том, что против засилья местных спецслужб выступают только «недрузи Латвии»: *«Интересно то, что самими первыми встревожились вовсе не молодые латвийские ученые, а признанный нежелательной для Латвии персоной российский историк Владимир Симиндей и местный активист “неграждан” [...] Александр Гапоненко»*³⁵⁵. Показательно переиначивалась в латышской прессе и вполне понятная мотивация неприятия нами нарастающего давления латвийской госбезопасности (с учетом уже ставшего печальным фактом блокирования физической возможности работать в рижских архивах и очного участия в научных мероприятиях): *«Мотивацию бывшего сотрудника российского посольства Владимира Симиндея понять гораздо проще – это возможность в очередной раз использовать неуклюжесть Сейма, чтобы испачкать в международном плане образ Латвии»*³⁵⁶.

³⁵⁵ Latvijas avīze, 27 февраля 2013 г.

³⁵⁶ Там же.

Несколько позднее, действительно, молодые латвийские ученые по инициативе докторантов Ольги Процевской и Густава Стренги выступили с открытым письмом к властям Латвии с призывом не утверждать данные поправки, так как они «угрожают академической свободе и вводят неприемлемый при демократии контроль служб безопасности за академическими исследованиями». Против поправок выступила и оппозиционная фракция «Центр согласия» в Сейме.

В результате «некачественно» подготовленного документа и явно негативного общественного резонанса как в Латвии, так и за рубежом президент Латвии Андрис Берзиньш 22 февраля 2013 г. вернул его на повторное рассмотрение в Сейм с формулировкой, включающей в себя следующий иронический пассаж: *«Хотя интересы научной деятельности и национальной безопасности действительно нередко соприкасаются, однако национальная безопасность не является и не может быть в законе определена в качестве цели всей научной деятельности»*³⁵⁷. Следует отметить, что и после такого афронта депутаты от «Национального объединения» не раз выражали надежду – при благоприятных условиях – попытаться протащить через Сейм те же по сути поправки, затрагивающие фундаментальные основы свободы слова в науке.

Другим полем проявления активности спецслужб стало преследование отдельных ученых и публицистов, чьи взгляды и высказывания вызывают острое неприятие влиятельных националистических кругов. Среди примеров – попытки преследования Сергея Крука (Университет им. Страдыня), Андрея Бердникова (ЛУ), Александра Гильмана³⁵⁸.

³⁵⁷ Из письма Президента ЛР А. Берзиньша к председателю Сейма ЛР С. Аболгине с требованием повторного рассмотрения поправок к Закону о научной деятельности от 22 февраля 2013 года: president.lv, 25 февраля 2013 г.

³⁵⁸ Так, 29 июня 2012 г. Полиция безопасности ЛР возбудила уголовное дело (процесс) по статье 74(1) Уголовного закона против экс-депутата Рижской думы А. Гильмана, утверждавшего в одной из своих публикаций на примере истории своей семьи, что депортацию его еврейских родственников из Латвии 14 июня 1941 г. организовывали люди латышской национальности. Дело не было доведено до суда.

* * *

В последнее время латвийские власти также приняли некоторые решения, заметно влияющие на текущую государственную историческую политику. Так, 5 ноября 2013 г. правительство Латвии возобновило работу Комиссии по подсчету ущерба от так называемой «советской оккупации». Лоббистом данного решения выступило Министерство юстиции, контролируемое национал-радикалами из «Национального союза». Финансирование деятельности комиссии, прерванное из-за кризиса с 1 августа 2009 г., получило поддержку фракций правящей коалиции в Сейме. Состав комиссии подчеркивает ее государственный статус: среди ее членов – представители прокуратуры, министерств экономики, обороны, иностранных дел и регионального развития, а также Военного музея, Центра исследования Балтии и Севера, «Музея оккупации», «Общества исследования оккупации», Латвийского университета. О мотивации воссоздания «умершей» комиссии еще в 2012 г. поведал министр юстиции Я. Борданс. По его мнению, ответственной за «советскую оккупацию» Латвия считает правопреемницу Советского Союза – Россию.

20 августа 2014 г. приступила к работе Комиссия по изучению документов КГБ при Совете министров ЛССР (18 историков, юристов, философов и социологов) во главе с членом Комиссии и историком при Президенте ЛР Карлисом Кангерисом. Комиссия, созданная распоряжением правительства, призвана изучить в 2015–2018 гг. и опубликовать после 31 мая 2018 г. сохранившиеся в Латвии документы КГБ, дать обществу свое представление о деятельности этой организации (однако уже сейчас априори заявляется, что «репрессиям КГБ напрямую подверглись 200 000 человек, а косвенно они затронули примерно восьмую часть жителей Латвии»³⁵⁹). Во сколько раз «увеличат» количество жертв КГБ зампреда комиссии Ритварс Янсонс и ее член Бонифаций Даукштс, особо

³⁵⁹ BNS, 8 декабря 2014 г.

известные своей неумеренностью в преувеличениях цифр и передергивании фактов, остается только предполагать.

Следует отметить некоторую административную хаотичность в действиях власти по поводу комиссии: сначала «общественную» комиссию подчинили Министерству образования и науки, но вскоре переподчинили Министерству юстиции; деньги на работу выделили почему-то из фондов на непредвиденные расходы. 8 декабря состоялась встреча членов комиссии с президентом Латвии Андрисом Берзиньшем, по итогам которой пресс-служба Госканцелярии распространила сообщение, в частности, о том, что глава государства выразил *«твердую поддержку проделанной комиссией и планируемой работы»*, однако *«Комиссия по изучению документов КГБ Латвийской ССР сомневается в достаточности финансирования и научности исследований после смены ее подчиненности»*³⁶⁰.

12 сентября 2014 г. участники латвийско-российской комиссии историков со стороны Латвии объявили о своем решении приостановить работу в ней. Такой шаг подается как ответ на события вокруг Украины и мотивируется некими «моральными соображениями», без расшифровки таковых. Тут уместно задать риторический вопрос: «Разве кто-то из российских членов комиссии поехал воевать?» Однако есть и другая трактовка данного демарша: задействованные в комиссии латвийские историки не смогли добиться от своего правительства сколь-нибудь существенного дополнительного финансирования этой затеи, поэтому энтузиазм в отношении этого формата довольно быстро иссяк. Оказались завышенными как ожидания от архивных находок в Москве, так и желаемый пропагандистский эффект. Поэтому, как представляется, и воспользовались надуманным украинским поводом для сворачивания деятельности двусторонней комиссии.

³⁶⁰ Комиссия по изучению документов КГБ ЛССР сомневается в достаточности финансирования // rus.delfi.lv, 8 декабря 2014 г.

Тем не менее в 2015 г. с подачи латвийских властей планируется существенное увеличение пропагандистской активности латышских официальных историков и создаваемых «под них» структур в одностороннем и многосторонних антироссийских форматах. Они призваны сосредоточиться на продвижении в латвийском обществе и за рубежом специфических интерпретаций прошлого, «накоплении» псевдоисторических претензий к России и дискредитации «неудобных» исследований российских историков. Одним из основных источников финансовых вливаний в эти структуры, как ожидается, станут евроатлантические фонды и структуры, спонсирующие антироссийские и, по сути, националистические проекты, которые лишь для проформы прикрыты проевропейской риторикой.

* * *

Приведенный выше обзор структурно-функционального и содержательного анализа данной темы показывает, что историческая наука в современной Латвии подвергается существенному давлению со стороны государства, задающего жесткие идеологические рамки интерпретации событий XX века и инструментально вмешивающегося в научную работу. Модель «единственно верного» объяснения исторических событий зафиксирована рядом деклараций Сейма ЛР и решений правительства, постоянно «разъясняется» историкам в заявлениях государственных деятелей. В этой ситуации говорить о достаточной свободе исторической дискуссии в Латвии по «проблемным» вопросам истории XX века не приходится. Впрочем, ряд латвийских историков сохраняет ту или иную степень резистентности к государственному воздействию на ученое сообщество, но мало кто из них отваживается открыто возражать против навязывания «догматов».

Таким образом, с целью «обоснования» сформулированных на государственном уровне историко-идеологических тезисов в Латвии создана сложная система учреждений, осуществляющих интеллектуальное «сопровождение» концеп-

ций «советской оккупации» и «советского геноцида». Это, в свою очередь, привело к созданию довольно замкнутой группы официальных историков, позиционирующих себя как хранителей латвийской «исторической правды». Представители этой корпорации сохраняют свои политические позиции даже при ротации находящихся у власти элит (так, например, Антонийс Зунда последовательно занимал должность советника по вопросам истории при президентах Вайре Вике-Фрейберге, Валдисе Затлерсе и Андрисе Берзиньше), а их конкуренты (Вита Зелче и др.) отличаются лишь явным креном в сторону смежных с историей социально-политических дисциплин и предложением, как им кажется, более «хитрой» тактики по манипуляциям социальной памятью.

Получая поддержку со стороны национал-радикальной части политического класса страны, официальные латвийские историки имеют также возможность если не полностью блокировать, то «притушить» острые научные дискуссии по «проблемным» вопросам истории.

В заключение нужно сказать, что сохранение рабочих связей историков России и Латвии, несмотря на сворачивание деятельности двусторонней комиссии, является важным достоянием научного сообщества. Хотелось бы, чтобы наше дальнейшее сотрудничество в рамках отдельных исследовательских, конференционных и издательских проектов продолжилось, несмотря на политические препятствия.

Войны XX века и «национальная предыстория» в латвийских учебниках

Поощрение в Латвии на государственном уровне анти-русской и русофобской пропаганды (в том числе с помощью преднамеренного полного отождествления России и СССР периода 1930-х – 1950-х гг.) оказало существенное воздействие не только на академическую и университет-

скую историческую науку, но и на содержание преподавания школьных курсов истории. Внимательное изучение учебной литературы, изданной за последнюю четверть века, показывает, что у латвийских учащихся должно складываться весьма своеобразное представление об образах латышей, восточных славян, Руси, русских и России, особенно в период мировых войн XX века. Мы постарались на основе анализа и синтеза материалов из достаточно широкого массива учебников сделать квинтэссенцию, своего рода «визитную карточку» официальной латвийской истории для учащихся. И только от совести учителя все эти годы зависело и зависит, будет ли он на уроках сглаживать острые углы негативистских формулировок и провокационные утверждения из учебников и пособий или, наоборот, поведет «натаскивание» в их русле.

* * *

Как же выглядит этноцентрично-краеведческая картина мира согласно школьным учебникам Латвии?

Во II тысячелетии до н. э. на территории нынешней Латвии распространились поселения «прямых предков латышей – племен балтов». К концу I тысячелетия до н. э. эти племена населяли *«часть современной Польши, территории Калининградской области, Белоруссии, Литвы, Латвии, а также Псковской и Смоленской областей»*. Когда на территорию современной России «позднее пришли славянские племена, жившие там балты смешались со славянами»³⁶¹. «В результате экспансии славян», как предполагают ученые, были вытеснены в Латгалию восточные балты, из которых затем выделились латгалы³⁶².

³⁶¹ Курлович Г., Томашун А. История Латвии для основной школы. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 17–20; Кениньш И. История Латвии. Учебник для 8–9-х классов. Рига: Звайгзне, 1990. С. 21.

³⁶² Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīga, «Zvaigzne ABC», 1999. 44. lpp.

С древнейших времен латышский народ отличался особой музыкальностью. Латышских народных песен «сохранилось так много, как ни у одного другого народа на свете»³⁶³. Жители прибрежных районов славились своим умением строить лодки и корабли. Большого мастерства достигли предки латышей и в изготовлении ювелирных изделий.

Большое внимание уделяется «славянской и русской экспансии» в период раннего Средневековья, ее «геополитическому» характеру. Показательно, что даже набеги викингов подаются как «сговор» со славянами: приводится адаптированное переложение саги (без указания атрибутов и четкой «привязки» к Латвии) о том, что в V веке некий Старкадар вместе со славянским правителем Вино отправился в военный поход против народов, проживавших на побережье Балтики³⁶⁴. Волну «экспансии против народов балтов и балтийских финнов» связывают с начавшимся в VI–VIII веках движением славянских племен, при этом подчеркивается, что ареал балтов в Восточной Европе значительно сократился.

«Геополитическое» положение Латвии способствовало развитию морских и речных торговых путей, однако привлекало внимание к удобным гаваням различных захватчиков. Соседи, чужие племена и народы, многократно пытались покорить предков латышей, но всегда получали достойный отпор. Им приходилось героически сражаться против захватчиков из Руси, которые пытались забрать земли вдоль Даугавы. Русские князья стремились подчинить латгалов, ливов и эстов³⁶⁵. При этом латгальские земли, «возможно», находились в зависимости от Новгородского и Полоцкого княжеств³⁶⁶.

³⁶³ Курлович Г., Томашун А. История Латвии... С. 27.

³⁶⁴ Кениньш И. История Латвии. С. 45.

³⁶⁵ См.: Курлович Г., Томашун А. История Латвии... С. 38–41.

³⁶⁶ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Основные вопросы истории Латвии. Учебное пособие. Рига, «Zvaigzne ABC», 2002. С. 20.

В целом вопрос о вассально-даннической зависимости древнелатвийских племен от Руси и образования на их территории протогосударств подается крайне туманно. С одной стороны, утверждается, что *«под влиянием Руси на землях, которые населяли латгалы, образовались ряд небольших государств – Ерсика, Кокнесе, Талава»*³⁶⁷, с другой стороны, подчеркивается, что владения правителей замков лишь *«походили на мелкие государства»*³⁶⁸, а *«степень политической организации балтов на территории Латвии все же нельзя идентифицировать с феодальными государствами западноевропейского типа»*³⁶⁹. При этом «задним числом» реконструируется образ мыслей правителя Ерсика Висвалдиса, который *«хотя и считался вассалом полоцкого князя, все же стремился сохранить свою независимость»*³⁷⁰. Между тем тесные контакты с Полоцким, Псковским и Новгородским княжествами (в латышском языке закрепилось за русскими название «krievi» – «кривичи») оказали существенное влияние на латгалов, часть земгалов и ливов. Так, в учебниках вскользь сообщается о принятии из Руси православия и заимствовании лексики, связанной с христианством: *«в XII веке в Ерсике и Кокнесе уже действовали православные церкви, в которых богослужение вели как русские, так и латгальские священники»*³⁷¹, *«в латышском языке очень многие слова, обозначающие понятия христианского культа, заимствованы из языка православных славян»*³⁷². При этом в учебнике Г. Курловича и А. Томашунса помещена карта региона под заголовком «Приход христианства на территорию Латвии в IX–XIII веках», на которой жирными черными стрелками,

³⁶⁷ Кениньш И. Цит. соч. С. 33.

³⁶⁸ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 41.

³⁶⁹ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa, 49. lpp.

³⁷⁰ Кениньш И. Цит. соч. С. 50.

³⁷¹ Там же. С. 32.

³⁷² Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 20; см. так же: Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa, 66. lpp.

в отличие от пунктирных с Запада, изображен «натиск» православия³⁷³.

Предки латышей почти целый век храбро сражались за независимость, но «подчинение балтов и прибалтийских финнов в XIII веке было закономерным результатом геополитических игр между западноевропейской (германской) и восточноевропейской (славянской) христианскими цивилизациями». В результате победило западноевропейское направление экспансии³⁷⁴. Несмотря на героическое сопротивление древних латышей, длившееся почти столетие, в течение XIII века все же возобладала немецкая сила: только в «безвыходной ситуации» принималось предложение о сдаче. При этом недвусмысленно намекается на «предательство» русских князей в ходе борьбы древнелатышских племен с немцами, вне контекста событий и обычаев того времени: «*Войска новгородского и псковского князей все чаще вторгались в Талаву. Таким образом, оставшись без союзников, латгалы в 1214 г. сдались крестоносцам*»; «*Понимая, что полоцкий князь не в состоянии помочь в борьбе с немецкими захватчиками, правитель Кокнесе Ветсеке заключил в 1205 г. мирный договор с епископом Альбертом*»³⁷⁵.

Господство иноземцев в Латвии длилось до свершения многовековой мечты латышей – создания независимого национального государства. Латышский народ, являющийся «основной нацией Латвийской Республики», образовался в XIII–XVII веках в процессе этнической консолидации куршей, земгалов, селов и латгалов, а также частично – в результате ассимиляции ливов³⁷⁶. Крестьяне сохранили духовные ценности своего народа, народное искусство.

³⁷³ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 44.

³⁷⁴ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa, 67., 68. lpp.

³⁷⁵ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa, 68. lpp.; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 50; Кениньш И. Цит. соч. С. 50.

³⁷⁶ Там же, 46. lpp.

Несмотря на продолжавшееся 700 лет угнетение латышей, период владычества шведов иногда называют своего рода «золотым веком» в истории Латвии, а «Курземско-Земгальское» (Курляндское) герцогство даже имело свои заморские колонии (Тобаго и земли на территории Гамбии).

Централизация России как крупного государства с «агрессивными устремлениями» повлекла за собой настойчивые попытки овладеть прибалтийскими землями. Ливонская война принесла «*неслыханные бедствия латышскому народу*»³⁷⁷: русскими были «*полностью разграблены и сожжены*» не только замки и немецкие поместья, но и крестьянские хозяйства латышей, а их самих «*безжалостно убивали*»³⁷⁸. Лишь из-за плохой организации русские вынуждены были уступить Ливонию Речи Посполитой и Швеции. При этом русские виноваты в том, что латышские крестьяне получили, помимо оставшихся немецких баронов, еще и новых господ, а вольный город Рига сдался полякам³⁷⁹.

Еще большее разорение Латвии русские совершили при Петре I: «*На завоеванной территории русские войска занимались грабежом, поджогами, убивали или уводили в плен местных жителей*»³⁸⁰. При изложении материала о развертывании Северной войны между Россией и Швецией, по итогам которой к России была присоединена территория «Видземе», акцент делается на «заявлении» царя Петра I о том, что он «*прорубит окно в Европу*», а также на «опустошительном» вторжении в Лифляндию (Видземе). Школьники должны знать о неких «особых военных отрядах», «рыскавших» по Латвии в поисках еще не разграбленных и несожженных селений, чтобы нанести шведам наибольшие потери³⁸¹. Разо-

³⁷⁷ Кениньш И. История Латвии. С. 76.

³⁷⁸ Курлович Г., Томашунс А. История Латвии... С. 89.

³⁷⁹ Там же, С. 89–90.

³⁸⁰ Кениньш И. История Латвии. С. 106.

³⁸¹ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 108–109.

рение региона продолжалось еще несколько лет и достигло «невероятных размеров». Судьбу Лифляндии решила битва под Полтавой в 1709 г., в ходе которой Петр I нанес окончательное поражение главным силам шведов. Это позволило осадить Ригу, и 4 июля 1710 г. город сдался. В 1721 г. в финском городе Ништадте был заключен мирный договор между Россией и Швецией, по которому Видземе (Лифляндия) была «официально инкорпорирована» в Российскую империю. «Курземско-Земгальское» герцогство также попало под полный контроль России³⁸².

При рассмотрении вопроса об «инкорпорации Латгале» в состав России указывается, что это произошло в результате первого раздела Польши в 1772 г. Три великих державы «использовали государственную слабость и внутреннюю нестабильность Польши», проведя еще два раздела Речи Посполитой (в 1793 и 1795 гг.), в результате чего Польское государство перестало существовать. Указывается на то, что «инкорпорация» Латгале легализовала фактическую зависимость «польских восточных территорий» от России после Северной войны. И делается вывод: «В результате раздела Польши углубилась обособленность Латгале от остальной населенной латышами территории»³⁸³. Обращается внимание на то, что российские войска после Северной войны не покинули территорию герцогства и остались там «для гарантирования безопасности герцогини [Анны Иоанновны]». Указывается на совпадение интересов России, желавшей расширить свои владения и получить важные порты на Балтике – Вентспилс и Лиенау [Виндаву и Либаву], и курляндского дворянства, осознававшего необходимость крепкой власти для подавления бунта и контроля над крестьянами. При этом подчеркивается, что Россия воспользовалась хо-

³⁸² Кенины И. Цит. соч. С. 106, 107; Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 40; Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa, 173–174. lpp.

³⁸³ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa, 179. lpp.

зайтвенно-политическим упадком, царившим в герцогстве, для захвата новой территории, «вынудив Петра Бирона за огромную сумму денег отказаться от герцогства»³⁸⁴. С присоединением Латгале вся территория Латвии оказалась в составе России, однако «раздробленность Латвии» сохранилась, так как «латышские земли» были включены в состав трех различных губерний – Лифляндской, Курляндской и Витебской.

Присоединение Латвии к России в XVIII веке лишь ухудшило положение латышских крестьян и усилило отъединенность Латгалии, ставшей частью Витебской губернии³⁸⁵. Латышский народ испытывал «двойной национальный гнет» – как со стороны немецких помещиков и священников, так и от русского правительства и чиновников, которые пытались «спаивать» крестьян. При этом в 1817 и 1819 гг. крестьяне, соответственно, Курляндии и Лифляндии стали лично свободными, но безземельными. Такие действия властей породили череду крестьянских восстаний и в последующем – массовый переход крестьян в православие (в надежде на землю), а также отток сельского населения в города. Только в 1849 г. правительством был серьезно ограничен произвол помещиков и введено право выкупа земли: «Помещикам следовало смириться с мыслью, что латышским крестьянам может принадлежать земля». В 1861 г. крепостное право было отменено и в Латгалии³⁸⁶. Отмена крепостного права и барщины, дозволение выкупать землю и хутора, проведенные царским правительством реформы управления, первые ростки «духовного возрождения» «постепенно ликвидировали прежнее бесправное положение латышей». Росло благосостояние крестьян, которые начали отдавать своих детей

³⁸⁴ Кениньш И. Цит. соч. С. 116–117; Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa, 179–180. lpp.; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 116.

³⁸⁵ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa, 179. lpp.

³⁸⁶ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 129–135.

в высшие учебные заведения, читали книги и календари. При этом «угнетатели» недооценивали латышский народ, неудержимо стремившийся к знаниям и способный выдвинуть из своей среды выдающихся ученых, писателей, поэтов, художников и музыкантов³⁸⁷.

Индустриализация в прибалтийских губерниях, во второй половине XIX века превратившая Ригу в третий по величине промышленный центр Российской империи, привела к социальной напряженности, способствовала распространению социалистических идей. Подчеркивается, что она сопровождалась русификацией. Рост опасений правительства в нелояльности немецкого дворянства (по примеру польского) и влияние славянофилов, выступавших с «идеей единой России», привели к большому государственному вмешательству в жизнь Курляндии, Лифляндии и Эстляндии. Этому способствовали и призывы отдельных прибалтийских немцев начать онемечивание латышей и эстонцев. Санкт-Петербург в ответ разрешил деятельность латышских обществ, что обострило «отношения немцев и латышей в кругах образованных людей». Польстившейся на дуновения перемен малочисленной латышской интеллигенции после обострения ссоры с немцами пришлось искать соответствующую работу в других российских губерниях. На смену немецкому засилью в официальных учреждениях и школах пришла русификация: «латышский язык находился под практически полным запретом», в Латгале (после польского восстания 1863 г.) было запрещено книгопечатание латинским шрифтом. Дозволение использовать только «русский алфавит» трактуется следующим образом: «Почти 40 лет латгальцы оставались без книг на своем языке»³⁸⁸.

³⁸⁷ Кениньш И. Цит. соч. С. 223; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 138, 149.

³⁸⁸ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 151, 152; Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa, 185.–187. lpp.

Особое внимание в учебниках уделяется «национальному пробуждению» латышей («Атмода»), начало которому положило «движение за осознание, сбережение и защиту латышского языка и народа». Рассказывается о кружке «младолатышей», о стремительном культурном подъеме, проявившемся в создании сети национальных культурно-просветительных, певческих и хозяйственных обществ, печатных изданий, в развитии театрального искусства и литературы. Просветитель Агис Кронвалд совершенствовал родной язык, создав новые для латышей слова: поэзия, история, страсть, тетрадь, письмо, Отечество и др. Выделяется большое значение для «Атмоды» «самой радикальной газеты» – «Петербургас Авицес», создания Рижского латышского общества в 1868 г., а также проведения первого всеобщего Праздника песни латышей в 1873 г. Упоминается о том, что в 1870-е гг. произошел первый раскол среди идеологов «Атмоды» (часть из них не считала нужным бороться против русификации). В целом царская национальная политика в 1860-е – 1880-е гг. не только допускала некоторую оппозицию балтийским немцам, чтобы способствовать русификации, но и задествовала консервативные немецкие круги для недопущения национального возрождения латышей. Но она потерпела крах, так как идеи «Атмоды» успели глубоко укорениться и повлиять на формирование национально-государственного самосознания латышей³⁸⁹.

В контексте национально-освободительной борьбы рассматриваются события «первой народной революции» 1905 г. Ученики должны усвоить, что в Российской империи у латышского народа не было подлинной свободы вероисповедания, были ограничены возможности высказывать свои взгляды в прессе, создавать общества, занимать высокие должности в государственных учреждениях. Полити-

³⁸⁹ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa, 218.–224. lpp.; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 142, 144; Кениньш И. Цит. соч. С. 223.

кой правительства были не удовлетворены все слои общества, в том числе предприниматели. Они требовали большей свободы, а во многих местах – и права на самоопределение, «ибо осознали, что многие проблемы в государстве возникают из-за неправильной национальной политики». Революция 1905 г. стала самым широким народным движением в Латвии. Латыши особенно тяжело испытывали на себе наложенные российским государственным строем ограничения гражданских свобод и политику русификации, а также все еще привилегированное положение балтийских немцев на селе и отчасти в городах. В 1904 г. на основе нелегальных кружков была создана Латышская социал-демократическая рабочая партия. Признается, что она «сначала была более популярной», чем Латышский социал-демократический союз, «признававший национальные интересы и частную собственность на землю». В Латвии происходили массовые демонстрации, забастовки, столкновения с полицией и армией, поджоги поместий, погромы водочных лавок. В ответ царское правительство развернуло жестокие репрессии, сжигало дома и отнимало имущество. Сообщается, что карательными экспедициями³⁹⁰ и военно-полевыми судами почти без всякого сопротивления (действовали лишь «лесные братья») и расследования «были убиты, заключены в тюрьмы и сосланы в Сибирь 10 тыс. человек». Внимание учеников акцентируется на том, что среди понесших наказание было очень много народных учителей, так как во время революции «они были активными организаторами сопротивления». Не без гордости отмечается, что во время «первой народной революции» в России революционеры Латвии были одними из самых активных борцов против царской власти. Подчеркивается, что борьба латышского народа

³⁹⁰ Экспедиция по подавлению вооруженного сопротивления под руководством генерала Орлова без указания источников и разъяснения причин названа «черной сотней». См.: *Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А.* Цит. соч. С. 51.

против царя и немецких помещиков означала борьбу за свое национальное освобождение, против онемечивания и русификации. Констатируется, что именно под воздействием революции 1905 г. в сознании народа утвердилась «идея самоопределения латышей».

Царское правительство было вынуждено уступить некоторым демократическим требованиям. Вместе с тем после революции оно *«всячески способствовало переселению латышей в Россию, особенно молодежи, которая желала учиться»*. Также отмечается волна эмиграции латышей на Запад. Констатируется, что после 1905 г. *«возросло доверие царского правительства к немецкому дворянству, позиции которого вновь укрепились»*³⁹¹. В учебниках подробно описывается бедственное положение латышей и их родины с началом Первой мировой войны, приводятся ошибки и возможные злонамеренные действия царских властей. Описывается принудительная эвакуация в 1915 г. всех мужчин 18–45 лет из Курземе, уничтожение отступавшими русскими войсками посевов и домов, вывоз во внутренние районы России *«около 500 промышленных предприятий, из которых после войны было возвращено только 42»*. Правительство якобы не заботилось о беженцах, которых покинуть родину *«заставили силой русские войска»* и *«в товарных вагонах развезли по всей России»*. Помогать им вызвался созданный в Петрограде Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам, который *«в то время являлся единственной руководящей организацией всего латышского народа»*.

Утверждается, будто русские войска *«оставили Курземе и Земгале без серьезного сопротивления врагу; казалось, что они не считали эту территорию своей землей, за которую стоило сражаться»*. Именно с этим связано появление в латышском обществе идеи создания латышских войсковых

³⁹¹ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa, 241.–244. lpp.; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 170–172.

подразделений. Вслед за тирадой о том, что «царское правительство не доверяло малым национальным меньшинствам Российской империи, но уступило требованиям латышской общественности и согласилось на создание латышских стрелковых батальонов, а позднее полков», рассказывается об утверждении в июле 1915 г. правил формирования батальонов и публикации воззвания «Собирайтесь под латышские знамена!». Учащимся, вопреки общеизвестным фактам, внушается, что части латышских стрелков были «первыми национальными войсковыми подразделениями в армии царской России». Описываются храбрость латышских стрелков и их «бессмысленные» потери на фронте, без внятной критики приводится слух о том, что «верховное командование русской армии сознательно стремилось уничтожить латышские полки»³⁹².

В латвийской школе подчеркивается, что Февральская революция 1917 г. открыла «широкие возможности для автономии живущих в России народов»³⁹³. Ученикам сообщается, что после Февральской революции мнения о дальнейшей судьбе Латвии были разными. Временное правительство считало Латвию неотъемлемой частью России, у населения которой не могло быть никаких прав на самоопределение. Крупнейшей латышской партией того времени была ЛСДРП, которая раскололась на две группы – большевиков и меньшевиков. Большевики считали, что Латвия должна быть в составе России. Они были убеждены, что большевики должны взять всю власть в России, а также в Латвии, действуя в соответствии с учением Карла Маркса о государстве диктатуры рабочих. Меньшевики «в большей мере защищали интересы латышского народа». Они требовали автоно-

³⁹² Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 52–54, 57; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 172, 176, 177.

³⁹³ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2007, 28. lpp.

мии для Латвии, «чтобы латышский народ на своей земле мог свободно выбирать путь своего хозяйственного и культурного развития». Позднее они примкнули к сторонникам идеи независимого Латвийского государства и окончательно порвали с большевиками³⁹⁴.

Октябрь 1917 г. обострил военное и внутривластное положение в России, которое «не позволяло большевистскому правительству проводить империалистическую политику». Но большевики «не отказались от имперской идеи, лишь замаскировав ее интернационализмом и тезисом о праве наций на самоопределение». В учебниках признается, что сразу же после революции в Петрограде в неоккупированной части Латвии – в Цесисе, Валмиере и Валке – была установлена власть большевиков. Повествуется и о том, что прошедший в декабре 1917 г. в Валмиере II съезд Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии не только провозгласил советскую власть и избрал советское правительство – «Исколат», но и объявил о включении Латгале в состав Латвии. При этом утверждается, что «управляемая Исколатом часть Латвии не стала независимым и самостоятельным государством»³⁹⁵.

Сложные и противоречивые события Гражданской войны, немецкой оккупации и иностранной интервенции на территории Латвии сводятся к понятию «Освободительная борьба». Термин «гражданская война» не употребляется. Попытка латышских коммунистов вернуть власть в Латвии в 1918–1919 гг. трактуется как проявление российско-большевистского «империализма», «военное вторжение и разжигание гражданской войны». Задачей советского правительства П. Стучки было «создание латвийского госу-

³⁹⁴ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 187.

³⁹⁵ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa., 28. lpp.; Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 59; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 188–189.

дарства, зависимого от России». Отмечается, что пока большевики приступали к «организации захвата Латвии», а немцы были в замешательстве от поражения в Первой мировой войне, национальные силы успели 18 ноября 1918 г. на общем собрании в Риге провозгласить основание Латвийской Республики. В марте 1919 г. большевикам, реквизировавшим частные предприятия, удалось частично решить проблему безработицы в городах, но «надежды крестьян получить землю были обмануты». Упоминается о введении советской властью бесплатной медицинской помощи и образования, основании Латвийского университета, Латвийской академии художеств и Художественного музея во главе с видным живописцем Вильгельмом Пурвитисом.

Однако мероприятия советской власти «не получили поддержки латышского народа», особенно крестьян, рассчитывавших на раздачу, а не временную аренду ставшей госсобственностью помещичьей земли. Правительство Советской Латвии «утратило всякую поддержку народа», но почему-то пало только под ударами немецких вооруженных сил, специально оставленных Англией, Францией и США для борьбы с большевиками, а также созданных «латышских национальных войск». Между ними иногда «по недоразумению» происходили столкновения. Вскользь упоминается также об «одной русской роте», воевавшей против большевиков. В учебниках отмечается террор, устроенный немцами после взятия Риги 22 мая 1919 г. против советских работников, красноармейцев и рабочих, в ходе которого «к сожалению, ... пострадало много мирных жителей»³⁹⁶.

Феномен красных латышских стрелков в России объясняется их «тяжелым положением» после развала старой русской армии, с учетом оккупации Латвии немецкими войсками, а также «большевистской агитацией». Утверждается, что

³⁹⁶ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 192, 194, 198–201; Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa., 28. lpp.

именно «гордость стрелков не позволяла сдаться, поэтому они остались в своих полках и оказались на службе у правительства большевиков». Российские коммунисты «широко вовлекали» латышские стрелковые части как «наемников» в военно-революционные действия, в том числе «посылали на ликвидацию бунта бывших союзников большевиков – левых эсеров в Москве». Вместе с тем упоминается о существовании двух латышских полков, сражавшихся на стороне белых³⁹⁷.

В повествовании о наступлении немецких и «русских белогвардейских войск» П. Бермондта-Авалова делается акцент на их зверствах, которые «объединили латышей» в борьбе с ними. Даже после поражения, нанесенного латышами при поддержке британской и французской корабельной артиллерии, «немецкие и русские войска», отступая, «разоряли, жгли и грабили все, что только могли»³⁹⁸. Во время «Освободительной борьбы», которая завершилась подписанием 11 августа 1920 г. мирного договора с Советской Россией и признанием Москвой независимого Латвийского государства «на вечные времена», сильно выросло и окрепло «государственное сознание латышей, вера в свое государство и его будущее»³⁹⁹.

В 1920-е гг. «многострадавший народ» строил свое государство, восстанавливая хозяйство и развивая демократию. Земельная реформа привела к образованию новых и укреплению старых крестьянских хозяйств, которые не только полностью обеспечивали Латвию сельхозпродуктами, но и продавали их за границу. Поощрялась общественная активность, бурно развивался парламентаризм. Однако закон о выборах имел много недостатков; 15 мая 1934 г. Карлис

³⁹⁷ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 59; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 189–190, 213–214.

³⁹⁸ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 207–208, 210.

³⁹⁹ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 76.

Улманис совершил государственный переворот. Начались «улманисовские времена» – «противоречивый период» в истории Латвии: с одной стороны, посприятие демократических начал, с другой стороны, «рост благосостояния народа» и «весьма значительные успехи» в хозяйственной жизни (возведение в Риге самого большого крытого рынка в Европе и строительство Кегумской ГЭС, производство фотоаппаратов «Minox») ⁴⁰⁰.

В латвийских учебниках утверждается, что Вторую мировую войну «развязали» Гитлер и Сталин ⁴⁰¹. Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. напрямую связывается с пактом Молотова – Риббентропа: *«Это нападение смогло произойти потому, что 23 августа 1939 г. министры Советского Союза и Германии Молотов и Риббентроп подписали секретные протоколы..., которые предусматривали оккупацию государств, находящихся между обеими державами, и раздел их территории»*. Более того, со ссылкой на неназванные архивные источники утверждается: *«Сталин желал войны настолько же, насколько желали войны Гитлер, Муссолини и японцы, и у него была своя роль в том, что война началась»* ⁴⁰².

О пакте Молотова – Риббентропа как первоисточнике «советской оккупации» Латвии говорится во всех латвийских учебниках истории XX века. Подчеркивается, что, несмотря на взаимную идеологическую ненависть, Гитлер и Сталин *«единодушно договорились об уничтожении новых государств, появившихся после краха старых империй»*. Среди наиболее эмоциональных оценок советско-германского договора о ненападении и секретных приложений к нему можно выделить следующую: *«Заключившие договор сто-*

⁴⁰⁰ См.: Курлович Г., Томашунс А. История Латвии... С. 216–233.

⁴⁰¹ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 246.

⁴⁰² Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 90; На пути к пониманию прошлого. Поиски. Версии. Идеи. Книга для учителя истории. Рига: Zvaigzne ABC, 2000. С. 100.

роны умышленно и бессовестно не принимали во внимание права балтийских стран, Польши, Финляндии и Румынии на свободу, независимость и самоопределение»⁴⁰³.

Проведение «советской оккупации» Латвии является одной из центральных тем латвийских учебников истории. Подчеркивается, что в июне 1940 г. советское правительство под угрозой военной силы и надуманным предложением категорически потребовало, чтобы правительство Латвии разрешило разместить в Латвии любое количество военнослужащих Красной армии. Улманису было обещано, что Латвийское государство не утратит независимость. Правительство Улманиса, *«не спросив мнения народа, согласилось с таким несправедливым требованием, чтобы уберечь население от тяжелых жертв в неравной войне»*. В результате 17 июня 1940 г. *«впервые после Освободительной борьбы Латвию оккупировали войска чужого государства»*. Улманис выступил по радио сразу после входа в Латвию «оккупационной армии», сообщив народу, что *«Кабинет министров подал в отставку, но он остается на своем месте»⁴⁰⁴.*

Процесс установления советской власти в Латвии сопровождался кремлевскими «провокациями» и активностью просоветских «коллорационистов». Сообщается, что 15 июня 1940 г. на латышских пограничников в Масленках напали красноармейцы, а 18 июня в Латвию вместе с Красной армией прибыл спецпредставитель Москвы А. Вышинский для составления удобного СССР правительства во главе с Августом Кирхенштейном. Советские спецслужбы *«начали провоцировать демонстрации и уличные шествия недовольных жителей в самых больших городах*

⁴⁰³ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa., 191–192. lpp.; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 246; Dokumenti liecina..., 20. lpp.

⁴⁰⁴ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa., 197. lpp.; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 248; Dokumenti liecina..., 23. lpp.

Латвии, а также способствовали их столкновениям с полицией». При этом признается, что среди участников демонстраций и шествий «были и добровольцы», верившие в коммунизм или надеявшиеся извлечь какие-то блага из смены власти. Подчеркивается, что «таких людей называют попутчиками, а тех, кто активно сотрудничал с оккупационной властью, называют иностранным словом коллаборанты»⁴⁰⁵.

В подаче темы «инкорпорации» и «аннексии» Латвии доминируют политико-юридические квалификации действий СССР как «противоправные, незаконные»; правительство А. Кирхенштейна определяется как «марионеточное», проведение выборов в Народный Сейм и его решение о провозглашении советской власти как «антиконституционные» и инспирированные из Москвы, а сами итоги выборов – как «подправленные». Отмечается, что «Правительство СССР, руководимое Сталиным, желало в самые короткие сроки осуществить необходимые с юридической точки зрения формальные шаги для подчинения всей общественно-политической жизни Латвии своему неограниченному диктату, чтобы ликвидировать любые препятствия на пути к полному включению Латвии в состав СССР». Включение Латвии в состав СССР 5 августа 1940 г. на заседании Верховного Совета в Москве «было осуществлено по указанию правительства СССР, не считаясь с правами латышского народа». Рассказывается о проведении массовых репрессий. Школьников знакомят с выдержками из Декларации об оккупации, принятой Сеймом Латвии 22 августа 1996 г.: «Нарушив основные принципы международного права, а также заключенные между Латвией и СССР договоры, 17 июня 1940 г. вооруженные силы СССР оккупировали Латвию, и она была незаконно включена (аннексирована) в состав СССР. В итоге в Лат-

⁴⁰⁵ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 90, 91; Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa., 197. lpp.; Dokumenti liecina..., 23. lpp.

вии были введены политический режим и правовая система СССР»⁴⁰⁶.

Специфический государственный заказ на пропагандистские напластования, затрагивающие ключевые вопросы развязывания, хода и итогов Второй мировой войны, оправдания местного пронацистского коллаборационизма находит прямое отражение в латвийских учебниках истории. Обширный перечень учебной литературы, апробированной в школе за постсоветский период, тем не менее, не означает широкого плюрализма в изложении концепции истории – разнообразие проявляется лишь в отдельных методических отличиях и нюансах содержания исторического материала. При этом за идеологическим наполнением учебного материала внимательно следят латышские национал-радикальные круги, периодически устраивая громкие спекуляции вокруг «патриотического воспитания» подрастающего поколения. Так, еще в июне 2009 г. активисты организаций «национальных партизан» и легионеров СС выступили на встрече с президентом Латвии Валдисом Затлерсом с требованием ввести «Историю Латвии» как отдельный предмет, а также своими предложениями по его наполнению «национальной героикой».

Несмотря на все усилия властей и давление национал-радикалов, внедрение официальной доктрины приносит противоречивые плоды. По данным социологического исследования, проведенного в 2008 г. при поддержке «Фонда Сороса – Латвия», лишь 26 % учащихся 12-х классов русских школ считают содержание учебников, касающееся вопросов истории XX века, объективным, тогда как среди латышских сверстников таковых насчитывается 65 % (выборка составила 400 респондентов). Обращают на себя внимание ответы

⁴⁰⁶ Очерки истории Латвии. III брошюра. Учебное пособие для средней школы. Под ред. М. Вирсиса. Рига: Звайгзне, 1991. С. 20; *Kurlovičs G., Tomašūns A.* Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa., 206. lpp.; *Курлович Г., Томашунс А.* Цит. соч. С. 250–251; На пути к пониманию прошлого... С. 114.

выпускников латвийских школ на вопрос о том, как следует оценивать вступление немецких войск на территорию Латвии в июне 1941 г. Так, у латышских школьников сформировались следующие представления: «немцы освободили Латвию» – 8 %, «немцы оккупировали Латвию» – 45 %, «немцы и оккупировали, и освободили Латвию» – 42 %. Иную раскладку дают ответы русских школьников: «немцы освободили Латвию» – 3 %, «немцы оккупировали Латвию» – 81 %, «немцы и оккупировали, и освободили Латвию» – 15 %. Схожие различия наблюдаются и в оценках вступления на территорию Латвии войск Красной армии в 1944–1945 гг. Представления латышских школьников разделились следующим образом: «войска Красной армии освободили Латвию» – 12 %, «оккупировали Латвию» – 62 %, «одновременно освободили и оккупировали» – 20 %. Неудивительно, что в этих условиях 72 % латышских старшеклассников позитивно относятся к ежегодному проведению 16 марта «дня памяти латышских легионеров Ваффен-СС». При этом большинство русских школьников придерживается иных взглядов: «войска Красной армии освободили Латвию» – 65 %, «оккупировали Латвию» – 5 %, «одновременно освободили и оккупировали» – 25 %⁴⁰⁷. Столь серьезный разброс показателей вполне объясним, если рассмотреть, например, выборку цитат, посвященных Второй мировой войне.

Летом 1941 г., утверждают учебники, латыши встретили немцев как «освободителей». Причиной тому было *«безжалостное обращение с населением в год власти коммунистов»*, который запомнился как «страшный год». Немцев приветствовали цветами, так как было *«все равно, кто прогнал бы ненавистную советскую оккупационную власть из Латвии»*. Но беда была в том, что Гитлер был столь же тоталитарным вождем, как и Сталин, поэтому *«уже в начале оккупации ла-*

⁴⁰⁷ См.: <http://www.ves.lv/article/69365>; В Латвии «День легионера – прекрасный праздник!»: <http://www.frut.lv/ru/polit/politics/71198>.

тыши утратили всякую надежду на восстановление независимости государства». Сообщается, что именно советские репрессии «виноваты» в том, что в Латвии не возникло движения сопротивления немецким оккупантам. При этом учебники должны знать, что «в тылу у немцев сражались только отряды, специально сформированные в Советском Союзе». В борьбу против Красной армии включились группы «национальных партизан», препятствовавших отступлению советских солдат и служащих, а также беженцев, «в «страшный год» выступивших против своего народа. Более того, они охраняли остающееся население от «мести» бежавших советских органов⁴⁰⁸.

В изложении материала о нацистских репрессиях и холокосте присутствует своего рода сдержанность. Во всех учебниках подчеркивается руководящая роль немецких нацистов в уничтожении евреев и цыган, но не во всех из них упоминается о соучастии латышских пособников в преступлениях. Сообщается о попытках нацистского руководства представить уничтожение евреев как дело рук самих латышей, «вовлекая» отдельных представителей латышского народа, обиженных коммунистами, в механизм террора («команда Арайса») и широкую антисемитскую пропаганду⁴⁰⁹.

Жители Латвии были «незаконно призваны» в Латышский легион СС, но при этом «боролись за свободу». Нацистская Германия решила на создание легиона только после того, как начала терпеть поражения на Восточном фронте. Немецкое командование не доверяло латышским офицерам и, в нарушение «своих обещаний», назначало

⁴⁰⁸ Dokumenti liecina..., 28. lpp., Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa., 222. lpp.; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 255–256.

⁴⁰⁹ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa., 223., 233., 234. lpp.; Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 100, 101; О латышских пособниках не упоминается в учебнике: Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч., см. с. 254–255.

на высшие командные должности немцев. *«Латышские воины, однако, сражались храбро, они верили, что свобода Латвии будет восстановлена»*. У латышей *«были надежды, что со временем легион, так же как и латышские стрелки в Первой мировой войне и Освободительной борьбе, станут ядром армии восстановления независимой Латвии»*. Некоторые учебники избегают упоминаний о принадлежности Латышского легиона к войскам СС, в других разъясняется, что с организацией и частями СС латышей связывало *«только название»*⁴¹⁰.

В разъяснении характера и итогов Второй мировой войны подчеркивается, что два тоталитарных режима стремились уничтожить друг друга, заставляя народ Латвии участвовать в этой борьбе в ущерб его национальным интересам. В результате латышский народ потерял большую часть своей интеллигенции, вынужденной бежать на Запад или попасть в руки советских репрессивных органов. Результатом войны для Латвии стало то, что она *«снова попала под советское оккупационное ярмо»*. 23 августа 1944 г. правительство Советской Латвии *«совершило противоправный акт, отдав России шесть волостей Абренского уезда»*. В 1945 г. на Потсдамской конференции И. Сталин добился согласия западных союзников на новый послевоенный порядок в Европе, в том числе «инкорпорацию» Латвии в состав СССР, хотя это признавали де-юре и не все страны Запада⁴¹¹. В ходе репрессий пострадало много невинных людей, которых обвиняли в сотрудничестве с нацистами. 25 марта 1949 г. была организована массовая высылка жи-

⁴¹⁰ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч., на с. 255, 256 не упоминается о принадлежности Латышского легиона к СС; Dokumenti liecina..., 28. lpp., Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa., 241.–244. lpp.; Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 101–103.

⁴¹¹ Dokumenti liecina..., 28., 32. lpp.; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 269; Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa., 256. lpp.; Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 106.

телей Латвии в Сибирь, ставшая «самой крупной и безжалостной акцией советской власти против населения Латвии в послевоенный период»⁴¹².

Латвийские учебники о советском строе повествуют исключительно в негативном ключе, утверждая, что компартия *«никогда не выполняла того, что провозглашалось целями коммунизма»*, в том числе и в вопросе *«честных отношений между большими и малыми народами»*. Подчеркивается «гигантомания» И. Сталина и партийно-государственного аппарата СССР, любыми средствами строивших могущественную державу в ущерб достижению провозглашенных коммунистических целей. Жители СССР были превращены в «послушных исполнителей воли вождя». *«Используя честный труд рабочих, грабя крестьян, жестоко эксплуатируя заключенных трудовых лагерей, государство создало сильную промышленность. Это позволило сформировать крупные вооруженные силы»*⁴¹³.

В описании сталинских репрессий акцент делается на многомиллионной численности жертв и преследовании латышей по национальному признаку. Рассказывается о том, что *«всех смелых, честных и сознательных людей, которые посмели усомниться в правильности действий Сталина»*, подвергали ужасающим репрессиям, причем большинство из заключенных в лагеря там погибли. Число жертв преподносится следующим образом: *«По предположительным подсчетам, в тюрьмах предварительного следствия НКВД в 1936–1938 годах находилось 8–9 млн человек, что составляло примерно 6 % всего населения СССР»*. Сообщается, что с 1930 по 1937 г. в СССР *«очень тяжело пострадали государственные деятели латышского происхождения»*, *«погибло 73 тыс. ни в чем не повинных латышей»*. И в этой связи утверждается: *«По жестокости*

⁴¹² Курлович Г., Томашунс А. История Латвии... С. 258, 259, 262.

⁴¹³ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 243–245.

Сталин намного превосходил первое большевистское правительство при Ленине»⁴¹⁴.

Весь период «советской оккупации» (1944–1991 гг.) оценивается как проведение Москвой целенаправленного «геноцида против народа Латвии», в ходе которого СССР осуществлял «террор», «усиленную русификацию» и «колониализацию», пытался с помощью «мигрантов» и «необоснованного роста промышленности» добиться главной своей цели – «уничтожить идентичность» латышей⁴¹⁵. Подчеркивается, что пострадало много «невиновных людей», которых «обвиняли в сотрудничестве с нацистами».

После войны сопротивление советской власти в Латвии было намного более широким и организованным, чем в 1940 г., так как «у населения Латвии уже был горький опыт советской оккупации». Несмотря на то, что в отрядах сопротивления были лица, «подготовленные немцами для борьбы в тылу Красной армии», это движение «носило национальный характер». Указывается, что большинство латышей поддерживало борьбу «национальных партизан», но позднее народная поддержка уменьшилась из-за репрессий. 25 марта 1949 г. была организована тайная массовая депортация жителей Латвии в Сибирь, ставшая «самой крупной и безжалостной акцией советской власти против населения Латвии в послевоенный период, которая не пощадила даже детей»⁴¹⁶.

Восстановление и развитие промышленности в Латвийской ССР оценивается как «необоснованный рост промышленности» за счет «миграции» населения из других районов СССР и ущемления сельского хозяйства, подвергшегося коллективизации. Подчеркивается, что «последствиями

⁴¹⁴ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 245; На пути к пониманию прошлого. С. 39.

⁴¹⁵ См., например: На пути к пониманию прошлого. С. 114; Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa., 385. lpp.

⁴¹⁶ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 258–260, 262; Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 108.

этой политики были загрязнение природы, нехватка жилья и продуктов питания». Именно «миграция» стала «колоссальной проблемой» для Латвии, куда направились «инородцы» в «поисках лучшей жизни». В результате возникла угроза превращения латышей в национальное меньшинство (доля латышей сократилась с 77 до 52 %), Рига стала «перенаселенным городом», в котором «коренное население» жило в «тяжелых условиях», испытывало на себе «несправедливость» при распределении квартир. И делается вывод: «Руководство СССР целенаправленно наводняло Латвию сотнями тысяч мигрантов и с их помощью пыталось уничтожить идентичность народа Латвии»⁴¹⁷.

В описании духовной и культурной жизни латвийского общества акцент делается на «усиленной русификации», «неблагоприятных условиях» развития латышской культуры и «уничтожении» латышского образования. Ученики должны знать, что одним из главных инструментов формирования советского общества была «усиленная русификация»: «Латыши на своей родной земле не могли разговаривать на своем родном языке с начальниками на рабочих местах, с врачами в лечебных учреждениях, с юристами в правоохранительных органах». Введение советской символики и эстетики сопровождалось уничтожением памятников времен Латвийской Республики, что «во всем мире называют вандализмом». Советские власти заставляли учить историю СССР (по сути, России), в которой «сведениям о Латвии было отведено весьма неприметное место». Их конечной целью было «уничтожить все обучение на латышском языке». Латышская культура если и развивалась, то «в неблагоприятных условиях». Латышей духовно укрепляли лишь Праздники песни и отдельные театральные постановки. С сожа-

⁴¹⁷ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa, 385. lpp.; На пути к пониманию прошлого... С. 114, 124; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 264–265, 267, 278; Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 110–111.

лением отмечается, что «ставшие популярными в 30-е годы писатель Вилис Лацис, поэты Янис Судрабкалн, Мирдза Кемпе и некоторые другие послушно выполняли заказы партии и правительства»⁴¹⁸.

При описании уровня жизни в Латвийской ССР в период «стагнации» или «частичной стабилизации оккупационного режима» (1970-е – первая половина 1980-х гг.) делается акцент на бытовых трудностях, отсутствии свобод и экологических проблемах. Утверждается, что уровень жизни народа так и не достиг довоенного, даже в период «стагнации». Повысить его не позволяла чрезмерная зависимость от центральных органов власти СССР, а также неспособность республиканского руководства во главе с «враждебными любым национальным проявлениям приезжими латышского происхождения из Советского Союза – Арвидом Пельше и Аугустом Воссом» защитить интересы населения и предотвратить «разбазаривание природных богатств». Перечисляются внешние признаки «стагнации» в «оккупированной» Латвии: «дефицит продовольственных и промышленных товаров, падение трудолюбия и производительности труда, рост алкоголизма в обществе, усиление политики русификации, невыразительное однообразие художественного творчества и культурной среды, нерациональное использование и разорение природных ресурсов». Против советского режима в этот период выступали латышские диссиденты⁴¹⁹.

Таким образом, в течение всего времени «советской оккупации» СССР целенаправленно проводил «геноцид против народа Латвии», осуществлял «террор», «усиленную русификацию» и «колонизацию», пытался с помощью «мигрантов» и «необоснованного роста промышленности» добиться

⁴¹⁸ На пути к пониманию прошлого... С. 124, 178; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 267, 276; Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 110–111.

⁴¹⁹ Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 278; Dokumenti liecina..., 39. lpp.; Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa, 310–312. lpp.

главной своей цели – «уничтожить идентичность» латышей. Латышская культура если и развивалась, то «в неблагоприятных условиях», а уровень жизни народа так и не достиг довоенного даже в период «стагнации»⁴²⁰.

Начало «перестройки» превратилось в новое пробуждение латышского народа («Атмода»). 1–2 июня 1988 г. в Риге на пленуме творческих союзов интеллигенция открыто заявила о «советской оккупации» Латвии. Латышский народ, *«у которого на его родине была ограничена свобода и отняты права самому решать свою судьбу, начал борьбу за свое существование»*. Был создан Народный фронт Латвии (НФЛ), который в ходе «песенной революции» объединил широкий спектр общественных групп и течений, но его руководство проводило радикализацию требований, вплоть до главного – «восстановления независимости». Делалось это постепенно, *«чтобы не спровоцировать органы безопасности СССР на насильственное подавление движения»*⁴²¹.

Победивший на выборах НФЛ принял 4 мая 1990 г. в Верховном Совете Латвии [Латвийской ССР] Декларацию о восстановлении независимости Латвийской Республики. Указывается, что был объявлен переходный период к полному восстановлению независимости Латвийского государства. Делается вывод о том, что *«если бы переходный период не был провозглашен, то это дало бы руководству СССР повод вмешаться с помощью военной силы. Именно этого он все время пытался добиться»*. Вопрос о фактическом обмане «инородцев», получивших от НФЛ обещания равных прав в независимом государстве, обходится с помощью следующей формулировки: *«Благоразумная и терпимая национальная*

⁴²⁰ См.: Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa, 385. lpp.; На пути к пониманию прошлого... С. 114, 124.; Курлович Г., Томашун А. История Латвии... С. 265, 267, 278.

⁴²¹ Курлович Г., Томашун А. Цит. соч. С. 278; Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa, 335., 336. lpp.; Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 117.

политика способствовала поддержке нацменьшинствами идеи независимости Латвии».

Вместе с тем «оккупанты», включая часть проживавших на территории Латвии «инородцев», сопротивлялись, «организовали мероприятия, направленные против стремления к независимости»⁴²². Для более эмоционального восприятия учениками событий того времени на страницах учебника приводится карикатура на «мачеху-Россию», которая ругает трех «непослушных» детишек, символизирующих прибалтийские республики, приговаривая: «Иногда даже удивляюсь, зачем я вообще украла вас...»⁴²³ Повествуется о «враждебной» деятельности «Интерфронта» и «преступлениях» Рижского ОМОНа под руководством компартии, в результате которых в январе 1991 г. в Риге погибло 6 человек.

В некоторых учебниках говорится о «серьезной поддержке», которую оказал Латвии в ее стремлении к независимости президент России Борис Ельцин, подписав 13 января 1991 г. соглашение о межгосударственных отношениях, и даже приводится его текст. Впрочем, в некоторых учебниках об этом умалчивается⁴²⁴.

После фактического «восстановления» независимости Латвии в августе 1991 г. началась «тяжелая работа» по укреплению атрибутов суверенитета (граница, дипломатические отношения, собственная валюта, армия, новые законы, превращение промышленности и сельского хозяйства в «независимые от России»). Подчеркивается, что Россия пыталась «помешать» выводу своих войск из Латвии и вступлению ее в ЕС и НАТО, используя в качестве повода статус «неграж-

⁴²² Курлович Г., Томашун А. Цит. соч. С. 280; Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa, 343. lpp.; Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 117.

⁴²³ См.: Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa, 343. lpp.

⁴²⁴ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa, 343., 346. – 358. lpp.; Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 118, 119; Курлович Г., Томашунс А. Цит. соч. С. 280 (в этом учебнике не упоминается о поддержке со стороны президента России Б.Н. Ельцина).

дан» и разногласия по вопросу истории Латвии во Второй мировой войне. Однако эти попытки не увенчались успехом благодаря поддержке США. Но Россия не унимается, продолжая высказывать Латвии упреки в нарушении прав русскоязычного населения, поддерживать радикальных политиков в требованиях придания русскому языку статуса второго государственного и критиковать реформу образования⁴²⁵. Состояние двусторонних отношений с РФ на современном этапе характеризуется следующим образом: «Надежды Латвии, что после вступления в ЕС и НАТО отношения с Россией нормализуются, не оправдались»⁴²⁶.

* * *

Анализ содержания учебников по истории Латвии показывает, что при изложении исторического материала у латвийских школьников сознательно формируется негативный этнический стереотип русских и эмоциональное отторжение России. Характерно, что представляемые школьникам «позитивные» примеры взаимодействия с русскими крайне малочисленны, причем тут же ретушируются антироссийскими выпадами.

Попытки передать «вековую боль латышского народа» через описание «славянской экспансии», «русских зверств», «российского империализма» и «советской оккупации» приводят к тотальному искажению действительной картины истории, в которой латышский народ вовсе не был жертвой, выжившей вопреки России. Выпячивание и смакование сцен насилия, обычных для прошлых эпох, выстраивание их в некое подобие «логической» цепочки, умолчание о реальных причинах тех или иных событий, смысле и механиз-

⁴²⁵ Т. е. перевод с 2004 г. русских школ преимущественно на латышский язык обучения.

⁴²⁶ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa, 370., 372. lpp.; Курлович Г., Томашун А. Цит. соч. С. 280, 286, 287.

ме принятия военных и политических решений приводит к негативной мифологизации образа России, способствует закреплению у латышской молодежи русофобских комплексов и депрессивных настроений.

Следует отметить, что при подаче исторического материала, связанного с Россией, заметно сужаются попытки авторов учебников развивать критическое мышление у школьников, проявляется стремление навязать крайнюю антироссийскую точку зрения, интерпретацию, оценку. Несмотря на то, что в некоторых учебниках большое внимание уделяется текстам первоисточников, их подбор, как правило, тенденциозен и не нацелен на побуждение учащихся к самостоятельным исследованиям. Приходится констатировать, что в учебной литературе по истории Латвии нарушен баланс локальных, региональных, национальных, европейских и мировых перспектив в изложении фактов прошлого и настоящего по причине предвзятого отношения к России.

Печально, что в учебниках полно прямых фальсификаций, на которые идут авторы, если они могут «подтвердить» некий желаемый стереотип. Например, для иллюстрации «агрессивных» планов России используется следующее утверждение: «Царь Петр I заявил, что он “прорубит окно в Европу”»⁴²⁷. Хотя известно, что это выражение появилось в 1769 г. в «Письмах о России» Франческо Альгороти, где оно использовалось для образной констатации, а не для заявления о грядущих планах. Или сюжет о дозволении российских властей использовать для латгальского письма только «русский алфавит» трактуется следующим образом: «Почти 40 лет латгальцы оставались без книг на своем языке»⁴²⁸. Но в 1860-е гг. еще не был составлен собственно латгальский алфавит, а использовался «по старинке» польский, который и был на данной территории отменен. При этом «плач о лат-

⁴²⁷ Курлович Г., Томашун А. Цит. соч. С. 108.

⁴²⁸ Там же. С. 152.

гальцах» не повторяется на страницах, описывающих «улманисовские времена» (1934–1940), когда публичное использование латгальского языка действительно выкорчевывалось жесткими административными методами.

Не выдерживает критики и желание представить, что большевики чуть ли не насильно «втянули» красных латышских стрелков в Гражданскую войну, в советские, партийные и репрессивные органы. Столь же антиисторично замалчивать прилив сил в левое движение Латвии накануне и в ходе событий лета 1940 г., акцентировать внимание на присутствии советских войск при выборах народного Сейма в 1940 г. и «забывать», что сама Латвийская Республика в 1918 г. провозглашалась в присутствии и некотором содействии немецких штыков, а удержалась в 1919 г. на англо-французских корабельных орудиях. Апофеозом вранья можно назвать «развязывание» Второй мировой И. Сталиным вместе с А. Гитлером или «геноцид» латышей в период существования Латвийской ССР.

Неприкрытая пропаганда в латвийских учебниках ненависти и вражды к России, как представляется, наиболее пагубно действует на латышских подростков, так как их русские сверстники, во-первых, значительно меньше доверяют местным учебникам истории, во-вторых, могут найти массу интересной и разнообразной информации о России за пределами школы, если хотят.

III. РЕЦЕНЗИИ

Улманисовский переворот в опубликованных источниках и исследованиях

[*Apvērsums. 1934. gada 15. maija notikumi avotos un pētījumos / Sast. V. Ščerbinskis, Ē. Jēkabsons. Rīga: Latvijas Nacionālais arhīvs; Latvijas arhīvistu biedrība, 2012. 575 lpp.: il. (Vēstures avoti, 7. sēj.)*]

Одним из самых значительных политических событий в истории межвоенной Латвии является государственный переворот 15 мая 1934 г. и установление авторитарной националистической диктатуры Карлиса Улманиса (1934–1940), увенчавшей период независимого государственного строительства по итогам Первой мировой войны. Вокруг фигуры латышского «вадониса» (вождя) создано немало национальных мифов – в латышском сегменте латвийского общества распространено, например, представление о «благословенных улманисовских временах»⁴²⁹. Однако фигура премьер-министра, военного министра, министра иностранных дел, министра сельского хозяйства и, наконец, самоназначенного президента Латвии К. Улманиса (с 1936 г.) до сих пор вызывает острые споры в местной исторической публицистике. Высокий градус дискуссии определяется тем, что он не только стоял у истоков «буржуазной» государственности в 1918 г., но и принял непо-

⁴²⁹ Эти представления культивируются и в популярных публикациях, вплоть до изданий с клишированными названиями. Например: «Улманисовские времена. Легенды и факты» (Ulmaņlaiki. Lēģendas un fakti. Rīga, 2010. 226. lpp.).

средственное участие в свертывании этого проекта летом 1940 г., сдав Латвию чуть ли не «под расписку» сталинскому спецуполномоченному, заместителю председателя СНК СССР Андрею Вышинскому. Один из основных вопросов рефлексии заключается в том, насколько установление и поддержание недемократического режима в форме личной диктатуры, при всей националистической риторике, на самом деле способствовало сохранению национального государства в реалиях конца 1930-х гг.

В 2012 г. латвийские историки под эгидой Латвийского национального архива и Общества архивистов Латвии предприняли попытку издания фундаментального труда, призванного на основе отбора и анализа документов, в значительной степени ранее не опубликованных, решить следующие задачи: «проанализировать полное, по возможности, всестороннее собрание источников по этой теме, характеризуя настроения накануне переворота, пытаюсь реконструировать развитие событий, а также отмечая важнейшие события и настроения общества после переворота» (с. 7). В издании «Переворот. События 15 мая 1934 г. в источниках и исследованиях» содержатся четыре обзорные статьи известных латвийских историков и 286 документов, отобранных в репрезентативных и иллюстративных целях (архивные документы латвийского происхождения, воспоминания участников событий, публикации того времени, переписка иностранных дипломатов с внешнеполитическими ведомствами своих стран о латвийском государственном перевороте).

В эссе доктора истории Вальтера Щербинскиса «Переворот 15 мая 1934 г.: причины, ход и последствия» дан историографический обзор проблематики на основе анализа эмигрантских, советских и постсоветских публикаций. В обзоре подчеркивается общность судьбы Латвии с другими европейскими государствами, где также произошли государственные перевороты и были установлены диктатуры, причем раньше Латвии

(например, в Польше, Литве, Эстонии). Также разбирается фактор личности Улманиса, влияние внутренних и внешних обстоятельств переворота (тяга к авторитарной власти, изъяны парламентской демократии, нерешенность серьезных социально-экономических проблем, европейская мода на тоталитаризм и авторитаризм, внутрилатвийская «конкуренция заговоров» ультраправого и левацкого толков, страх Улманиса перед провалом на следующих парламентских выборах или угрозой вмешательства извне, политические амбиции военных и айзсаргов⁴³⁰). Автор утверждает, что реальной угрозы «альтернативных» переворотов как со стороны ультраправых группировок, так и социал-демократов или коммунистов-подпольщиков на май 1934 г. не существовало, либо она контролировалась Улманисом и его окружением, использовалась для оправдания подготовки своего переворота. Автор отмечает, что «техническая сторона [переворота] была тщательно продумана и подготовлена», его невозможно было сымпровизировать за короткое время (с. 49). Вопреки существующему мифу о том, что главную роль в силовом обеспечении установления авторитарного режима играла военизированная организация айзсаргов, анализ документов и свидетельств приводит Щербинскиса к пониманию того, что «техническую сторону осуществления переворота гарантировало активное участие армии и лояльность полиции» (с. 50). Несмотря на бескровность переворота и благосклонное принятие нового режима многими жителями, особенно на селе, автор приводит утверждение видного эмигрантского исследователя Э. Дунсдорфа о том, что 15 мая раскололо народ больше, чем любое другое событие

⁴³⁰ Айзсарги (лат. Aizsargi – «защитники») – военизированная организация в Латвии в 1919–1940 гг., выполнявшая функции вспомогательной полиции; в качестве оплота режима К. Улманиса использовалась для подавления оппозиции и насаждения националистически-милитаристских настроений в обществе. Идеология, практика и эстетика айзсаргов позволяют относить их к числу организаций фашистского типа. В период нацистской оккупации Латвии многие бывшие айзсарги добровольно вступили в коллаборационистские формирования и участвовали в нацистской истребительной политике, включая холокост.

в истории Латвии⁴³¹. Вместе с тем как раз последствия в подразделе данного эссе «После переворота – формирование нового порядка» (с. 43–49) разобраны фрагментарно: пунктиром прослежены лишь репрессии в отношении политических оппонентов и подозрительных лиц, тогда как правовые, институциональные, административные, социально-экономические последствия описаны весьма слабо. Также не отражена, на наш взгляд, глубина влияния националистической диктатуры Улманиса на положение этнических меньшинств и социальную структуру общества, обойдено молчанием применение модных в 1930-е гг. фашистских идеологием и практик (этатизм, вождизм, алармистский национализм, корпоративизм, антикоммунизм и антидемократизм).

Доктор истории Эрикс Екабсонс подготовил вводную статью «Реакция за рубежом на переворот 15 мая 1934 г. в Латвии», в которой предпринял попытку проанализировать и систематизировать зарубежные отклики на установление в Латвии диктатуры. Разбор оценок предваряется небольшой и небесспорной «политинформацией» об изъянах установившейся после Первой мировой войны системы международных отношений, которую автор, вслед за польским историком Славомиром Дембским⁴³², предпочитает именовать не Версальско-Вашингтонской, а «Версальско-Рижской системой» (с. 58). Екабсонс выделяет интерес организаторов улманисовского переворота к реакции на установление нового порядка в Латвии как со стороны великих держав (автор их перечисляет в следующем порядке: Германия, СССР, Великобритания, Франция, США), так и соседей по Балтийскому морю (Эстонии, Польши, Литвы, Финлян-

⁴³¹ См: *Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve: Politiskis. Diktators. Mocekļis.* Rīga, 1992. 266. lpp.

⁴³² См. на русском языке: *Дембский С.* Несколько замечаний о Версальско-Рижской системе международных отношений и значении Рижского договора в истории Европы // *Забытый мир: Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры: Научное издание / Е. Боженицкий, Я.Я. Брусский, В.Ф. Верстюк и др. Под ред. С. Дембского, А.В. Мальгина. М., 2014. С. 14–29.*

дии, Швеции). Тестирование отношения к перевороту у «малых» соседей не в последнюю очередь было связано с тем, что «[их] реакция была важна с точки зрения взаимного сотрудничества в будущем в поисках общей безопасности в регионе», тогда как «отношение других европейских стран, хотя и считалось важным, не вызывало столь большого интереса. Исключениями были влиятельная на международной арене в отношении великих европейских держав фашистская Италия и международные организации» (с. 59).

Реакцию нацистской Германии автор оценивает как изначально позитивную, но со временем – более сдержанную. Берлин был доволен «репрессивными шагами против социал-демократов и, что еще важнее, против левых еврейских организаций, а также созданного евреями Комитета по бойкоту германских товаров и услуг»⁴³³ (с. 60). Нацистов также привлекала сама форма переворота, но его латышское националистическое содержание вызывало настороженность из-за опасений за дальнейшее положение латвийских немцев. Тем не менее, как отмечал начальник отдела прессы МИД Латвии Янис Сескс, руководивший делегацией латвийской прессы во время поездки в Германию сразу после путча (16–25 мая 1934 г.), общавшиеся с ним немецкие предприниматели считали, что «латыши также совершили национал-социалистический переворот и тем самым находятся в политико-духовном родстве с немецкими национал-социалистами» (с. 61). При этом написанное Екабсонсом не добавляет ясности в вопросы о том, в какой мере германские нацисты были образцом для подражания в установлении на-

⁴³³ Нацистская Германия приняла решение о бойкоте еврейских магазинов и предприятий с 1 апреля 1933 г. В ответ латвийские евреи организовали встречную акцию в отношении немецких товаров. Берлин, в свою очередь, нанес удар по латвийской экономике, приостановив импорт масла, составлявший в тот период около 51 % от общего объема латвийского экспорта этого продукта. «Масляная война» была свернута в июне 1933 г., когда стало ясно, что официальная Рига не предпримет практических шагов против нацистов.

ционалистической диктатуры в Латвии или же подталкивали к этому, а также насколько они были осведомлены о готовящемся в Риге перевороте. Автор ограничивается кратким упоминанием о продолжительном визите Улманиса в Германию в 1933 г., да и то в контексте критики советской историографии, которой было «выгодно отражать связь организованного К. Улманисом переворота с Германией» (с. 60). Известный факт беседы резидента германской разведслужбы в Риге Эрнста Мунцингера с Улманисом (депеша в Берлин от 4 апреля 1934 г.), в ходе которой будущий диктатор рассказал о потенциальных выгодах для германского капитала после эвентуального авторитарного переворота в Латвии, расценивается Екабсоном лишь как попытка заручиться «благожелательным нейтралитетом» Германии.

Повествование о реакции Москвы на госпереворот в Риге начинается с конспирологической версии о том, что, согласно утверждениям третьих лиц, весной 1934 г. Улманис поручил послу в Москве Алфреду Билманису выяснить лично у Иосифа Сталина его отношение к установлению в Латвии диктатуры, враждебной Германии (Сталин якобы ответил, что СССР займет позицию благожелательного нейтралитета)⁴³⁴. Автор не считает достоверными подобные утверждения и обращает внимание на то, что во внутренней переписке советские дипломаты указывали на возможность проулманисовского переворота еще с начала 1934 г. Свершившийся факт расценивался в Москве как фашистский переворот, однозначно не отвечавший интересам СССР и рабочего класса, порождавший риски поворота латвийской внешней политики в сторону нацистской Германии, а также укрепления связей с диктатурой в антисоветской Польше.

Касаясь реакции британского истеблишмента, автор приходит к выводу, что смена режима в Риге «не изменила от-

⁴³⁴ См.: *Cielēns F. Laikmetu maiņā: Atmiņas un atziņas*. 5. gram. Stokholma, 1999. 19., 20. lpp.

ношения двух государств»: «Хотя установление диктатуры в Латвии не было полностью приемлемым для английского правительства и парламента с морально-этической точки зрения, но она стабилизировала внутреннее положение и сделала развитие государства предсказуемым, более того, формирование диктатур в Европе в это время и в Лондоне воспринимали как вполне нормальное или по меньшей мере закономерное явление» (с. 63). Рассказывая о французской реакции на переворот, Екабсонс характеризует ее как «одну из самых прохладных, хотя на официальном уровне это почти не проявлялось, за исключением усилий посла Франции Ж. Трипье активно защищать арестованных лидеров социал-демократов». При этом автор не только сильно сглаживает гораздо более негативные оценки режима Улманиса, бывавшие во французских политико-дипломатических кругах в то время, но и зачем-то пускается в рассуждения о том, что «Франции, так же как и Великобритании, вовсе не был чужд политический радикализм в своей внутренней политике» (с. 65). В США, по его мнению, придерживались сугубо прагматической позиции, согласно которой постоянная и прогнозируемая власть в Латвии казалась более отвечающей американским экономическим и политическим интересам. Поэтому, например, среди тех, кто поздравил латвийского посла в СССР Билманиса с государственным переворотом, был и первый посол США в Москве Уильям Буллит.

Мартовский переворот (1934 г.) в Эстонии, несомненно, повлиял и на активность проулманисовских заговорщиков. Отношение Таллина к «последователям» было весьма позитивным, хотя в эстонской прессе и проскальзывали горделивые нотки по поводу большей «законности» собственного нового режима в сравнении с латвийским. К этому следует добавить и некоторые взаимные опасения изменения внешнеполитических симпатий (подозрения в излишнем прогерманском, пропольском или даже просоветском крене), несмотря на подвижки в формировании «Балтийской Ан-

танты» за счет подключения Литвы. В свою очередь, интерес Каунаса присоединиться к эстоно-латвийскому альянсу диктовал и более эмоциональную поддержку переворота 15 мая, патетически приравненного диктатором Антанасом Сметоной к собственным «литовским переменам»⁴³⁵ (с. 67).

Польша, имевшая в межвоенный период небольшой участок границы с Латвией, пыталась и до улманисовского переворота найти среди латышского офицерства почитателей авторитарно-националистического режима Юзефа Пилсудского и последователей идей «санации». С этой целью польский посол в Риге Мирослав Арцишевский даже установил тесные контакты с руководителем фашистской организации «Угункрустс» (в латышской традиции – название свастики) Густавом Целминьшем⁴³⁶. По мнению Екабсонса, польское правительство и дипломатия встретили переворот 15 мая «со смешанными чувствами»: с одной стороны, устанавливался родственный политический режим, с другой стороны, неприятие вызывало принудительное сворачивание общественной деятельности польского меньшинства, особенно в Латгалии. По мнению автора, «надежды главным образом были связаны с очередными иллюзиями Польши относительно возможности внешнеполитически приблизить или даже привлечь Латвию к Польше, реализуя зачастую амбициозные цели этого государства во всем регионе» (с. 68). Представители правящих кругов Финляндии также в целом приветствовали пере-

⁴³⁵ Государственный переворот в Литве, совершенный 17 декабря 1926 г.

⁴³⁶ Густав Адольф Целминьш (1899–1968) – латвийский офицер, айзсарт и дипломат, лидер латышских фашистских организаций «Угункрустс» (1932–1933) и «Перконкрустс» (1933–1934), в 1934 г. арестован по обвинению в членстве в незаконной организации, ставившей целью захват власти, в 1937 г. выслан из Латвии, позднее выслан из Швейцарии за пропаганду идей нацизма; с началом советско-финской войны пошел добровольцем в финскую армию, затем переехал в Германию, где после окончания Кенигсбергской спецшколы абвера получил звание зондерфюрера. С началом немецкой оккупации Латвии активно сотрудничал с нацистами, участвовал в холокосте и репрессиях против сторонников советской власти, в 1944 г. арестован немцами за подпольную националистическую деятельность. В послевоенный период работал военным инструктором и «советологом» в США.

ворот в Латвии, хотя и предпочитали это делать в неофициальной обстановке (после неудачной попытки фашистского мятежа и «похода на Хельсинки» в марте 1932 г.).

На реакцию Швеции повлияли внутривнутриполитический вес критически настроенных к диктатурам социал-демократов, а также сорванный из-за переворота 15 мая визит в Ригу главы МИД Рикарда Сандлера, состоявшийся в итоге только в 1937 г. Вместе с тем автор подчеркивает скрытые симпатии к перевороту шведских правых и некоторых дипломатов. При этом что в большинстве своем шведам, по словам латышского эмигрантского историка Эрика Андерсона, установление в Балтии «полуфашистских режимов» очень не нравилось, еще больше снижая и без того небольшой интерес к этим странам⁴³⁷.

Отношение дипломатии фашистской Италии к перевороту характеризует тот факт, что 16 мая 1934 г. именно итальянский посол Ф. Мамели был первым из иностранных представителей, поздравившим Улманиса с «достигнутым». В Риме остались довольны распространением фашистского влияния в регионе, хотя реальные интересы Италии на Балтике были мизерными. Отмечается, что один из идеологов фашизма Алессандро Паволини, посетивший с пропагандистским визитом Ригу уже летом 1934 г., характеризовал политику правительства Улманиса как «следование деятельности Муссолини и фашизму» (с. 71). Впрочем, последовательным эпигоном итальянского фашизма латвийский диктатор не был – он периодически увлекался разными, порой абсолютно противоположными «немарксистскими» течениями.

Автор приходит к итоговому выводу, что «К. Улманис и В. Мунтерс⁴³⁸ не ошибались, оценивая общую реакцию.

⁴³⁷ См.: *Andersons E. Latvijas vēsture, 1920–1940: Ārpolitika*. 1.d. Stokholma, 1982. 611., 612. lpp.

⁴³⁸ Вилхелмс Мунтерс (1898–1967) – латвийский дипломат, в 1936–1940 гг. министр иностранных дел Латвии.

Однозначную официальную реакцию осуждения не выразило ни одно государство, не считая СССР, который это делал не на дипломатическом уровне, а главным образом на уровне прессы, что предусматривалось заранее». В заключительной части статьи наиболее чувствительной для режима Улманиса он обозначает критическую реакцию шведов, вовсе не упоминая о Франции. Также следует обратить внимание на одну вопиющую странность в статье Екабсонса: нацистскую Германию образца 1934 г. он называет... не тоталитарной, как именует СССР того времени, а «всего лишь» авторитарной – наряду с Польшей и Литвой! (с. 74.)

Статья главы Комиссии историков при президенте Латвии академика Инесиса Фелдманиса «Волны авторитаризма в Европе после Первой мировой войны» (с. 77–89) представляет собой обзор «трех волн» авторитаризма, заметно выпадающий за тематические рамки данного сборника и призванный, судя по всему, вписать «поздний» латвийский случай в общую картину «нормальности» недемократических режимов в межвоенной Европе. В статье, среди прочего, пробрасывается тезис о том, что палитра авторитарных режимов в Европе того периода была пестрой, их никак нельзя называть фашистскими. Также Фелдманис без всякой критики дает ссылку на мнение о том, что «авторитарные режимы пытались обеспечить национальную интеграцию и были ориентированы как против либеральной демократии, так и против тоталитарной диктатуры» (с. 86).

В статье доктора Илгварса Бутулиса «Некоторые аспекты переворота 15 мая в авторитарной идеологии К. Улманиса» утверждается: «как современники, так и большинство позднейших исследователей сходятся во мнении, что идеологией режима К. Улманиса был латышский национализм, который требовал восстановить национальную справедливость, национальную честь и национальный дух» (с. 90).

В качестве чужаков для Латвии и врагов латышского национализма рассматривались «чужие по крови» (русские, евреи, немцы и др. жители Латвии «нетитульного» этнического происхождения) и «идейно чуждые» (социал-демократы и коммунисты), использовавшие для продвижения своих интересов парламентаризм и демократию (с. 91). К первой части списка «врагов», на наш взгляд, следовало бы добавить и «латгальских католиков», нередко обвинявшихся в недостаточной латышскости и, почему-то, в «сговоре с марксистами»⁴³⁹.

В пропагандистских целях теоретиками авторитарного режима использовались и другие негативные стереотипы: обвинения «инородцев» в том, что они «забыли гостеприимство латышей», «смеются над интересами латышей», «угрожают», доминируют в отдельных отраслях народного хозяйства и т. п. Любые решения после переворота 15 мая по ущемлению политических, экономических, социальных или культурно-образовательных прав национальных меньшинств, составлявших в то время четверть населения Латвии, идеологами латышского национализма горячо приветствовались. При этом на публике продвигался демагогический тезис официозной «диалектики» о том, что «латвийское солнце светит всем», но лишь всем тем, кто признает «латышскую Латвию» (с. 93).

Сам по себе национализм латышскими идеологами авторитаризма подавался как общеевропейский тренд, идущий рука об руку с вождизмом, причем образцом для подражания считалась фашистская Италия (с. 95). А вот отсутствие в улманисовской Латвии правящей партии рассматривалось в качестве позитивной отличительной особенности местной диктатуры,

⁴³⁹ Face à la dictature. Le coup d'État du 15 mai 1934 et l'instauration du régime d'Ulmanis en Lettonie. Documents des archives diplomatiques françaises = Перед лицом диктатуры. Государственный переворот 15 мая 1934 г. и установление режима Улманиса в Латвии. Сост. О. Орленко. М. – Париж: Ассоциация по изучению истории России и Восточной Европы, 2014. С. 52.

в которой-де правит «сам народ». Автор также отмечает милитаристскую риторику национал-пропагандистов, но считает ее лишь отражением мрачной европейской действительности середины-конца 1930-х гг. (с. 96). В целом постулаты авторитарной идеологии видятся Бутулису противоречивыми и непоследовательными, тогда как ее изъяны легко маскировались утверждениями об уникальности Улманиса, отказавшегося от слепого копирования европейских образцов и опирающегося на «глубоко национальные традиции» (с. 97).

Документальная часть сборника разбита на шесть разделов: «Участники и современники о перевороте» (7 свидетельств), «Предыстория переворота: генезис идей и подготовка» (26 документов), «Процесс переворота: взятие власти 16 и 17 мая» (49 материалов), «После переворота: репрессии, противодействие и настроения» (105 документов), «Собщения иностранных представителей о событиях 15 мая» (30), «Деятельность внешнеполитического ведомства Латвии: как повлиять на отзвуки переворота за рубежом» (69). В конце сборника также опубликованы четыре приложения (правила о военном положении с поправками и дополнениями, а также список лиц, интернированных в Лиепайском концентрационном лагере в 1934–1935 гг.).

В публикуемых документах содержится богатый материал для детального анализа предпосылок авторитарного переворота и обстоятельств установления диктатуры; интересная выборка документов характеризует ситуацию после путча, хотя, на наш взгляд, далеко не полно и несколько однобоко. Активность латвийской дипломатии по отслеживанию зарубежной реакции на события 15 мая и попытки повлиять на их отражение также представлены более-менее разнообразно. Однако гораздо хуже обстоят дела с пятым разделом: из трех десятков сообщений иностранных дипломатов, вплоть до японских, читатель не найдет ни одного документа советской или французской дипломатии! То есть материалы с критическими или скептическими иностран-

ными оценками переворота, по сути, оказались за бортом этой претендующей на фундаментальность публикации.

Вместе с тем расхожие штампы о недоступности российских (и на этот раз – французских) архивов не выдерживают никакой критики. Например, в 2014 г. Ассоциация по изучению истории России и Восточной Европы издала на французском и русском языках сборник документов «Перед лицом диктатуры. Государственный переворот 15 мая 1934 г. и установление режима Улманиса в Латвии. Из дипломатических архивов Франции» (составитель Олеся Орленко), в котором опубликовано 92 документа, характеризующих установление диктатуры и различные внешне- и внутривластные проявления нового режима. Среди них – депеши в Париж посла Жана Трипье, поверенного в делах Жака Жиродэ и военного атташе Жана Ганеваля⁴⁴⁰. Остается надеяться, что если латвийские авторы-составители решатся на второе издание рецензируемой книги, то они устранят эти бросающиеся в глаза изъяны.

Об одном ценном научном издании воспоминаний

[Левенштейн М. У края бездны. Воспоминания узника Рижского гетто и фашистских концлагерей / Науч. ред. и послесл. П. Полян, сост. П. Полян, В. Панкратова, Т. Равичер, предисл. А. Шнеер, коммент. А. Шнеер, П. Полян. М.: ГАММА-ПРЕСС, 2012. – 200 с.]

Меир Левенштейн (1914–2000), выходец из курляндской еврейской семьи, встретил нападение германских войск на СССР в Риге и попал в гетто; все его родственники погибли. После окончания войны Меир, прошедший несколько нацистских концлагерей и выживший в бесчеловечных условиях, возвращается в Ригу и находит жестяную коробку со своими записями периода пребывания в Рижском гетто.

⁴⁴⁰ Там же, см., например, док. 4, 11, 15, 21, 47, 72.

Только в первой половине 1960-х гг. он смог собраться с силами и на основании тех тайно и наспех сделанных записей подготовить воспоминания о событиях, многие из которых грозили будущему автору неминуемой смертью. Воспоминания увидели свет уже в Израиле, куда Меир Левенштейн вместе с семьей переселился из Риги в 1972 г.

Особый интерес к данной книге у исследователей нацистской истребительной политики на оккупированных территориях СССР и прежде всего холокоста может быть вызван тем похвальным фактом, что, как отмечают составители, «настоящее издание – первое полное и первое научное издание воспоминаний [М.] Левенштейна на русском языке. К тому же это его первое издание в России – стране того языка, на котором писал и думал автор» (с.11).

Введением к данному изданию книги служит краткая, но содержательная и высококвалифицированная научная статья Арона Шнеера (Иерусалим, музей Яд Ва-шем), которая названа «Холокост в Латвии». На восьми страницах представлены основные факты, известные современной исторической науке об уничтожении евреев на оккупированной нацистами территории Латвии. Содержатся общие сведения о расстрелах евреев и в Бикерниекском лесу под Ригой, и в Румбульском лесу, и в Агенскалских соснах в черте города. Указаны и палачи – немецкая айнзацгруппа «А» и латышская «Зондеркомmando Арайс». Майор Арайс и его команда успели «наследить» не только в Риге и латвийских селениях («на руках убийц из этой команды кровь не менее 30 тысяч евреев Латвии» (с.13), но и позже – во время карательных экспедиций в Белоруссии⁴⁴¹.

⁴⁴¹ См., например: Спецсообщение по законченному следственному делу на группу карателей отряда майора германской армии Арайса при «СД» // «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг. Сборник документов. М., 2009. С. 315–322; «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль – март 1943 г.: Документы и материалы. М.: Фонд «Историческая память», 2013. 512 с.

Если фамилия Арайса достаточно известна интересующимся историей Латвии того периода, то имена других активных латышских пособников нацизма нередко оказывались в тени: «Рижский уезд был очищен от евреев вспомогательной полицией по указанию Яниса Вейде. Мартиньш Вагуланс и его группа очистили Елгаву, Карлис Лобе⁴⁴² – Вентспилс и Кулдигу, капитан Александр Мачс – Резекне и окрестности... На юго-востоке Латгалии, в Малте выделялась группа самообороны, которой руководил Харальд Пунтулис. Его группа принимала участие в многочисленных расстрелах в Резекненском и Лудзенском районах» (с. 14). Как подчеркивается во вводной статье, «основу личного состава отделений СД составляли бывшие айзсарги и полицейские времен независимости Латвии», при этом «понятно, что без участия местного населения процесс уничтожения был бы не столь успешен и скор» (с. 14).

25 октября 1941 г. Рижское гетто было окончательно отделено от остального города ограждением, внешняя охрана которого доверялась немцами латышской вспомогательной полиции. Как отмечается в книге, «в отличие от гетто в Минске, Вильнюсе и Каунасе, Рижское гетто просуществовало очень недолго. Его ликвидация произошла в течение двух массовых акций 30 ноября и 8 декабря 1941 г. В эти дни большинство жителей гетто были расстреляны в Румбуле в лесу неподалеку от Риги привезенной из Киева Фридрихом Еккельном (с ноября 1941 г. руководитель СС и полиции в рейхскомиссариате Остланд) специальной группой эсэсовцев из своего штаба (всего около 50 чело-

⁴⁴² Карлис Лобе (1895–1985) – штандартенфюрер СС, организатор холокоста на западе Латвии, в 1942 г. участвовал в формировании 14 латышских полицейских батальонов. В ходе карательной операции в Белоруссии «Зимнее волшебство» (февраль – март 1943 г.) командовал 280-м латышским полицейским полком, затем 43-м полком 19-й гренадерской дивизии Ваффен-СС. В 1945 г. интернирован англичанами, эмигрировал в Швецию. Избежал наказания. О преступных деяниях батальона под его командованием в Белоруссии см.: «Зимнее волшебство»...

век), принимавшей участие в убийстве в Бабьем Яру. Охраняли место расправы и доставляли туда людей “арайсовцы” и местные полицейские, они же убивали узников на территории самого гетто и во время конвоирования» (с. 17).

Мейр Левенштейн был один из 4 тыс. мужчин, оставленных на различных работах, жил в Малом гетто, а в 1943 г. был переведен в концлагерь Кайзервальд, закрытый осенью 1944 г. в связи с наступлением Красной армии. Трудоспособных евреев переправили в Штутгоф, Бухенвальд и Дахау. Всего уцелело в нацистских концлагерях к концу войны около 700 латвийских евреев, еще около 300 спаслись благодаря помощи, весьма рискованной, со стороны местных жителей. Эти цифры поистине ужасают, если сравнить их с данными о том, что за годы германской оккупации на территории Латвии было уничтожено свыше 70 тыс. латвийских евреев и около 11 тыс. евреев, привезенных из Германии, Австрии, Венгрии, Литвы и других стран (с. 17–18).

М. Левенштейну удалось целую неделю оставаться на свободе и стать свидетелем многих страшных событий, но затем он был схвачен одним из латышских добровольных помощников-полицейских. Автор передает эмоциональное состояние от творившегося в Риге с приходом нацистов и выходом из подполья их местных пособников: «С самых первых дней оккупации Риги начинаются издевательства над евреями, расправы, унижения, аресты, расстрелы. По ночам их буквально вытаскивают из кровати и увозят. Сначала только мужчин, затем – женщин, подростков. Увозят целыми семьями. Никто не знает, куда увезли их близких, никто не ждет, что они вернуться. [...] Пропаганда фашистов целиком и полностью оправдывала любой вид “охоты” на беззащитных евреев; нас можно было мучить, стрелять, снимать с нас шкуру. Охотники в лесу действуют куда более гуманно – они не истязают животных, не трогают их детенышей... Каждое утро беззащитный человек

просыпается в страхе – как дожить до вечера. Даже спать ложиться опасно: фашисты могут прийти и голыми выгнать на улицу, отправить в префектуру⁴⁴³, в тюрьму или же прямо на кладбище – с лопатой в руках “для самообслуживания”» (с. 28–36).

Один из ужасающих эпизодов – неудачную попытку вывезти и спасти детей – автор описывает так:

«И вот появляется первый ящик, в котором притаился ребенок. Маленькие руки цепляются за края ящика, показывается худенькое испуганное лицо. Эсэсовец ногой в подкованном сапоге бьет ребенка по ручкам и ударом по голове заставляет его присесть в ящике. Зауэр нажимает на курок нагана – раз, другой. Ребенок затихает. Убитого вынимают и отбрасывают в сторону, а ящик осторожно и бережно укладывают в штабель.

Чем ниже становятся ряды ящиков, тем чаще в них оказываются дети. Стрелять в детей Зауэру помогает Хофман, Шулер и другие заплочных дел мастера. Так заставил Зауэр замолчать последних еврейских детей, оставшихся в Латвии. Эти дети даже не знали толком, зачем их ночью запрятали в ящики. Когда ящики открывали, некоторые даже говорили “добрым дяденькам” спасибо за то, что их освободили от темноты и тесного убежища...» (с. 119).

О другом жутком случае из практики уничтожения нацистами и их пособниками детей в местах заключения евреев автор вспоминал следующими строками:

«Дети, оказывается, очень выносливы, живучи, и убийцы, наслаждаясь видом мучений, не спешили их прикончить. Для развлечения они сажали куда-нибудь полуживого ребенка, а сами, двое или трое, отступив на 20–30 шагов, совершенствовались в меткости и ловкости – кто сможет пер-

⁴⁴³ Префектом полиции Риги немцами был назначен Роберт Штиглиц, бывший глава агентурного подразделения Департамента политической полиции МВД авторитарного режима Карлиса Улманиса (1934–1940).

вым свалить пулей жертву. Маленьких детей подбрасывали в воздух и стреляли по ним...» (с. 50–51.)

Выделяет Меир и особые «заслуги» в зверствах латышских коллаборационистов: «“Арая зени” (“парни Арайса”) – так они назывались. Они действовали, не щадя никого. Не случайно, заслужив одобрение за свою кровавую работу на территории Латвии, они, как хорошие специалисты и мастера своего дела, были привлечены к проведению такой же работы в других союзных республиках» (с. 51–52).

По мере наступления Красной армии нацисты попытались тщательно уничтожить следы своих преступлений. Вот что об этом пишет А. Шнеер: «В 1944 г. в Латвии во многих местах массовых убийств появились специальные команды, подчинявшиеся штандартенфюреру СС Паулю Блобелю (в Латвии это была зондеркоманда SK-1005) под руководством штурмбаннфюрера СС Вильгельма Гельфсгота). Целью этих команд было уничтожение следов преступлений нацистов. Для этой работы набирались группы смертников – евреев и советских военнопленных. Массовые могилы раскапывались, останки жертв сжигались. Все участники таких операций также уничтожались» (с. 18). Однако невозможность опознать жертв все же не повлияла на представления о масштабах нацистской истребительной политики в Латвии, которые были уточнены учеными разных стран мира в послевоенный период.

В послесловии историк Павел Полян отметил важные особенности данной книги: «Воспоминания Меира Левенштейна – это не дневник, а именно воспоминания. Даже записи, на которые он опирается, – записи, пережившие, как и их автор, холокост, записи, пролежавшие для этого в жестяной коробке в сырой земле не менее года, но не пережившие рисков эмиграции из СССР, – и изначально были не дневником, а именно разрозненными и обособленными фрагментами. Но эта опора на первичный материал – в сочетании с довольно ранней

фазой собственно писания воспоминаний⁴⁴⁴, – делает их перwokлассным историческим источником. Вторая их сильная сторона – минимум заемного. В них почти нет эпизодов, записанных с чужих слов, а тем более не из первых рук» (с. 194).

Как признавался после войны Меир Левенштейн, кошмары из жизни гетто и концлагерей долго преследовали его во сне. Бывали и панические атаки наяву. Так, вернувшись в 1945 г. в освобожденную Ригу, Меир видит следы войны: «И вдруг страх охватывает меня, и я тороплюсь сойти с тротуара на мостовую – так будет надежнее, думаю, а то вдруг какой-нибудь эсэсовец увидит, что я иду там, где такому, как я, ходить не положено. Тем более, что я приближаюсь к улице Адольфа Гитлера⁴⁴⁵, на которой евреям вообще нельзя было появляться» (с. 195). Однако, как утверждает автор, «правда о том, что я пережил, не ожесточает мое сердце, оно не хранит зла, не вызывает к мести. Мое сердце живет добром и верой, что никогда не повторится трагедия моего народа. Но для этого нужна правда о прошлом» (с. 24).

«Вторичная европеизация» российско-латвийской истории: как это делается

[*Puga A. Eiropa: Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums. Dokumenti, liecības un atziņas. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010. 208 lpp.*]

Книга бывшего латвийского дипломата, доктора исторических наук Артурса Пути «Европа: Латвийско-российский мирный договор 1920 г. Документы, свидетельства и выводы» обращает на себя внимание не только актуальностью

⁴⁴⁴ Павел Полян полагает, что завершен текст воспоминаний в середине 1960-х гг., а начат, возможно, еще в 1950-х гг.

⁴⁴⁵ В межвоенный период и ныне – улица Бривибас (Свободы). Считается главной магистральной улицей в Риге.

темы, до сих пор сохраняющей для официальной Риги отчетливое политическое звучание⁴⁴⁶, но и обстоятельствами выпуска в свет данного издания.

11 октября 2010 г. в Риге состоялась презентация работы нового фонда «Малая библиотека истории Латвии», первым издательским продуктом которого как раз и стала книга Артура Пуги (на латышском языке). Председателем правления фонда числится руководитель Комиссии историков при президенте Латвии Инесис Фелдманис, занявший позднее и место сопредседателя российско-латвийской комиссии историков. Комментируя необходимость создания фонда, он отметил: *«Мы пришли к выводу, что во многих вопросах, в том числе в интерпретации истории, мы потеряли “гандикап”, имевшийся после восстановления независимости. Ставится под сомнение даже легитимность латвийской государственности»*. По его словам, одним из мотивов образования новой структуры стало осознание того, что *«Латвия находится под постоянным влиянием российского информационного поля»*. Миссия фонда состоит в том, чтобы попытаться выработать «иммунитет» у латышей к «русско-советским мифам» и ослабить их влияние на западную общественность, а основная концепция характеризуется девизом в духе ультраправых речевок: *«Нация, государство, Европа»*⁴⁴⁷. В целом, по словам И. Фелдманиса, *«латвийским историкам следовало бы занимать более агрессивные позиции, реагируя на вещи, затрагивающие государственность Латвии и исторические ценности латышской идентичности, особенно в отношении событий XX века»*⁴⁴⁸.

⁴⁴⁶ Так, 11 августа 2010 г. глава МИД Латвии Айвис Ронис в своем выступлении по случаю 90-летия со дня заключения мирного договора с Советской Россией, позволившего временно отторгнуть от России исторические земли Псковской губернии (Пыталово и окрестности), назвал его «частью генетического кода Латвийского государства» и «священным писанием» Латвии.

⁴⁴⁷ Latvijas Avīze, 9 октября 2010 г.

⁴⁴⁸ Latvijas Avīze, 12 октября 2010 г.

Судя по приведенным высказываниям, мотивы издательской серии этого фонда весьма далеки от собственно научно-исследовательских и научно-просветительских задач, отражая текущие потребности латвийской государственной пропаганды и пресловутой «исторической политики». Однако исполнение заказа может быть осуществлено на том или ином уровне мастерства, содержать полезные для науки документальные вкрапления или неординарные оценки. Попробуем рассмотреть некоторые важные особенности, характеризующие первый выпуск в данной книжной серии.

Прежде всего бросается в глаза навязчивое использование в тексте (начиная с названия) слова «Европа», злоупотребление «европейским контекстом» в ущерб детальному разбору предпосылок, хода и результатов двусторонних переговоров Советской России и Латвии, редуцирование противоречивых исторических событий 1919–1920 гг. на континенте и в регионе до «закономерной» предтечи создания в середине XX века НАТО и ЕС (с. 7). Чрезмерное «европейничество» автора, возможно, отражает его опыт дипломатической службы или же представляет собой банальный случай неуклюжего реверанса в сторону спонсора (книга вышла из печати при поддержке Представительства Европейской Комиссии в Латвии).

По прочтении книги возникает впечатление, что при ее написании и редактировании (издана в авторской редакции) А. Пуга не утруждал себя соблюдением научных канонических норм. Достаточно отметить, что введение и заключение уместилось, соответственно, в полторы и две с половиной страницы карманного формата, заполненных назидательными сентенциями и априорными суждениями, бесконечно далекими от известных науке корректных обобщений фактического материала. Так, вовсе не подкрепляется материалами книги следующий «вывод»: *«Судя по межгосударственным договорам, дипломатической переписке и др. документам, [Советская] Россия и ее народ казались Великобритании и Франции*

ближе и больше заслуживающими поддержки, чем Германия, которая была тяжело и на долгое время наказана условиями Версальского договора» (с. 203). Читатель не найдет в книге положенного историографического обзора, добротного анализа источников, библиографии, именного и географического указателей. Ссылки на литературу и архивные фонды присутствуют (206 сносок на 208 страниц), однако качество их неравномерно. Если латышскоязычная источниковая база на первый взгляд кажется довольно фундированной⁴⁴⁹, то подбор автором русскоязычных «авторитетов» с головой выдает беллетризацию рецензируемой работы: Ю. Афанасьев, Д. Волкогонов, Л. Радзиховский (с. 8, 60, 61, 181, 197).

При более внимательном знакомстве с основным массивом текста А. Пуги приходится констатировать его вторичность и компилятивность: ничего нового, существенно дополняющего или опровергающего тезисы «классической» монографии А. Странги⁴⁵⁰ или статьи А. Миерини⁴⁵¹ по вопросам мирного договора и границ, автор представить так и не смог (за исключением, пожалуй, некоторых пассажей «дидактического» свойства).

В книге неоднократно встречаются политические рассуждения на предмет «непреходящего значения» и даже «нахождения до сих пор в силе» мирного договора от 11 августа 1920 г., что якобы подтверждает континуитет нынешней Латвии с межвоенным государством (с. 188, 205). Апофеозом «геохронополитической» мысли автора может считаться финальный

⁴⁴⁹ При этом А. Пуга не использовал такие заметные в латышской историографии работы, как: *Lerhīs A. Latvijas Republikas ārlietu dienests 1918–1941*. Rīga, 2005; *Latvija un Parīzes miera conference. Miera līgums ar Padomju Krieviju. Robežjautājums // 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940*. Rīga, 2003. 133. – 147. lpp.; *Ciganovs J. Ceļš uz miera līgumu ar Padomju Krieviju // Mājas viesis*. 2003, 8. aug.

⁴⁵⁰ *Stranga A. Latvijas – padomju Krievijas miera līgums 1920. gada 11. augustā. Latvijas – padomju Krievijas attiecības 1919. – 1925. gadā*. Rīga, 2000.

⁴⁵¹ *Mieriņa A. Latvijas valsts robežas (1918–1940) // Latvijas zemju robežas 1000 gados*. Rīga, 1999. 182. – 209. lpp.

абзац книги: «В 21 веке этот договор вместе с другими юридическими актами международных отношений, принятыми документами Сейма и правительства Латвии, обеспечивает государственный суверенитет Латвийской Республики и урегулирование отношений с Россией. Это свидетельствует о непрерывности пути международно-правового развития Латвии в 20–21 веках и постепенном росте этого европейского государства в среде демократических наций» (с. 205).

При этом общеизвестно, во-первых, что современная Россия имеет дипломатические отношения с Латвией как с новым независимым государством, образовавшимся в ходе распада СССР на основе институтов и территории Латвийской ССР, во-вторых, у Российской Федерации нет никаких действующих с довоенного времени пограндоговоров на западных границах, и, в-третьих, мирный договор от 11 августа 1920 г. утратил силу еще 5 августа 1940 г. – в связи со вступлением Латвийской ССР в состав СССР⁴⁵². Как отражено в историографии, в том числе латвийской, вхождение республик Прибалтики в состав СССР *de jure* признавали такие страны, как Австрия, Аргентина, Боливия, Швеция, Япония; многие государства не имели или не высказывали по этому вопросу четкой позиции⁴⁵³.

В 1920 г. поддержка Антанты, Польши и военная удача были на стороне Латвии (в версии правительства Карлиса Улманиса). Латышские «антисоветские» стрелки силой захватили российские земли на Псковщине (часть нынешнего Пыталовского района) и белорусские – в районе Дриссы, однако Рига сумела достичь вынужденного согласия Москвы на аннексию части этих территорий с нелатышским населением: 11 августа 1920 г. был заключен мирный дого-

⁴⁵² См., например: Черниченко С.В., Чигарев В.М. Континуитет, идентичность и правопреемство государств. Изд. 2-е. М.: ДА МИД РФ, 1998.

⁴⁵³ См.: *Upmalis I., Tilgass Ē., Stankevičs E.* Latvija padomju militaristu varā. 1939–1999. – Rīga, 2011. 287. lpp.

вор, который властные круги в Риге ценили очень высоко. Правительство В. Ленина поступило территорией в ожидании «мировой революции» и тактических успехов по прорыву международной политической и торговой блокады Советской России. В первой половине 1920-х гг., несмотря на весьма напряженные и ограниченные политические контакты с Москвой, именно Латвия и Эстония пользовались славой лимитрофов, чья инфраструктура задействовалась советской стороной для внешнеторгового транзита, а также продажи и легализации в Европе золота и драгоценностей, конфискованных у представителей «старого режима».

Увы, эти важные, на наш взгляд, сюжеты не нашли соответствующего отражения в книге А. Пути, пустившегося в многостраничное обоснование легитимации Латвийского государства на основе противоречивой «советско-антисоветской» аргументации, а также дежурной «оккупационной» риторики в адрес Москвы (с. 180–205). Остается надеяться, что хотя бы некоторые новые издания в серии «Малая библиотека истории Латвии» будут должным образом оформленными, более содержательными и менее индоктринированными.

Судьбы русской интеллигенции на территории Эстонии в контексте военно-политических потрясений

[Пономарева Г.М., Шор Т.К. *Русская печать и культура в Эстонии в годы Второй мировой войны (1939–1945) = Vene truisona ja kultuur Eestis II Maailmasoja ajal (1939–1945). Tallinn, 2009. – 236 с.*]

Положение русского населения Эстонии, биение пульса культурной жизни в условиях авторитарного националистического режима Константина Пятса (1934–1940) и дальнейшие драматические события военно-политического характера, повлекшие за собой, среди прочего, деформацию и свертывание самобытных проявлений межвоенного осколка русского мира

в Эстонии, требуют всестороннего осмысления на основе взвешенных научных подходов, кропотливого поиска и корректного введения в научный оборот фактологического материала. Эта тематика по-прежнему относится к разряду малоизученных, привлекающих серьезное внимание лишь отдельных ученых, среди которых следует выделить профессора С.Г. Исакова (Эстония)⁴⁵⁴. Несомненный интерес в этой связи представляет новая работа таллинских исследователей историка Галины Пономаревой и историка-архивиста Татьяны Шор, предпринявших попытку «проследить влияние политических явлений на смену культурных кодов в Эстонии на примере русской печати и культуры во время Второй мировой войны» (с. 4). Читатель сможет найти в этой книге множество подробностей литературно-издательской, научно-преподавательской и музыкальной жизни русской общины (диаспоры) в Эстонии, эволюции политических пристрастий и пропагандистского использования русскоязычной печати, а также краткие характеристики социально-экономического и политико-правового положения различных групп русского населения в описываемый период. Однако если внимательно взглянуть на концептуально-хронологический каркас работы и обоснованность некоторых оценок, то возникает немало вопросов и, как представляется, уместных критических замечаний.

При рассмотрении хронологических рамок (август 1939 г. – 2 сентября 1945 г.), в которые втиснуты четыре периода «уничтожения русской культуры в Эстонии» (с. 4), мы сталкиваемся с причудливым переплетением идеологизированного и формального подходов. Так, отсчет ведется от

⁴⁵⁴ См., например: *Исаков С.Г. Русские в Эстонии, 1918–1940. Историко-культурные очерки.* Тарту, 1996; *Исаков С. К проблеме культурной интеграции русских в Эстонии (1918–1940) // Русские Прибалтики. Механизм интеграции (до 1940 г.).* Вильнюс, 1997; *Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. проф. С.Г. Исакова.* Тарту; СПб: Крипта, 2001; *Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг.: Антология / Сост., вступ. ст., биогр. справки и коммент. проф. С.Г. Исакова.* Таллинн: КПД, 2002; *Исаков С.Г. Очерки истории русской культуры в Эстонии.* Таллин: Aleksandra, 2005.

пакта Молотова – Риббентропа, с которого якобы началась Вторая мировая война, и завершается капитуляцией Японии, «формальную» дату которой можно соотнести с эстонским локусом лишь условно. И все же некоторые основания для определения ранней временной границы исследования (но с более точной формулировкой самой темы) имеются: после притворного оставления Эстонии фюрером за пределами германской «сферы интересов» была организована, при деятельном участии официального Таллина, принудительная «репатриация» граждан Эстонии немецкого происхождения (1939–1941 гг.). Г.М. Пономарева и Т.К. Шор отмечают, что возможностью эмигрировать по «немецкой линии» воспользовались многие деятели русской культуры, опасавшиеся советских репрессий: *«В эту волну попали писатели П. Иртель, М. Роос, К. Гершельман, И. Базилевский, Е. Роос-Базилевская, Н. Рудникова, А. Чернявский-Черниговский, М. Сидоров, уехавшие из страны, как до провозглашения советского режима, так и после него. Литературный круг русских сузился, но по-прежнему продолжали выходить газеты, журналы и книги, хотя спад, несомненно, ощущался»* (с. 9). Стоит отметить, что среди бежавших в Германию были установленные чекистами разведчики и агенты-«двойники» – например, Н.П. Рудникова, сотрудничавшая с белогвардейской, а затем (с подачи второго мужа, барона А.В. Иксуля) – с немецкой, британской разведками и эстонской военной контрразведкой⁴⁵⁵.

При этом нет никаких оснований рисовать идиллическую картину жизни русской общины и ее культурных очагов в Эстонии накануне «репатриации» русских интеллигентов и буржуа с немецкими корнями и связями, воследовавшей за пактом Молотова – Риббентропа. Еще до установления в марте 1934 г. эстонской националистической

⁴⁵⁵ Иконников А. Своя среди чужих // Вести Неделя плюс. 2000. 6 окт. № 40; 20 окт. № 42; 27 окт. № 43. Подробности тайной биографии Н.П. Рудниковой хранятся в филиале Государственного архива Эстонии в Таллине: Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 17.

диктатуры русские жили в весьма стесненных условиях; в дальнейшем негативные тенденции преднамеренно и целенаправленно усиливались властями, вызывавшими у населения встречную реакцию в виде просоветских настроений, во многом наивных. Вот что об этом сюжете пишут сами авторы: «К концу 1930-х гг. в русской диаспоре Эстонии в связи со сложной экономической ситуацией в Европе и фашизацией Германии усиливается влияние коммунистических идей на беднейшие слои русского населения и на молодежь. Этому способствовали низкие доходы и уровень образования основной массы русского населения по сравнению со средними показателями по Эстонской Республике. [...] Несмотря на определенные успехи в попытке объединиться на культурно-национальной платформе, наблюдалось дробление и дифференциация диаспоры не только по социальному положению, но и по идеологическим мотивам. Активный курс правительства К. Пятса на полную ассимиляцию русских, а также мощный поток советской пропаганды, шедшей с Востока, играли роль катализатора в этом процессе. Ставка на культуру, как объединяющее начало всех русских сил, без необходимого экономического базиса и влиятельной элиты, оказалась эфемерной, несмотря на то, что общественная активность русской диаспоры Эстонии доказанный факт» (с. 7).

Авторы упоминают об элементах «полевления» (с. 9) в культурной политике Эстонии в 1939–1940 гг., не выделяя при этом хронологических границ предшествовавшего всплеска антисоветской активности властей и их заигрывания с гитлеровской Германией в 1938–1939 гг. (кульминацией стал берлинский пакт Сельтера – Риббентропа от 7 июня 1939 г.)⁴⁵⁶. В качестве инструментов культурно-идеологического влияния СССР, кроме радиопередач с приграничных

⁴⁵⁶ Ilmjärv M. Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus 1920. Aastate keskpaigast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004. lk. 558.

территорий и кинофильмов, в книге представлены эстонско-советское общество сближения, проводившее различные выставки и литературно-музыкальные вечера в Таллине и Тарту, а также Всесоюзное общество культурных связей с границей (ВОКС), занимавшееся, среди прочего, популяризацией в Эстонии достижений советской культуры. В книге на основе единичного примера включения московским издательством «Академия» в свои планы публикации эстонского эпоса «Калевипоэт» на русском языке (март 1940 г.) допускается конспирологическое обобщение: *«Усиление интереса к переводу эстонской литературы на русский язык означало, что эстонская литература была уже тайно включена советским правительством в состав “братской” литературы народов СССР»* (с. 13). Думается, что читатель сам сможет ответить на вопрос об адекватности подобных выводов применительно к событиям начала 1940 г.

Интересные зарисовки представлены в главе «Зимняя война глазами русской интеллигенции Эстонии». Предваряя разбор публикаций и писем образованной части общества, Г.М. Пономарева и Т.К. Шор дают характеристику настроений разных социально-возрастных категорий русских жителей: *«Учитывая экономические и политические трудности, выпавшие на долю простого населения Эстонии, к началу войны с Финляндией (ноябрь 1939 г. – В. С.) наблюдался крен в сторону большего сочувствия к изменению социального уклада. Социализм представлялся одним из реальных выходов к улучшению своего экономического и социального статуса. “Зимняя война” наглядно обнаружила резкое социальное расслоение русского населения. Необразованная беднота выступала в поддержку Красной Армии, другая часть, в основном интеллигентны, переживали за Финляндию. Сложнее было с юношами из интеллигентных семей, которые отождествляли советскую армию с русской. [...] Можно сказать, что русские подростки, напичканные советской пропагандой, в отношении “Зимней войны” занимали промежуточную позицию между необра-*

зованным старшим поколением и русской интеллигентной элитой. [...] Если для эстонцев “своими” в советско-финском конфликте был родственный им народ финно-угорской группы финны, с которыми их связывали прочные культурные и экономические контакты, то для русских Эстонии (имеются в виду культурные, научно-образовательные и религиозные круги. – В. С.) “нашими” представлялись русские Финляндии» (с. 29, 30). Таллинские исследовательницы дают очень резкую оценку присоединения Эстонии к СССР: «С июня 1940 по июнь 1941 г. произошли кардинальные преобразования в духовной сфере жизни русского населения в связи с процессами, направленными на уничтожение русского национального меньшинства в Эстонии и превращения оставшихся в живых русских в “советский народ”. Все прежние общественные организации были закрыты, перестали выходить привычные для местного русского населения газеты и журналы» (с. 16). Такие суждения, при всей эмоциональности, имеют под собой определенные исторические основания: сталинские массовые репрессии охватили белоэмигрантов, общественно-политических и религиозных деятелей, а также их семьи. Были арестованы, расстреляны или погибли в лагерях писатели В.А. Никифоров-Волгин, В.Е. Гущик, видные педагоги Л.А. Андрушкевич, П.В. Нестеров, А.С. Пешков, крупные общественные и культурные деятели А.А. Булатов, П.А. Богданов, С.А. Горбачева, С.Д. Кленский, И.А. Лаговский и многие другие. Однако следует отметить, что, при всем свертывании старого уклада жизни и ужасающем характере репрессий, в период разрастания Второй мировой войны и угрозы прямого столкновения с Германией каких-либо внятных планов по «этнической перекодировке» русских Эстонии в Москве не существовало.

Также обращает на себя внимание некритическое использование авторами «оккупационной» риторики в адрес СССР, ставшей одним из ключевых догматов современных эстонских властей (с. 5, 6). Здесь уместно напомнить, что обильно цитируемый в книге профессор С.Г. Исаков более корректен в фор-

мулировках, говоря об «аннексии» Эстонии и подчеркивая, что с формально-юридической точки зрения никакой «советской оккупации» не было⁴⁵⁷. Следует отметить, что процесс передачи власти диктатором К. Пятсом и его окружением просоветскому правительству, проходивший под давлением и присмотром представителей СССР, но не только без активного сопротивления, а даже с отчетливыми элементами сотрудничества со стороны старых эстонских структур, до сих пор содержит в себе исторические загадки. Так, в книге лапидарно и без всяких комментариев упоминается об аресте 21 июня (!) 1940 г. в Печорах эстонской политической полицией инструктора Союза русских просветительных и благотворительных обществ по Печорскому краю писателя Б.К. Семенова. Профессор С.Г. Исаков в этой связи пошел дальше, предложив свою версию событий: *«Как это ни странно, первые аресты были произведены еще эстонской политической полицией до 21 июня 1940 г., т. е. до утверждения советской власти. До сих пор не найдены документы, их объясняющие. Можно предполагать, что эстонские власти, очень боявшиеся каких-либо “провокаций” в отношении вступающих на территорию ЭР частей Красной Армии, решили в превентивных целях арестовать наиболее активных эмигрантов, допуская, что они могут оказать сопротивление красным. Вслед за тем арестованные из тюремных камер эстонской полиции перекочевали в застенки НКВД, где их судьба была решена оперативно и кардинально»*⁴⁵⁸.

С приходом гитлеровских войск, как отмечают авторы, возникла опасность тотального уничтожения русской общины Эстонии: *«В 1941 г. любое упоминание о русской культуре было под полным запретом. Нельзя было играть музыку Чайковского или вспоминать имя Пушкина, одно время снова возродилась идея сноса Александро-Невского собора в Таллинне. Глава*

⁴⁵⁷ Исаков С.Г. Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн: Aleksandra, 2005. С. 403, 408, 417.

⁴⁵⁸ Там же. С. 409.

эстонской директории Х. Мяз предложил всех русских Эстонии выселить за Чудское озеро, а эстонцев и финнов-ингерманландцев перевезти из России в Эстонию (см.: Angelus 1995: 222–224). Но поскольку оставшиеся в Эстонии русские выказали себя лояльными гражданами, их оставили в покое. К весне 1942 г. в высшем эшелоне идеологов Германии во главе с А. Розенбергом утвердилось мнение о необходимости перехода к сотрудничеству с недовольными прежней властью гражданами» (с. 173).

При этом в работе все же присутствует ссылка на то, что русское население Эстонии раскололось на «пораженцев», «оборонцев» и «приспособленцев» (с. 19), хотя и не даются развернутые характеристики каждой группы. В тексте указываются потребности нацистов в низовом пропагандистском аппарате и переводческих кадрах: «Немцы же остро нуждались в услугах местной русской интеллигенции, которая знала немецкий язык и в отличие от советских гуманитариев, не только читала, но и говорила по-немецки. Гуманитариев, знавших немецкий язык, определяли в переводчики» (с. 18).

Пассажи о том, что «из-за идеологических соображений в русских газетах того периода представлено значительно больше материалов, направленных против сталинизма, чем в русской печати Эстонии во второй половине 1930-х гг.», «в русской журналистике времен немецкой оккупации отчетливо прослеживается антисоветская струя с антисемитским акцентом», можно признать довольно точными, хотя и банальными. А вот определение антисемитских печатных материалов всего лишь в качестве «идеологической уступки фашистскому режиму» со стороны прессы (с. 20), а не ударного инструмента тотальной пропаганды представляется явной натяжкой, создающей впечатление некоторой «снисходительности» авторов к пронацистским коллаборационистам.

Авторы отмечают, что «в советскую эпоху культура в зоне немецкой оккупации была табуированной темой» (с. 110), однако сами признают беспредметность обсуждения важных аспектов заявленной темы: «Книги русских писателей Эсто-

нии в этот период не выходили, не было и русских литературных журналов. Сразу же возникли сложности с газетами на русском языке» (с. 111). В этой связи на страницах книги более подробно рассмотрены вопросы пропаганды и литературного «гарнира» в периодике и календарях за 1942–1944 гг., а также отдельные всплески музыкальной жизни. С отступлением немецких войск территорию Эстонии покинули и некоторые русские писатели, переводчики и журналисты; другие были репрессированы советской властью за пропагандистское обслуживание нацистов (например, Б. Тагго-Новосадов) или не нашли своего места в русской советской литературе. Авторы констатируют, что «к концу 1944 г. советская культура полностью вытеснила местную русскую субкультуру» (с. 21).

К существенным изъянам книги (скорее сборника очерков, чем монографии) следует отнести отсутствие какого-либо заключения – все выводы «заданы» заранее, во введении. Тем не менее работа Г.М. Пономаревой и Т.К. Шор демонстрирует и ряд несомненных достоинств, среди которых выделяется широкая источниковая база исследования, детальная изученность многих микросюжетов, раскрытие личностных качеств и творческих свершений отдельных представителей русской культуры в Эстонии.

Полицейские форматы литовской коллаборации

[Станкерас П. Литовские полицейские батальоны, 1941–1945 годы. М.: Вече, 2009. – 304 с.]

Тематика коллаборационизма во Второй мировой войне остается одной из наиболее сложных сфер для приложения усилий историков различных стран, пытающихся разобратся в хитросплетениях этого явления. На исследовательской работе сказываются не только и не столько существенные пробелы в архивных материалах, сколько влияние политической конъюнктуры.

В прибалтийских государствах на смену советской историографии, сочетавшей множественные умолчания фактов с «целесообразными» трактовками и своеобразным пониманием принципа интернационализма в освещении «острых» вопросов, пришла национальная наука. С начала 1990-х гг. под прямым влиянием балтийской эмигрантской публицистики и мемуаристики был дан старт череде «оправдательных» тезисов, высвечивающих «героизм» местных пособников нацистов в борьбе с «большевистской угрозой» и ретуширующих их роль в уничтожении мирного населения, в том числе по национальному признаку. При этом добровольное или вынужденное сотрудничество с оккупационным гитлеровским режимом стало трактоваться чуть ли не как форма сопротивления («резистенции») германской экспансии, «тихая» борьба за выживание в надежде на то, что немцы, а затем и англо-американские союзники вернут суверенитет и порядки, бытовавшие в регионе до середины июня 1940 г.

Наиболее многослойной проблема коллаборации с гитлеровскими структурами в период Второй мировой войны представляется в Литве, где на взаимодействие «патриотов» и приспособленцев с оккупационной немецкой администрацией (в т. ч. в уничтожении евреев, цыган, коммунистов, советских партизан и сочувствовавших им мирных жителей) накладывались острые литовско-польские противоречия, особенно в Вильнюсе и его окрестностях.

Самым значительным исследованием этой проблематики, опубликованным в последнее время на русском языке, стала книга литовского историка Пятраса Станкераса «Литовские полицейские батальоны. 1941–1945 годы». Автор предпринял попытку на основе доступных архивных фондов⁴⁵⁹ и различных публикаций обобщить материалы и детализировать

⁴⁵⁹ В подготовке книги использованы фонды Центрального государственного архива Литвы, Архива общественных организаций Литвы, Особого архива Литвы и отдела рукописей Библиотеки Литовской академии наук.

отдельные аспекты, касающиеся формирования и деятельности литовских полицейских структур, включая «строевые» батальоны. При этом П. Станкерас отмечает, что до сих пор в литовской научно-исторической литературе «основательно не рассмотрены и не освещены такие вопросы, как организационная система управления Генеральной области Литвы во время Второй мировой войны, немецкая военная, полицейская и гражданская администрации, суды, состав и организационная структура литовской полиции, отношения между литовской полицией и немцами и ее место в системе немецких учреждений власти»⁴⁶⁰.

Данная книга, по существу, является первой попыткой написания серьезной исторической монографии, посвященной деятельности литовских полицейских подразделений⁴⁶¹. Ей предшествовали небольшие разделы в ряде изданий военно-исторического характера, научные статьи и публикации в периодической печати Литвы. В числе специалистов по теме литовской полиции военных лет автор называет историка Арунаса Бубниса, на которого нередко ссылается в ходе повествования.

Подобная картина прослеживается также в отечественной историографии и публицистике, причем с поправкой на «периферийность» темы и схематичность ее изложения. Литовский сюжет если и встречается в «общих» изданиях, то подается, как правило, в справочно-нарративном и научно-популярном ключе⁴⁶². Вместе с тем российский читатель мог в последнее время ознакомиться и с некоторыми анали-

⁴⁶⁰ Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. 1941–1945 годы. М.: Вече, 2009. С. 4.

⁴⁶¹ Русское издание представляет собой доработанный и переведенный с литовского языка вариант книги П. Станкераса «Полиция Литвы в 1941–1944 годах».

⁴⁶² См., например: Дробязко С.И., Карацук А.В. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М.: Аст, 2000. 46 с.; Чуев С.Г. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. М.: Эксмо, 2004. 576 с.; Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха / Под ред. К.К. Семенова. М.: АСТ; Астрель, 2009. 848 с.

тическими материалами, включающими в себя подробное цитирование литовских авторов и оценки эволюции прибалтийской историографии⁴⁶³. Вводились в научный оборот и новые документы из российских архивов, касающиеся преступной деятельности литовских пособников гитлеровского режима⁴⁶⁴.

Безусловным плюсом книги Станкераса является развернутый научно-справочный аппарат: более семисот концевых ссылок, включая комментарии к упоминаемым в тексте событиям, органам и персоналиям, а также таблицы, дающие представление о структуре, руководящем составе и дислокации литовской полиции на оккупированной гитлеровцами территории республики. К числу позитивных сторон данного исследования можно отнести попытку представить формирование полицейских батальонов в ряду других смежных структур и на фоне военно-политической обстановки в занятой немцами Литве. Малоизвестные подробности столкновений Армии Крайовой с литовскими полицейскими, ее противоречивых «жестов» в адрес немцев и красных партизан содержатся в главе «Польские проблемы на литовской земле». Читателю предоставляется возможность окунуться в литуанизированную версию событий и обнаружить, например, следующий пассаж: *«Польские партизаны были смелыми, потому что их опекала немецкая администрация»*⁴⁶⁵.

⁴⁶³ Юсуповский А.М. Современные попытки пересмотра военно-политической роли литовских националистических организаций и военных формирований в период Второй мировой войны / Националистические организации и воинские формирования периода Второй мировой войны, сотрудничавшие с фашистской Германией: прошлое и настоящее. Вып. 2: Литва, Эстония, Белоруссия, Россия, Закавказье // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2006. № 24 (312).

⁴⁶⁴ Трагедия Литвы: 1941–1944 годы. Сборник архивных документов о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М.: Изд-во «Европа», 2006. 400 с.

⁴⁶⁵ Станкерас П. Указ. соч. С. 126.

Вместе с тем, на наш взгляд, труду этого литовского автора, рассчитанному на русскоязычную аудиторию, присущи и некоторые изъяны. Представляется, что П. Станкерас излишне навязчиво рекламирует на страницах своей книги весьма спорные и политизированные тезисы официального Вильнюса относительно характера «всенародного антисоветского восстания» в июне 1941 г., организованного «Фронтом литовских активистов» (ФЛА), и статуса «Временного правительства Литвы» (ВПЛ) И. Амбразявичуса⁴⁶⁶. При этом автор признает, что «правительство», поспешившее выразить благодарность «спасителю европейской культуры» Адольфу Гитлеру, немцы не стали сразу ликвидировать лишь потому, что смогли придать ему «функции подсобного органа немецкого военного руководства»⁴⁶⁷.

Станкерас оговаривает тот факт, что «деятельность ФЛА неоднозначно оценивается историками», однако не перестает умиляться попытке «реинкарнации» отдельных элементов управления межвоенной Литвы: «*И пусть ненадолго, но государственный аппарат был сформирован и действовал, как и до советской власти*»⁴⁶⁸. Также в тексте многократно используется более чем спорный термин «воссоздание литовской полиции», но при этом упоминается об организации уездной полиции по распоряжению немецких властей и не скрывается тот факт, что кадровый состав полиции был укомплектован лишь на 40 % бывшими профессионалами, а остальные 60 % «были юноши, ни теоретически, ни практически не подготовленные к работе в полиции»⁴⁶⁹.

Присутствуют в книге и признаки безотчетной и даже в чем-то наивной героизации назначенного нацистами

⁴⁶⁶ Подробнее об этом см.: Дюков А.Р. Накануне Холокоста: Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг. М.: Фонд «Историческая память», 2012.

⁴⁶⁷ Станкерас П. Указ. соч. С. 18.

⁴⁶⁸ Там же. С. 12.

⁴⁶⁹ Там же. С. 129.

«первого генерального советника», генерал-лейтенанта Пятраса Кубилюнаса: *«Хотя его сын Альгирдас и служил в частях СС, однако не приходилось слышать и читать, чтобы генерал заискивал перед немцами»*. Затем Станкерас прибегает и вовсе к мифотворчеству конспирологического толка, всерьез утверждая, что *«такая позиция литовского генерала не нравилась немцам, но они до поры до времени терпели. Даже после войны немцы мстили генералу П. Кубилюнасу и, спасая свою шкуру, оговаривали его перед советским судом»*⁴⁷⁰.

Непреодолимая тяга автора к описанию «антилитовских заговоров» сыграла с ним злую шутку: на страницы книги была привнесена фальшивка, хорошо известная в кругах ученых-историков. Речь идет о так называемом «договоре о сотрудничестве НКВД и гестапо», якобы заключенном в Москве 11 ноября 1938 г. Впервые эта подделка появилась в антисемитском издании «Память» в 1999 г. Как отмечают российские историки, оформление и содержание этого «документа» явно свидетельствуют о его подложности. Достаточно сказать, что Генрих Мюллер, его «подписант» с германской стороны, обозначен как бригадефюрер СС, тогда как в указанный срок он имел звание штандартенфюрера СС. И находился в Берлине, а не в Москве⁴⁷¹. На основе этой фальсификации, грубо сработанной любителями «жареных» исторических сенсаций, П. Станкерас рисует фантазмагорическую картину «сотрудничества» советских и германских спецслужб в 1940–1941 гг.: *«Здесь можно выдвинуть предположение, что спецслужбы Германии решили проучить несговорчивых литовцев руками НКВД, предоставляя Москве информацию о возрастающем в Литве антибольшевистском подполье. Может, именно этим*

⁴⁷⁰ Там же. С. 37.

⁴⁷¹ См.: Дюков А.Р. «The Soviet Story»: механизм лжи. 2-е изд., испр. и доп. М.: Фонд «Историческая память», 2008. С. 20–25.

можно объяснить возрастающее число арестов патриотов Литвы?»⁴⁷²

К негативным сторонам рецензируемой книги, как представляется, относится заметная диспропорция в изложении материала о различных видах литовской полиции при нацистах, вплоть до мельчайших «погонно-петличных» подробностей, в ущерб описанию и анализу деятельности собственно полицейских «Schuma» – батальонов и подразделений «самообороны». Автор явно тяготеет к прорисовке «благоустройства» полицейской среды на территории самой Литвы по соизволению немецких властей и стараниями литовских коллаборационистов. При этом он крайне неохотно и схематично рисует пребывание этих батальонов за границами Литвы, не акцентируя внимание на их карательной деятельности. Более того, в оценках борьбы этих подразделений с советскими партизанами и боестолкновений с регулярными частями Красной армии оправдательный пафос переполняется откровенно горделивыми нотками: *«Большинство литовских полицейских батальонов, разброшенных по широким просторам России, храбро сражались вместе с немцами и солдатами других национальностей»⁴⁷³.*

То, что именно «заграничные похождения» этих батальонов были основной их деятельностью, признает и обильно цитируемый Станкерасом историк А. Бубнас: *«Во время советско-германской войны и нацистской оккупации Литвы было сформировано не меньше 26 литовских полицейских батальонов. Уже летом 1941 г. первые литовские батальоны были посланы исполнять разные задачи в тыловой зоне немецких войск за пределами Литвы. В основном литовские батальоны охраняли железные дороги, мосты и разные военные объекты, а также участвовали в операциях против партизан. Литовские батальоны дислоцировались по всей*

⁴⁷² Станкерас П. Указ. соч. С. 23, 24.

⁴⁷³ Там же. С. 169.

линии Восточного фронта от озера Ильмень на севере России до Азовского моря на Украине. Больше всего литовских батальонов действовало в Белоруссии, в северо-западной части России (Новгородская и Псковская области) и на Украине. Два литовских батальона (2-й и 252-й) охраняли концлагерь Майданек около Люблина в Польше. В конце августа 1942 г. в Литве служили 9 литовских батальонов, а за пределами Литвы – 11 батальонов (четыре батальона в Украине, три в Белоруссии, три в России и один в Польше)»⁴⁷⁴.

Судя по рецензируемому тексту, у П. Станкераса не было желания подробно исследовать вопрос участия литовских полицейских в холокосте (эта тема никак не выделена в исследовании), зато подробно смакуется феномен создания и деятельности еврейской полиции в гетто Литвы, чему посвящена отдельная глава. Не заметны также попытки использовать в работе важные достижения историков-краеведов и архивистов из российских регионов, из Украины и Белоруссии⁴⁷⁵.

Завершая повествование, П. Станкерас признает, что деятельность литовской полиции в годы войны по многим позициям все еще остается «белым пятном» в истории, и рассчитывает на дальнейшие кропотливые исследования ученых. Можно согласиться с таким выводом, далеким по стилистике от иных прямолинейных трактовок, которые встречаются в этой книге. Остается лишь еще раз попенять автору за имморализм и элементы экзальтации в оценке создания и функционирования поднацистского литовского «самоуправления» и сил «самообороны».

⁴⁷⁴ Бубнис А. Литовские полицейские батальоны в Латвии 1944–1945 гг. // *Baltijas reģiona vēsture 20. gadsimta 40. – 80. gados* (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 24. sēj.). Rīga, 2009. 481 lpp.

⁴⁷⁵ См., например: *Винокурова Ф.* Литовская коллаборация в Украине в период нацистской оккупации (1941–1944 гг.) (на основании анализа документальных источников Государственного архива Винницкой области) // *Голокост і сучасність*. 2003. № 1 (7) и № 2 (8).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая мировая война и германская оккупация, а также развернувшиеся в 1918–1920 гг. гражданский конфликт и иностранная интервенция привели к тому, что судьбы Прибалтийского края и Литвы решались при прямом вмешательстве внешних сил – в условиях военной и послевоенной разрухи. Решались с учетом зарубежных «геополитических» наработок и идеологического противостояния. Определенной части литовского, латышского и эстонского общества удалось решить вопрос создания национальных государств в свою пользу. Не вдаваясь в подробный разбор споров о легитимности тех или иных решений с учетом присутствия иностранной военной силы, обратим внимание на вопрос их репрезентативности. В частности, население латвийских территорий в годы Первой мировой войны уменьшилось почти вдвое, считая погибших, эвакуированных, беженцев и мобилизованных в армию: из примерно 2,5 млн человек, проживавших там в 1914 г., в 1918 г. осталось лишь около 1,3 млн человек. Статистика дает яркое представление о степени деформации довоенного общества Курляндии и Лифляндии, многие лучшие представители которого погибли или оказались в ключевой момент истории вне пределов Латвии. Эти и другие «неудобные» вопросы в современной латвийской исторической науке и памяти стараются не поднимать, оставаясь в основном в рамках националистических интерпретаций.

Первая мировая война в Прибалтике в зеркале местной исторической науки и народной памяти, как представляется, не находится в фокусе исследовательского и обществен-

ного внимания. Вместе с тем еще с межвоенного и эмигрантского периодов накопилось немало мифов, по большей части антирусских и антирусских, так или иначе связанных с Великой войной – от выдумок о русских генералах, специально сдававших литовские и латвийские территории немцам, славших на верную гибель латышских стрелков, до мифов о том, что урона от русских войск местному населению было больше, чем от немецких; от тенденции преуменьшать степень влияния «благоприятных обстоятельств» в обретении независимости до преувеличения усилий и героизма собственных политиков, дипломатов и военных.

На основе заимствований из «модных» европейских идейных девиаций и банальной ксенофобии местного происхождения, по крайней мере, с середины 1920-х гг. в прибалтийских странах верстались планы построения националистических государств, в которых этнические меньшинства должны были знать «свое место». Их идейную основу составляли звонкие лозунги и эпические представления о литовском, латышском или эстонском «хозяине», антикоммунизм, элементы фашистских корпоративистских идей, антисемитские, русофобские или полонофобские настроения (особенно в Литве, но отчасти и в Латвии).

Сложные переплетения внешнеполитических, военных и экономических процессов в 1930-е гг. на Европейском континенте оставили своеобразный отпечаток на восприятии Эстонией, Латвией и Литвой, их властными группировками и обществами, своего места в мире. После установления в Германии экспансионистского гитлеровского режима, опиравшегося на человеконенавистническую идеологию и прямое насилие, прибалтийским странам предстояло определиться в стратегии и тактике отношения к нацистскому Берлину, а также выстраивания связей с соседями, включая СССР, и странами Запада.

Утверждение в Прибалтике авторитарного правления с профашистской идеологией (с 1926 г. – диктатура Антана-

са Сметоны в Литве, с 1934 г. – диктаторские режимы Константина Пятса в Эстонии и Карлиса Улманиса в Латвии) оказало ключевое влияние на формирование стереотипов, предпочтений и антипатий официальных Риги, Таллина и Каунаса к ведущим акторам в мировой политике. При этом особая ситуация сложилась в Литве, военно-политическое положение которой характеризовалось хроническим конфликтом с Варшавой (и, следовательно, международной «полуизоляцией») из-за оккупированного польскими войсками Вильнюса и окрестных земель, а также нараставших реваншистских претензий Германии в «мемельском вопросе» (Клайпеда).

На практике идейные заимствования и собственные идеологические «находки» прибалтийских авторитарных диктатур привели к созданию специфических структур и обкатке практик, объективно сближавших официальные Каунас, Ригу и Таллин с такими недемократическими режимами, как фашистские и нацистский. Например, в Латвии это вылилось в создание системы «камер» как органов надзора за объединениями торговцев, промышленников, ремесленников, сельхозпроизводителей и представителей «свободных профессий», монополизацию производства и торговли в руках «надежных» латышей, принудительную национализацию, выдавливание с рынка представителей «нетитульных» национальностей. По итогам государственного переворота 15 мая 1934 г. были распущены все политические партии, упразднен Сейм, частично ликвидированы самоуправления, прекращено («приостановлено») действие Сатверсме (конституции), закрыты многие печатные издания, запрещены собрания и демонстрации, задержаны более 2000 человек, часть из которых была направлена в концентрационный лагерь в Лиепеае.

Прогерманский крен во внешней политике Латвии, Литвы и Эстонии, весьма заметный уже в 1938 году, проявился особенно отчетливо весной-летом 1939 г. Под давлением

Берлина 22 марта 1939 г. был подписан германо-литовский договор о передаче Клайпеды Рейху, согласно которому стороны брали на себя обязательства по неприменению силы друг против друга. Захват Клайпеды сопровождался демонстрацией военно-морской мощи Германии; Гитлер на линкоре «Дойчланд» отправился из Свинемюнде в Мемель, чтобы лично с триумфом посетить отнятый у Литвы город. Правительства Великобритании и Франции не оказали противодействия Берлину, хотя и относились к числу участников подписанной в 1924 г. в Париже конвенции, признававшей Клайпедский край составной частью Литвы.

Более заметными реверансами и откровенной лестью в адрес нацистского руководства в этот период отличились латвийские и эстонские власти. Так, 20 апреля 1939 г. в торжествах, посвященных 50-летию Гитлера, приняли участие начальник генштаба эстонской армии генерал Н. Реэк, начальник штаба латвийской армии М. Хартманис, а также генерал О. Данкерс, получившие награду из рук фюрера. В ответ на «пряник» в виде торговых и военно-технических контрактов Берлин получил заверения от латвийского руководства о ненаправленности союзнических обязательств Риги и Таллина против Рейха, а также организовало 22 мая 1939 г. помпезное празднование 20-летия «освобождения Риги от большевиков» (изгнания из столицы правительства Советской Латвии во главе с П. Стучкой) с участием внушительной делегации из Германии, включая не только ветеранов воевавшего с большевиками ландесвера, но и «парадные» подразделения СС. Тесное сближение с Германией увенчало подписание 7 июня 1939 г. в Берлине пакта Риббентропа – Мунтерса и пакта Риббентропа – Сельтера, сопровождавшихся секретными договоренностями антисоветской направленности.

Накануне неизбежного драматического столкновения СССР и Германии, отсроченного в августе-сентябре 1939 г., Прибалтика оказалась в советской «сфере интересов», что на практике означало готовность СССР настоять на заклю-

чении со странами региона договоров о взаимопомощи для охраны их границ наряду со своими, с использованием ограниченных контингентов РККА и КБФ. После интенсивных и тяжелых переговоров в Москве были подписаны пакты о взаимопомощи СССР с Эстонией 28 сентября 1939 г., с Латвией – 5 октября и с Литвой – 10 октября (последний именовался: «О передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимоотношении между Советским Союзом и Литвой»). Пакты сопровождались торговыми соглашениями, позволявшими прибалтийским странам получить рынок сбыта сельхозпродукции в СССР и восполнить товарно-сырьевые потери, вызванные острым дефицитом импорта из-за начавшейся войны в Европе. Сегодня среди балтийских историков можно встретить утверждения о «незаконности» договоров о взаимопомощи СССР с Эстонией, Латвией и Литвой, с подписанием которых якобы началась «советская оккупация». Однако об их соответствии нормам международного права свидетельствует хотя бы тот факт, что эти пакты по просьбе глав МИД прибалтийских стран были зарегистрированы («депонированы») в Лиге Наций.

Неискренность прибалтийской верхушки в соблюдении договоров с Советским Союзом была важным фактором, в сочетании с лавинообразным нарастанием нацистской угрозы побудившим Кремль оказать на эти страны жесткий нажим с целью смены там политических режимов и ввода дополнительных войск. Катастрофически быстрое поражение в июне 1940 г. Франции, считавшейся одним из столпов Версальского мира и самым серьезным военным противником Гитлера на Западе, не только не оставляло иллюзий о дальнейшем векторе нацистской агрессии, но и стало катализатором встречных геополитических изменений: в это «окно возможностей» успела уместиться смена власти в Прибалтике под давлением советского ультиматума и присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к СССР.

Проблема сотрудничества с нацистами бывших представителей гражданско-чиновничьего, полицейского и военного аппарата времен авторитарных диктатур Антанаса Сметоны (1926–1940), Карлиса Улманиса и Константина Пятса (1934–1940) на оккупированных германскими войсками территориях остается для современной Прибалтики одним из важнейших специфических маркеров, характеризующих как состояние исторической науки, так и позицию государств. Официальная прибалтийская историография пытается объяснить феномен массового коллаборационизма с нацистами бывших местных военных, полицейских и чиновников почти исключительно репрессивной политикой советской власти в Прибалтике в 1940–1941 гг. (хотя эта политика, действительно, в виде побочного эффекта выступила своего рода «катализатором» дальнейшего пособничества с нацистами и при этом парадоксально оказалась недостаточно эффективной в нейтрализации групп, настроенных прогермански). При этом, как правило, отрицается влияние националистической пропаганды и идейных заимствований у фашистской Италии и нацистской Германии.

Латышские и эстонские мемуаристы, а также многие современные историки в своих трудах зачастую грешили откровенно лестными характеристиками в адрес присягавших на верность Гитлеру. При этом они неизменно подчеркивали, что легионеры войск СС воевали исключительно против большевизма на передовой линии фронта и не имели никакого отношения к зверствам в тылу и прифронтовой зоне. Так, в оценках Латышского легиона СС как феномена Второй мировой войны латвийская историография старается не акцентировать внимание на том, что немецкое командование, согласно распоряжению рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера от 26 мая 1943 г., относило к нему и все полицейские батальоны, участвовавшие в карательных акциях на территории Белоруссии, России, Украины, Литвы и Польши, постепенно включая их в состав 15-й и 19-й дивизий войск СС. Кроме

того, имеются архивные свидетельства о зверствах в отношении мирных жителей и военнопленных не только личного состава полицейских батальонов, но и непосредственно военнотружущих двух дивизий войск СС. В этой связи попытки восхваления и героизации латышских и эстонских легионеров СС, выведения их задним числом из-под действия приговора Нюрнбергского трибунала представляются актами националистического политиканства, далекими от исторической науки и международно-правовых оценок.

В условиях оправдания и возвеличивания пронацистского коллаборационизма само словосочетание «Великая Отечественная война» не только не используется в странах Прибалтики на официальном уровне, но и считается враждебным их идентичности и государственной независимости. Отрицание особого общемирового и регионального значения даты безоговорочной капитуляции нацистской Германии 8 (9) мая 1945 г. нередко выражалось прибалтийскими должностными лицами в крайне оскорбительной форме для ветеранов антигитлеровской коалиции, и без того не имеющих в Латвии, Литве и Эстонии, в отличие от «политически репрессированных» в послевоенный период ветеранов СС и полицейских батальонов, никакого почетного статуса или льгот.

С 1990–1991 гг. в основу «национальной» идеологической конструкции был положен тезис прибалтийских эмигрантских кругов о трех балтийских странах как жертвах двух тоталитарных режимов, согласно которому советский режим подавался как «более опасный и худший» для титульных балтийских народов, чем нацистский. Идеологическое обеспечение этой конструкции было документально зафиксировано в чередѣ политико-декларативных актов органов власти, из которых можно особо выделить некоторые акты на примере Латвии: «Декларацию Сейма ЛР об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 г., парламентскую «Декларацию о латышских легионерах во Второй мировой войне»

от 29 октября 1998 г. и «Декларацию Сейма об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима Союза Советских Социалистических Республик» от 12 мая 2005 г.

Инфраструктура государственной исторической политики в Прибалтике включает в себя множество взаимодействующих элементов с государственным и неправительственным статусом (комиссии историков, музеи оккупации и т. п.), поддерживаемых со стороны национал-радикальной части политического класса и титульных СМИ. Анализ доминирующих тенденций в прибалтийской (в частности, латышской) «оправдательной историографии» показывает, что официальная Рига, достигнув определенного пропагандистского эффекта внутри страны, сосредоточилась на сверхзадаче оспорить «версии победителей» во Второй мировой войне на международных площадках, пытаясь попутно символически «довоевать» с Советским Союзом и оттенивать «оккупационной» риторикой в адрес Москвы реальные масштабы соучастия латышских коллаборационистов в осуществлении нацистской истребительной политики на Востоке.

Поощрение в Латвии на государственном уровне антироссийской и русофобской пропаганды (в том числе с помощью преднамеренного полного отождествления России и СССР периода 1930–1950-х гг.) оказало существенное воздействие не только на академическую и университетскую историческую науку, но и на содержание преподавания школьных курсов истории. Внимательное изучение учебной литературы, изданной за последнюю четверть века, показывает, что у латвийских учащихся должно складываться весьма своеобразное представление об образах латышей, восточных славян, Руси, русских и России, особенно в период мировых войн XX века. Следует отметить, что при подаче исторического материала, связанного с Россией, заметно сужаются попытки авторов учебников развивать критическое

мышление у школьников, явно проявляется стремление навязать крайнюю антироссийскую точку зрения, интерпретацию, оценку. Несмотря на то, что в некоторых учебниках большое внимание уделяется текстам первоисточников, их подбор, как правило, тенденциозен и не нацелен на побуждение учащихся к самостоятельным исследованиям. Приходится констатировать, что в учебной литературе по истории Латвии нарушен баланс локальных, региональных, национальных, европейских и мировых перспектив в изложении фактов прошлого и настоящего по причине предвзятого отношения к России/СССР.

Вместе с тем для понимания дальнейшей эволюции прибалтийской историографии мировых войн и связанных с ними исследовательских вопросов важна кропотливая работа по изучению местной научной литературы, написание и публикация рецензий на выпускаемые в Латвии, Литве и Эстонии монографии, сборники статей и документов. Автор по мере сил уделит внимание и этому аспекту.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев Ю. Моглинский лагерь: история одной маленькой фабрики смерти / Фонд «Историческая память». М., 2011.

Атлантс О., Гапоненко А. Латгалия: в поисках иного бытия. Рига: Институт европейских исследований, 2012.

Барков Л.И. В дебрях Абвера. Таллин: Ээсти Раамат, 1971.

Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Основные вопросы истории Латвии. Учебное пособие. Рига: Zvaigzne ABC, 2002.

Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.

Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Странга А., Фелдманис И. История Латвии. XX век. Рига, 2005.

Бубнис А. Литовские полицейские батальоны в Латвии 1944–1945 гг. // *Baltijas reģiona vēsture 20. gadsimta 40. – 80. gados (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 24. sēj.)*. Rīga, 2009.

Буддыгин С.Б. История прибалтийских территориальных стрелковых корпусов. СПб.: Гангут, 2013.

Бутлис И., Зунда А. История Латвии. Рига, 2010.

Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И., Седунов А.В., Тотров Ю.Х. Иностранцы разведки в Прибалтике и их взаимодействие со спецслужбами лимитрофных государств, направленное против СССР: 1918–1941 // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М.: Кучково поле, 2008.

В Прибалтике ждали фюрера... И фюрер пришел! (Публ. и комм. В.П. Ямпольского) // Военно-исторический журнал. 2001. № 6.

В Саласпилском лагере смерти. Рига: Латвийское государственное издательство, 1964.

Варес П., Осипова О. Похищение Европы, или Балтийский вопрос в международных отношениях XX века. Таллинн, 1992.

Венков И.Н. Допустить размещение войск // Военно-исторический журнал. 1990. № 4.

Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40–50-х годах / публ. подгот. С. Кузнецов, И. Курилов, Б. Нетребский и др. // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 8.

Воробьева Л.М. История Латвии: От Российской империи к СССР. Кн. 1. М.: Фонд «Историческая память», Российский институт стратегических исследований, 2009.

Воробьева Л.М. История Латвии: От Российской империи к СССР. Кн. 2. М.: Фонд «Историческая память», Российский институт стратегических исследований, 2010. (Кроме того, есть издание 2011 г.)

Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: Проблемы, подходы, интерпретации (Москва, 8–9 апреля 2010 г.): Материалы межд. конф. М.: РИСИ, 2010.

Вульфсон М. 100 дней, которые разрушили мир: Из истории тайной дипломатии. 1939–1940. Рига, 2001.

Гессен Л.Я. Окраинные государства. Л.: Прибой, 1926.

Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М.: Политиздат, 1990.

Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и в Прибалтике / Генерал граф Рюдигер фон дер Гольц; пер. с нем., вступит. ст., коммент. Л. Ланника. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Горлов С.А. СССР и территориальные проблемы Литвы // Военно-исторический журнал. 1990. № 7.

Граф М. Эстония и Россия. 1917–1991: анатомия расставания. Таллин: Арго, 2007.

Гуцин В.И. Постсоветская Латвия (1988–2013). Обманутая страна... Рига, 2013.

(Две) стороны. Латышские военные рассказы. Вторая мировая война в солдатских дневниках / Пер. с латышского Ж. Эзите, под ред. В. Зелчи и У. Нейбургса. Рига: Arġāds Mansards, 2013.

Давыдов Д. Что ждало жителей рейхскомиссарита Остланд. Нацистская программа колонизации Прибалтики // Независимая газета. 1994. 21 июня.

Донгаров А.Г. СССР и Прибалтика (1939–1940 гг.) Дипломатические хроники и размышления. М., 2010.

Донгаров А.Г., Пескова Г.Н. СССР и страны Прибалтики (август 1939 – август 1940) // Вопросы истории. 1991. № 4.

Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М., 2000.

Дробязко С.И. Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945 гг. М.: Эксмо, 2004.

Дробязко С.И., Карашук А.В. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М.: Аст, 2000.

Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранцы формирования Третьего рейха / Под ред. К.К. Семенова. М.: АСТ; Астрель, 2009.

Дюков А.Р. Накануне Холокоста: Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг. М.: Фонд «Историческая память», 2012.

Дюков А.Р. «Пакт Молотова – Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память». М., 2009.

Дюков А.Р. Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости, 1939–1940 гг. М.: Фонд «Историческая память», 2013.

Дюков А.Р. «The Soviet Story»: механизм лжи. 2-е изд., испр. и доп. М.: Фонд «Историческая память», 2008.

Дюков А.Р., Симиндей В.В. Латышский легион СС в свете Нюрнбергского трибунала // Международная жизнь. 2011. № 6.

Емельянов Ю.В. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? М., 2007.

Журавлев В.В., Пестов Б.Е., Емельянова Н.М. Кого мы должны помнить? (Об эстонских формированиях, входящих в состав войск гитлеровской Германии) // Военно-исторический журнал. 1990. № 6.

Занимательная история латвийских русских – 2 (1914–1920 гг.). Рига, 2009.

Зеллис К. Пропаганда нацистской Германии и общественное информационное пространство в Остланде (на примере Генерального округа «Латвия») // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 25 красавіка 2008 г.). Выпуск 7: в 2 кн. Кн. 2. Мінск, 2009.

Зеттерберг С. История Эстонской Республики / Пер. с эст. Д. Брунса. Таллин: КПД, 2013.

«Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль – март 1943 г.: Документы и материалы. М.: Фонд «Историческая память», 2013.

Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.

Зубок Л.И. Финляндия. Прибалтика (1918–39). М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1941.

Зунда А.Л. Великобритания и Прибалтика, 1933–1935 гг. [Учеб. пособие]. Рига: Латв. гос. ун-т им. П. Стучки, 1989.

Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х гг. до аннексии в 1940). М., 2012.

Ильмярв М. Был ли выбор? Балтийские страны и трехсторонние переговоры 1939 г. // Отечественная история. 2008. № 1.

Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века. Сборник документов и материалов / Сост. Тоомас Карьяхярм. Тарту: Eesti Ajalooarhiiv, 2000.

Иностранная военная интервенция в Прибалтике, 1917–1920 / Под ред. И.И. Минца. М., 1988.

История Прибалтийского военного округа. Рига, 1967.

Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Звезда, 2011.

Каспаравичюс А. Советская дипломатия и литовско-польский конфликт. 1924–1935 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 1930-х гг. XX столетия. М., 2001.

Кен О.Н., Рупасов А.И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. М.: Алгоритм, 2014.

Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Национальные добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6.

Кирчанов М.В. Латвия и страны Балтии: проблемы дипломатической и политической истории. Воронеж: Воронежский государственный университет, факультет международных отношений, 2007.

Кирчанов М.В. Zemnieki, latvieši, pilsoņi. Идентичность, национализм и модернизация в Латвии. Воронеж: Научная книга, 2009.

Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

Ковалев Б.Н. Легализация советских коллаборационистов на Западе после Второй мировой войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2–3.

Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ. 2004.

Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011.

Ковалев С.Н. Советские войска на территории стран Балтии (1939–1940 г.). СПб., 2008.

Ковалев С.Н. СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 г. // Военно-исторический журнал. 2011. № 8.

Кретинин Г.В. Федорова О.Г. От Литвы к Литовской ССР: предвоенные планы и послевоенная действительность (1939–1945) // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3 (8).

Крысин М.Ю. Латышский легион СС: Вчера и сегодня. М.: Вече, 2006.

Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм: История и современность. М.: Вече, 2007.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Гитлером и Сталиным. 1939–1945. М., 2004.

Кузнецова Т. Латышский крестьянский союз (1917–1934) – знаковый незнакомец. Даугавпилс, 2003.

Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. Таллин: Купар, 1992.

Латвия на грани эпох. Сборник статей. Рига: Авотс, 1988. Вып. I–IV.

Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. М.: Изд-во «Европа», 2006.

Литвинов М.Ю., Седунов А.В. Шпионы и диверсанты: Борьба с прибалтийским шпионажем и националистическими бандформированиями на Северо-Западе России. Псков, 2005.

Мальков В.Л. Прибалтийский узел. 1939–1940 гг. По материалам американских архивов // Россия XXI. 2006. № 3.

Мальков В.Л. Прибалтика глазами американских дипломатов. 1939–1940 гг. (из архивов США) // Новая и новейшая история. 1990. № 5.

Маттисен Э. Эстония – Россия: история границы и ее проблемы = Estonian – Russian border / [пер. Элконд Либман, Ирина Никитина]. Таллин: Ипо, 1995.

Марголин М. Холокост в Латвии: «Убить всех евреев!». М.: Вече, 2011.

Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков: Научное издание / М. Волос, Я. Войтковяк, В.И. Дашичев и др. Под ред. М.М. Наринского и С. Дембского. М., 2009.

Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории РАН, Латвийским университетом, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра. Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006.

Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М.: Алгоритм, 2014.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг.: Документы, факты, суждения. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008.

Мюллер Р.-Д. На стороне Вермахта: Иностранные пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1941–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2012.

Мялксоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет. Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г.: Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Тарту, 2005.

На пути к пониманию прошлого. Поиски. Версии. Идеи. Книга для учителя истории. Рига: Zvaigzne ABC, 2000.

На чаше весов: Эстония и Советский Союз. 1940 г. и его последствия / Сост. П. Варес, О. Журьяри. Таллин: Евроуниверситет, 1999.

Наумов А.О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М.: РОССПЭН, 2007.

Никифоров И.В. Политика исторической памяти в странах Балтии. Опыт и современность // Этническая политика в странах Балтии. Отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов. М.: Наука, 2013.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. М.: Юридическая литература, 1987–1999.

Образ Другого – страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной / Сост. Р. Крумм, Н.А. Ломагин, Д. Ханов. М.: РОССПЭН, 2012.

Оккупационные режимы и их преступления в странах Балтии. 1940–1991 / Сост. И. Шнейдере. Рига: Издательство Института истории Латвии, 2007.

Орлов А.С. СССР и Прибалтика. 1939–1940 // История СССР. 1990. № 4.

От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы / Сост. К. Арьякас. Таллин: Периодика, 1990.

Петренко А.И. Влияние переворота К. Улманиса 15 мая 1934 г. на шведско-латвийские отношения // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х гг. XX века. М.: ИВИ РАН, 2009.

Петренко А.И. Прибалтийские дивизии Сталина. М.: Вече, 2010.

Петренко А.И. Прибалтика против фашизма. Советские прибалтийские дивизии в Великой Отечественной войне. М.: Европа, 2005.

Плотников А.Ю. Прибалтийский рубеж: К десятилетию заключения российско-литовского договора о границе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Полещук В.В., Димитров А.С. Континуитет как основа государственности и этнополитики в Латвии и Эстонии // Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2013.

Пономарева Г. М., Шор Т.К. Русская печать и культура в Эстонии в годы Второй мировой войны (1939–1945) = Vene truisona ja kultuur Eestis II Maailmasoja ajal (1939–1945). Tallinn, 2009.

Полпреды сообщают...: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: август 1939 – август 1940 г. М.: Международные отношения, 1990.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001.

Поцюнас А. Ад войны: У Ковенской крепости. 1915 год. Историческая реконструкция событий. Вильнюс: Институт военного наследия, 2012.

Поцюс М. Другая сторона Луны: борьба литовских партизан с коллаборационистами в 1944–1945 гг. М., 1991.

Почс К.Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.). Рига: Зинатне, 1985.

Преступления нацистов и их пособников в Прибалтике (Латвия). 1941–1945. Документы и свидетельства. Рига, 2007.

Преступления нацистов и их пособников в Прибалтике (Эстония). 1941–1944. Документы и свидетельства. Таллин, 2006.

Прибалтика вступает в Союз: документы об отношениях СССР со странами Прибалтики в 1939–1940 годах // Международная жизнь. 1990. № 3.

Прибалтика и геополитика. 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / Сост. Соцков Л.Ф. М., 2006.

Прибалтика. Под знаком свастики (1941–1945). Сб. док. / Сост. Былинин В.К., Крысин М.Ю., Кучков Г.Э., Ямпольский В.П.М., 2009.

Приговоренные нацизмом. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941–1945 гг. Сост. Влад Богов. Рига, 2011.

Рихтер К. Культ Антанаса Сметоны в Литве (1926–1940). Принцип действия и развитие // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2014. № 1 (5).

Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5.

Розенфельд И.В. Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту: Крипта, 2009.

Роковые годы, 1939–1940: События в Прибалтийских государствах и Финляндии на основе советских документов и материалов. Таллин: Олион, 1990.

Романовский Д. Коллаборанты и их роль в Холокосте в Латвии и Литве // Лехаим. 2007. № 10.

Россия и Балтия. Выпуск 6: Диалог историков разных стран и поколений / ИВИ РАН, отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Весь мир, 2011.

Россия и Балтия: Народы и страны. Вторая половина XIX – 30-е гг. XX в. Сборник статей. М., 2000.

Россия и Балтия: Эпоха перемен (1914–1924). Сборник статей. М., 2002.

Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв.: Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире / Под ред. Т.Н. Джаксон, А.А. Комарова, Ю.Л. Михайловой, Е.Л. Назаровой. М.: ЛЕНАНД, 2013.

Руусманн А. Эстонская республика в 1920–1939 годы. Таллин, 1991.

Самоопределение и независимость Эстонии / сост. А. Бертрико. Таллин: Avita, 2001.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992.

Симиндей В.В. Внешняя политика Латвии 1934–1940 гг.: источниковедческие лакуны в историографии // Клио. 2011. № 3.

Симиндей В.В. Деформация прибалтийских окраин России: социально-политические последствия германского вторжения (1915–1920 гг.) // Забытая война и преданные герои / Сост. Е.Н. Рудая. М.: Вече, 2011.

Симиндей В.В. Историческая политика Латвии: материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2014.

Симиндей В.В. Эволюция политических режимов в Латвии в контексте международной обстановки на Европейском континенте (1933–1940) // Мировые войны XX века. М.: Государственный центральный музей современной истории России, 2011.

Симонян Р.Х. Лекции по истории и этнологии Литвы. М.: «Аспект Пресс», 2013.

Симонян Р.Х. Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовой аспекты // Государство и право. 2011. № 6.

Симонян Р.Х. Прибалтика. Вспоминая предвоенные годы // Международная жизнь. 2009. № 1.

Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. Две модели социального развития. Изд. 3-е. М.: 2009.

Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. События 1939–1940 гг. в массовом сознании населения стран Балтии // Новая и новейшая история. 2009. № 3.

Синицын Ф.Л. Национальный вопрос на оккупированной территории СССР, 1941–1944. Пермь: Пермский ЦНТИ, 2013.

Ситолс В.Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918–1920 гг.). М., 1959.

Сиполс В.Я. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919–1940 гг. Рига, 1968.

Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной 1939–1941. М., 1997.

СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007.

СССР и Литва в годы Второй мировой войны: Сборник документов. В 2 т. / Институт истории Литвы, Институт всеобщей истории РАН, Совместная Литовско-Российская комиссия историков. Сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева. Вильнюс: Lietuvos istorijos instituto liedykla, 2006–2012. Т. 1: СССР и Литовская Республика (март 1939 – август 1940 гг.); Т. 2: Литва в политике СССР и в международных отношениях (август 1940 – сентябрь 1945 гг.).

Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. 1941–1945 годы. М.: Вече, 2009.

Статиев А. Мотивации и цели советских депортаций в западных приграничных районах // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2014. № 1 (5).

Страницы истории Второй мировой войны. Коллаборационизм: причины и последствия. Материалы научной конференции (Москва, 29 апреля 2010 г.). М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2010.

Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956). Исследования и документы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

Трагедия Литвы: 1941–1944 годы. Сборник архивных документов о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М.: Изд-во «Европа», 2006.

«Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг. Сборник документов / Фонд «Историческая память». Сост. А.Р. Дюков, В.В. Симиндей и др. Сопр. ст. – А.М. Литвин. М., 2009.

Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю. Черновики будущего. Латвия 1934–1941. Рига: Балтийский форум, 2011.

Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю. Черновики будущего. Латвия 1941–1947. Рига: Балтийский форум, 2012.

Урбишис Ю. Литва в годы суровых испытаний, 1939–1940. Вильнюс, 1989.

Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.

Фоменко А.В. Прибалтийский вопрос в отношениях США с Советской Россией: 1918–1940. От появления независимых прибалтийских режимов до включения их в состав СССР. М.: ЛЕНАНД, 2009.

Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009.

Чапенко А.А. История заключения Советским Союзом договоров (пактов) о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой в сентябре – октябре 1939 г. // Ученые записки МГПУ. Исторические науки: Сборник научных статей. Вып. 6: Всеобщая история. Мурманск: МГПУ, 2007.

Чапенко А.А. История стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в первый период независимости и годы Второй мировой войны: Очерки. Мурманск: МГПУ, 2008.

Черниченко С.В. Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения // Международная жизнь. 2004. № 8.

Чернов В. Е., Шляхтунов А.Г. Прибалтийские Waffen-SS. Герои или палачи...? М., 2004.

Чубарьян А.О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008.

Чуев С.Г. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. М.: Эксмо, Яуза, 2004.

Шляхтунов А.Г. Создание и применение прибалтийских формирований в составе вермахта и войск СС 1941–1945 гг. ИВИ МО РФ, 2000.

Эвартс Э. Некоторые аспекты повседневной жизни в Риге во время германской оккупации, июль 1941 – октябрь 1944 гг. // Жур-

нал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2011. № 1 (3).

Эвартс Э., Павлович Ю. «Курляндский котел» 1944–1945 гг. – повседневность в условиях блокады // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2014. № 1 (5).

Эстония. Кровавый след нацизма: 1941–1944 годы. Сборник архивных документов. М.: Изд-во «Европа», 2006.

Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945: в 2 т. / Ленцман Л.Н. (гл. ред.) и др. – Таллин: Ээсти раамат, 1973–1980.

Юсуповский А.М. Современные попытки пересмотра военно-политической роли литовских националистических организаций и военных формирований в период Второй мировой войны / Националистические организации и воинские формирования периода Второй мировой войны, сотрудничавшие с фашистской Германией: прошлое и настоящее. Вып. 2: Литва, Эстония, Белоруссия, Россия, Закавказье // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2006. № 24 (312).

1940 г. в Эстонии. Документы и материалы. Таллин, 1989.

Andersons E. Latvijas bruņotie spēki un to priekšvēsture. Toronto: Daugavas Vanagu apgāds, 1983.

Andersons E. Latvijas vēsture, 1920–1940: Ārpolitika. 1. d. Stokholma, 1982.

Angels F. Starp paralēliem spoguļiem: Rumānijas un Latvijas attiecības starpkaru laikā // Latvijas Arhīvi, 1999, Nr. 4.

Apvērsums. 1934. gada 15. maija notikumi avotos un pētījumos / Sast. V. Ščerbinskis, Ē. Jēkabsons. Rīga: Latvijas Nacionālais arhīvs; Latvijas arhīvistu biedrība, 2012. (Vēstures avoti, 7. sēj.).

Arumäe H. At the crossroads: the foreign policy of the Republic of Estonia in 1933–1939 [translated from Estonian by Gustav Liiv]. Tallinn: Periodika, 1983.

Baltic Eugenics: Bio-Politics, Race and Nation in Interwar Estonia, Latvia and Lithuania 1918–1940 (On the Boundary of Two Worlds. Identity, Freedom, and Moral Imagination in the Baltics, 35). Hrsg.

von Björn M. Felder und Paul J. Weindling. Rodopi. Amsterdam u.a. 2013.

Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys / Lietuvos istorijos institutas; Vilniaus universitetas; parengė Z. Butkus. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008.

Bassler G. The Collaborationist Agenda in Latvia 1941–1943 // The Baltic Countries Under Occupation: Soviet and Nazi Rule, 1939–1991. Stockholm: Stockholm University, 2003.

Bērziņš D. Nacistiskā antisemitisma propaganda laikrakstā «Tēvija» 1941. gada jūlijā: latviešu (līdz)daļības diskurss // Latvijas arhīvi, 2009, Nr. 4.

Bērziņš V. Latvija Pirmā pasaules kara laikā. Rīga, 1987.

Birn R.B. Die Sisicherheitspolizei in Estland 1941–1944. Eine Studie zur Kollaboration im Zweiten Weltkrieg. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2006.

Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945). Rīga, 2008.

Boss de Ž. Franču diplomāta piezīmes Latvijā. 1939–1940. Rīga, 1997.

Butulis I. Latvijas vēsture. Rīga: Jumava, 2010.

Butulis I. Sveiki, Aizsargi! Aizsargu organizācija Latvijas sabiedriski politiskajā dzīvē 1919. – 1940. gadā. Rīga, 2011.

Ciganovs J. Latvijas neatkarības karš 1918. – 1920. Rīga: Zvaigzne ABC, 2013.

Dieckmann Ch., Sužiedēlis S. Lietuvos žydų persekiojimas ir masinės žudynės 1941 m. vasarą ir rudenį = The Persecution and Mass Murder of Lithuanian Jews during Summer and Fall of 1941. Vilnius: Margi raštai, 2006.

Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R. Karo belaisvių ir civilių gyventojų žudynės Lietuvoje 1941–1944 m. = Murders of Prisoners of War and of Civilian Population in Lithuania 1941–1944. Vilnius: Margi raštai, 2005.

Dokumenti stāsta. Latvijas buržuāzijas nākšana pie varas. Rīga, 1988.

Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve: Politikis. Diktators. Mocekļis. Rīga, 1992.

Dyukov A., Simindei V. The Latvian SS Legion and the Nuremberg Tribunal's Decisions // International Affairs. 2011. № 4.

Eesti Leegion sõnas ja pildis = The Estonian Legion in Words and Pictures / Edit. M. Laar, L. Suurmaa. Tallinn: Grenader, 2008.

Estonia: the bloody trail of Nazism, 1941–1944. The Crimes of Estonian collaborationists during the Second World War. Moscow, 2006.

Estonia 1940–1945. Reports of the Estonian Internat. Comission for the Investigation of Crimes against Humanity. Tallinn, 2006.

Ezergailis A. Holokausts vācu okupētajā Latvijā. Rīga: LVIA, 1999.

Ezergailis A. The Latvian Legion: Heroes, Nazis or Victims. Rīga, 1997.

Face à la dictature. Le coup d'État du 15 mai 1934 et l'instauration du régime d'Ulmanis en Lettonie. Documents des archives diplomatiques françaises = Перед лицом диктатуры. Государственный переворот 15 мая 1934 г. и установление режима Улманиса в Латвии. Сост. О. Орленко. М. – Париж: Ассоциация по изучению истории России и Восточной Европы, 2014.

Felder B.M. «Die Spreu vom Weizen trennen...» Die Lettische Kartei – Pērkonkrusts im SD Lettland 1941–1943 // Latvijas Okupācijas muzeja Gadagrāmata 2003: Pakta zona. Rīga, 2004.

Felder B.M. Lettland im Zweiten Weltkrieg. Zwischen sowjetischen und deutschen Besatzen 1940–1946. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2009.

Feldmanis I. Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945): jauns konceptuāls skatījums. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2013.

Feldmanis I. Okupācija, kolaborācija un pretošanās kustība Latvijā // Okupācija, kolaboācija, pretošanās: vēsture un vēstures uztvere. Starptautiskās konferences materiāli 2009. gada 27. – 28. oktobrī Rīgā (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 26. sēj.). Rīga, 2010.

Feldmanis I. Vācbaltiešu izceļošana no Latvijas (1939–1941). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012.

Feldmanis I., Stranga A., Virsis M. Latvijas ārpolitika un starptautiskais stāvoklis (30. gadu otrā puse). Rīga, 1993.

Forgotten Pages in Baltic History: Diversity and Inclusion / Editet by: M. Housden, D.J. Smith. Amsterdam – New York: Rodopi B.V., 2011.

Gerlah Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts – und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Edition, 1999.

Hanovs D., Tērauds V. Laiks, telpa, vadonis: autoritārisma kultūra Latvijā. 1934–1940. Rīga, 2012.

Holokausta izpēte Latvijā. Starptautisko konferenču materiāli, 2003. gada 12. – 13. jūnijs, 24. oktobris, Rīga, un 2002.–2003. gada pētījumi par holokaustu Latvijā (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 12.sēj.). Rīga, 2004.

Ilmjārv M. Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus 1920. Aastate keskpaigast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004.

Ilmjārv M. Silent Submission. Formation of foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania. Period from mid-1920-s to annexation in 1940. Stockholm, 2004.

Ilmjārv M. The Soviet Union, Lithuania and the Establishment of the Baltic Entente // Lithuanian Foreign Policy Review. 1998. № 2.

Jēkabsons Ē. Latvijas ārlietu ministra Vilhelma Muntera starpniecības mēģinājums Polijas un Lietuvas konfliktā 1938. gada martā // Latvijas arhīvi, 2008, Nr. 3.

Kalnačs J. Tēlotājas mākslas dzīve nacistiskās Vācijas okupētajā Latvijā. 1941–1945. Rīga: Neputns, 2005.

Kangeris K. Latviešu policijas bataljoni lielajās partizānu apkarošanas akcijās 1942. un 1943 gadā // Totalitārie okupācijas režīmi Latvijā 1940. – 1964. gadā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 13. sēj.). Rīga, 2004.

Kangeris K. Latviešu ub ebreju attiecības Trešā reiha skatījumā. 1933. – 1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003.

Kangeris K. Policijas struktūras Latvijā vācu okupācijas laikā (1941–1945) // Okupētā Latvija 20. gadsimta 40. gados (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 16. sēj.). Rīga, 2005.

Kangeris K., Neiburgs U., Vīksne R. Salaspils nometne nacionālsociālistiskās Vācijas administrācijas plānos un soda nometņu

tipoloģijā (1941–1942) (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 21. sēj.). Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2007.

Kasekamp A. A History of the Baltic States. Palgrave Macmillan, 2010.

Kasekamp A. Saksa okupatsioon 1941–1944 // Eesti ajalugu, VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni. Peatoimetaja Sulev Vahtre. Tartu, 2005.

Kasekamp A. The Ideological Roots of Estonian Collaboration during the Nazi Occupation // The Baltic Countries Under Occupation: Soviet and Nazi Rule, 1939–1991. Stockholm: Stockholm University, 2003.

Kasparavičius A. Lietuva 1938–1939 m.: Neutraliteto iluzijos. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas; «Baltų lankų» leidykla, 2010.

Kažociņš I. Latviešu karavīri zem svešiem karogiem. 1940–1945. Rīga, 1999.

Krajewski J. Wojenne dzieje Wilna. 1939–1945. Losy Polaków, sensacje, zagadki. Warszawa: Bellona, 2011.

Kraștiņš V. Gadu desmiti lāča ēnā. Atmiņu stāsts par pusgadsimtu okupāciju Latvijā. Rīga: «Mansards», 2015.

Krīgere I. Latviešu strēlnieki – internacionālisti vai nacionālisti // Latvijas Kara muzeja gadagrāmata. IX. Rīga, 2008.

Laar M. Estonia in World War II. Tallinn: Grenader, 2007.

Lācis V. Latviešu leģions patiesības gaismā. Rīga, 2007.

Latviešu karavīrs Otra pasaules kara laikā: Dokumentu un atmiņu krājums. II: Pirmās latviešu aizsardzības vienības Otrā pasaules karā / Red. O. Freivalds, O. Caunītis. Vāsterās, 1972.

Latviešu leģionāri. Latvian Legionnaires. [b.v.]: Daugavas Vanagi, 2005.

Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900–1918. I. // 20. gadsimta Latvijas vēsture. Rīga, 2000.

Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940. Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1998.

Latvijas suverenitātes ideja likteņgriežos: Vācu okupācijas laika dokumenti, 1941–1945 / Sast. V. Samsons. Rīga: Zinātne, 1990.

Laur M., Lukas T. et al. History of Estonia. 2nd Ed. Tallinn, 2002.

Lehti M. Never-Ending Second World War: Public Performances of National Dignity and the Drama of the Bronze Soldier // *Journal of Baltic Studies*. 2008, December. Volume 39, No. 4.

Lerhis A. Latvijas Republikas ārlietu dienests 1918–1941. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2005.

Lietuvos istorija. Ilustruota enciklopedija. Vilnius, 2012.

Lismanis J. 1915–1920 kauju un kritušo karavīru piemiņai: Pirmā pasaules kara un Latvijas Atbrīvošanas cīņu piemiņas vietas / Jānis Lismanis; priekšv. aut. Eižens Upmanis. Rīga: N.I.M.S., 1999.

Lopata R. Die Entstehung des autoritaten Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption // Oberlander E. (Hrsg.) *Autoritare Regime in Ostmittel- und Sudosteuropa. 1919–1944.* Paderborn, München, Wien, Zürich, 2001.

Lopata R. Politikai ir istorija. Algirdo Brazausko ir Vytauto Landsbergio istorijos sampratos. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2010.

Misāns I. Klio Latvijā: Raksti par historiogrāfijas problēmām. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012.

Misiunas R.J., Taagapera R. The Baltic States. Years of Dependence. 1940–1991. University of California Press, 1993.

«Molotovo-Ribentropo pakts» XX amžiaus geopolitinių procesų kontekste. Tarptautinės konferencijos medžiaga. Vilnius, 2009 m. rugsėjis = «Пакт Молотова – Риббентропа» в контексте геополитических процессов XX века. Материалы международной конференции. Вильнюс, сентябрь 2009 г. Vilnius, 2010.

Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I.: The Baltic Schutzmannschaft. New York: Axis Europa, 1996.

Myllyniemi S. Baltian Kriisi, 1938–1941. Helsinki, 1977.

Myllyniemi S. Die Baltische Krise, 1938–1941. Stuttgart, 1979.

Neatkarīgā valsts. 1918–1940. II. / 20. gadsimta Latvijas vēsture. Rīga, 2003.

Neiburgs U. Dievs, Tava zeme deg! Latvijas Otrā pasaules kara stāsti. Rīga: Lauku avīze, 2014.

Niglas A., Hiio T. Estonian defence battalions / police battalions // Estonia 1940–1945: Reports of the Estonian International

Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Tallinn, 2006.

Okupācija, kolaboācija, pretošanās: vēsture un vēstures uztvere. Starptautiskās konferences materiāli 2009. gada 27.–28. oktobrī Rīgā (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 26. sēj.). Rīga, 2010.

Oras A. Eesti saatuslikud aastad 1939–1944 // Tõlkinud Juta Eskel. Pärnu, 2002.

Pēdējais karš: Atmiņas un traumas komunikācija. II papl. izd. Rīga: LU SZF SPPI, 2011.

Perna V. Itālija un Latvija. Diplomātisko attiecību vēsture. Rīga, 2002.

Pilietinis pasipriešināšanās. Lietuvoje ir Lenkijoje: sasajos ir ypatumai, 1939–1956. Vilnius: LGGRTC, 2004.

Pulcējaties zem latviešu karogiem! Rīga, 2013.

Puriņš Ā. Andrievs Niedra. Četri gadi un viss mūžs. Rīga: Valters un Rapa, 2005.

Reinsone S. Meža meitas. 12 sievietes par dzīvi mājās, mežā, cietumā. Rīga: Dienas Grāmata, 2015.

Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonen. Rīga, 2004.

Robežniece I., Zeibārte I. u. c. Kārlim Ulmanim 135. Rīga: Lauku avīze, 2012.

Silgailis A. Latviešu leģions: Dibināšana, formēšana un kauju gaitas Otrā pasaules karā. Ar 296 attēliem un 30 schēmām. Kopenhāgena: Imanta, 1962.

Siliņš L. Nacistiskās Vācijas okupanti: mūsu tautas lielās cerības un rūgtā vilšanās. Rīga, 2001.

Statiev A. The Soviet Counterinsurgency in the Western Borderlands. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Stranga A. Ebreji un diktatūras Baltijā. 1926–1940. Rīga, 2002.

Stranga A. Latvijas – padomju Krievijas miera līgums 1920. gada 11. augustā. Latvijas – padomju Krievijas attiecības 1919. – 1925. gadā. Rīga, 2000.

Strods H. Zem melnbrūna zobena. Vācijas politika Latvijā 1939–1945. Rīga: Zvaigzne, 1994.

Sutton K. The massacre of the Jews of Lithuania: Lithuanian collaboration in the final solution, 1941–1944. Jerusalem – New York: Gefen Publishing House, 2008.

Šalda V. Latviešu bēgļi Krievijā (1915–1920) // Latvijas arhīvi. 2005. Nr. 3.

Ščerbinskis V. Ziemas karš un Latvija // Latvijas arhīvi. 1999. Nr. 1.

Šilde Ā. Latvijas vēsture. 1914–1940. Stokholma: Daugava, 1976.

Šteimans J. Latvijas vēstures historiogrāfija. Rēzekne: Latgales kultūras centra izdevniecība, 2010.

The geopolitics of history in Latvian-Russian relations / Edit. Nils Muižnieks. Rīga: Academic Press of the University of Latvia, 2011.

The Sovietization of the Baltic States, 1940–1956. Tartu, 2003.

Truska L., Vareikis V. Holokausto priekšnosacījumi: antisemitizmas Lietuvoje: XIX a. antroji pusē–1941 m. birželis = Preconditions for the Holocaust: anti-semitism in Lithuania: second half of the 19th century – June 1941. Vilnius: Margi raštai, 2004.

Turtola M. Kenraali Johan Laidoner ja Viron tasavallan tuho 1939–1940. Helsinki: Otava, 2008.

Upmalis I., Tilgass Ē., Stankevičs E. Latvija padomju militaristu varā. 1939–1999. Rīga, 2011.

Weiss-Wendt A. Murder without Hatred: Estonians and the Holocaust. Syracuse: Syracuse University Press, 2009.

Zellis K. Ilūziju un baiļu mašīnērija. Propaganda nacistu okupētajā Latvijā: vara, mediji un sabiedrība (1941–1945). Rīga, 2012.

Zemītis J. Nenoslēgtais loks. Leģionāra stāsts. Rīga: Mansards, 2013.

Zetterberg S. Eesti ajalugu. Tallinn, 2009.

Zunda A. Baltijas valstu jautājums, 1940–1991. Rīga: Zvaigzne ABC, 2012.

Zunda A. Latvija un Lielbritānija: partneri vai sabiedrotie (1930–1940). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012.

Zunda A. Latvijas un Lielbritānijas attiecības 1930–1940. Realitāte un ilūzijas. Rīga, 1998.

Zunda A. Resistance against Nazi German Occupation in Latvia: Positions in Historical Literature // The Hidden and Forbidden

History of Latvia under Soviet and Nazi Occupations 1940–1991. Riga, 2007.

Žalys V. Lietuvos diplomatijos istorija (1925–1940). T. I. Vilnius: Versus Aureus, 2007.

Žalys V. Lietuvos diplomatijos istorija 1925–1940 metais. T. II. Pirmoji dalis, antroji dalis. Vilnius: Leidykla «Edukologija», Lietuvos istorijos institutas, 2012.

XX amžius: Lietuvos valstybingumo problemos. Kaunas, 1990.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аболтиня С. – 201
Александрова Ю. – 178
Алексеев Ю. – 119, 300
Альгороти Ф. – 249
Альперович Э. – 179
Амбразевичус И. – 286
Андерс Э. – 178–180
Андерсон Э. – 259
Андрушкевич Л. А. – 279
Антоненко А. Н. – 178
Аператс К. – 142
Арад И. – 109
Арайс В. – 99, 169, 185, 264–265
Арула В. – 127
Арцишевский М. – 258
Арьякас К. – 73, 77, 307
Атлантс О. – 300
Аузиньш М. – 210
Афанасьев – 178
Афанасьев Ю. – 272

Б

- Бабинайте К. – 19
Базилевский И. – 276
Балодис Я. – 51, 54, 57, 93
Балтайс М.К. – 154
Балтиньш В. – 122–123
Бангерскис Р. – 95, 97, 162, 167, 171
Барков Л.И. – 64, 300
Баумерт И. – 8, 27–29, 31, 221–222, 225, 229, 231–232, 234–235, 237, 240–241, 243–247, 300
Бахтурина А.Ю. – 9–10, 300
Бек Ю. – 49
Бентивеньи Ф. – 64
Берачек П. – 52
Бергс А. – 26
Бердников А. – 215
Берзиньш А. – 52, 153, 156, 198–199, 207, 211, 215, 217, 219
Берзиньш Г. – 190
Берзиньш И. – 163–164
Беркис К. – 52, 54, 77, 93, 98
Бермондт-Авалов П. – 234
Билманис А. – 256–257
Бирон П. – 226
Блейере Д. – 21, 24, 26, 29, 57, 98, 114, 139, 166, 174, 188, 300
Блобель П. – 268
Бломберг В. фон – 53
Богданов Е.Р. – 177
Богданов П.А. – 279
Богов В. – 116, 152, 197, 308

Божицкий Е. – 254
Борданс Я. – 211, 216
Босс Ж. де – 69, 75
Бранцовская Ф. – 109
Брусский Я.Я. – 254
Бубнас А. – 288
Бубнис А. – 284, 289, 300
Бугаковас М. – 145
Бузаев В.В. – 105

Булатов А.А. – 279
Булдыгин С.Б. – 300
Буллит У. – 257
Бутлис И. – 300
Бутулис И. – 20–21, 23–26, 29,
57, 94, 98, 114, 139, 166, 174,
260, 262, 300
Былинин В.К. – 85, 300, 308
Бюлов Б. фон – 39

В

Вагуланс М. – 265
Валдманис А. – 52, 94–95
Валк Х. – 305
Варес П. – 73, 301, 306
Варес-Барбарус И. – 82
Вахтре Л. – 305
Вейде Я. – 265
Вейс В. – 96–97
Венков И.Н. – 301
Верстюк В.Ф. – 254
Ветсеке – 223
Вике-Фрейберга В. – 106, 114,
162, 219
Виксна Р. – 196

Вино – 221
Винокурова Ф. – 289, 324
Вирсис М. – 238
Висвалдис Е. – 222
Витиньш А. – 123
Войтковяк Я. – 144, 306
Волков В. – 150
Волкогонов Д. – 272
Волос М. – 144, 306
Воробьева Л.М. – 21, 34, 81–82,
136–141, 146–147, 301
Восс А. – 245
Вульфсон М. – 60, 301
Вышинский А.Я. – 81, 236, 252

Г

Гаврилин А. – 149
Гайворонский К.С. – 30
Гайдук А.А. – 72
Гальдер Ф. – 63
Ганеваль Ж. – 263
Гапоненко А. – 151, 214
Гельфсгот В. – 268
Гершельман К. – 276
Гессен Л.Я. – 301
Гильман А. – 215
Гиммлер Г. – 61, 98, 123, 166–169,

173, 180, 296
Гинденбург П. фон – 142
Гирхак – 127
Гитлер А. – 38, 59, 62–67, 70, 92,
142, 169, 189, 235, 239, 250,
269, 286
Голдманис Я. – 21, 26, 28
Гольц Р. фон дер – 301
Горбачева С.А. – 279
Горлов С.А. – 301
Граф М. – 10, 12, 14, 301

Григс О. – 163
 Гринвалдс Я. – 65
 Грутупс А. – 124, 204
 Гундхер В. фон – 58

Гурин А. – 151
 Гусев И. – 151
 Гущик В. Е. – 279
 Гуштин В. И. – 151, 301

Д

Давыдов Д. – 302
 Далбиньш Ю. – 163
 Данкерс О. – 52, 59, 92, 94, 294
 Даудиш И. – 205
 Даукштс Б. – 216
 Дашичев В.И. – 144, 306
 Деканозов В.Г. – 81
 Дембский С. – 144, 254, 306
 Демураин М.В. – 105
 Дертингер Г. – 61
 Джаксон Т.Н. – 309

Дименштейн И. – 151
 Димитров А.С. – 307
 Добелис Ю. – 163
 Донгаров А.Г. – 81, 302
 Дробязко С.И. – 284–285, 302,
 304
 Дунсдорф Э. – 253
 Дюков А.Р. – 60–61, 63, 112, 117,
 123, 129, 175, 185–186, 200,
 286–287, 302, 311

Е

Егоров А. – 54
 Егоров Ф.Е. – 178
 Екабсонс Э. – 95, 254–255, 257–
 258, 260

Еккельн Ф. – 123–124, 265
 Ельцин Б. – 45, 247
 Емельянов Ю.В. – 303
 Емельянова Н.М. – 303

Ж

Жданов А.А. – 81
 Жданок Т.А. – 105
 Жерко С. – 144

Жиродэ Ж. – 263
 Журавлев В.В. – 303
 Журьяри О. – 73, 306

З

Загарс В. – 94
 Залите И. – 195
 Залитис Я. – 26, 28
 Зариньшу К. – 38, 43
 Затлерс В. – 199, 206, 219, 238
 Зауэр – 267
 Збигнев Белине-Пражмовски
 Крынски – 43

Зверко Н. – 19
 Зданович А.А. – 85, 300
 Зейботс Г. – 163
 Зеллис К. – 303
 Зелче В. – 210, 219, 302
 Земитис Г. – 202
 Зеттерберг С. – 303
 Зубкова Е.Ю. – 45, 79, 82, 303, 139

Зубок Л.И. – 303 174, 188, 198, 206–207, 219,
Зунда А. – 20–21, 23–26, 29, 43, 300, 303
57, 94, 98, 114, 139, 166, 170, Зурофф Э. – 109

И

Иванауските Э. – 19 Икстенс Я. – 209
Иванов А. – 149 Ильмярв М. – 57–58, 61, 303
Иконников А. – 276 Иртель П. – 276
Иксуль А.В. – 276 Исаков С. Г. – 275, 280

Й

Йиргенс А. – 163

К

Кабанов Н. Н. – 62, 77 Клауценс Н. – 164
Каганович – 177 Кленский С. Д. – 279
Кажоциньш Я. – 212 Климас П. – 76
Калниньш Б. – 39 Ковалев Б.Н. – 117, 304
Кан О. – 64 Ковалев С.Н. – 55–56, 70, 73–74,
Канарис В. – 64 304–305
Кангерис К. – 98, 121, 154, 157, Колчак – 35
167–168, 196, 216 Комаров А.А. – 309
Кантор Ю.З. – 304 Кононов В. – 110
Капранс М. – 210 Корен И. – 153, 156
Караулов Н.К. – 177 Корнилов – 13
Каращук А.В. – 284, 302 Коротаяев В.И. – 85, 300
Карьяхярм Т. – 303 Корсаков Я.П. – 177
Каспаравичюс А. – 304, 310 Космин – 177
Квиесис А. – 92, 95 Костров В.И. – 16
Кемпе М. – 245 Котце У. фон – 54, 91
Кен О.Н. – 41, 64, 304 Кочегарова Т.М. – 310
Кениньш И. – 171, 220–228 Крапане Л. – 153, 156
Кескюла А. – 13 Краус Р. – 129
Килитис Ю. – 179 Крейшманис Э. – 94
Кирсанов Н.А. – 304 Кретинин Г.В. – 305
Кирхенштейнс А. – 82, 236–237 Крёгер Э. – 65
Кирчанов М.В. – 304 Криевиньш Э. – 38
Кирштейнс В. – 175–176 Кристовскис Г.В. – 195

Кронвалд А. – 228
 Крук С. – 150, 215
 Крумм Р. – 307
 Крысин М. Ю. – 305, 308
 Кубилюнас П. – 286
 Кузнецов С. – 301
 Кузнецов Ф. И. – 84–85
 Кузнецова Т. – 150, 305

Л

Лаар М. – 305
 Лаговский И.А. – 279
 Лайдонер Й. – 63
 Ланге Р. – 120
 Ланник Л. – 301
 Ларионов Н. – 108–109
 Лауринавичюс Ч. – 18, 310
 Лаце П. – 163
 Лацис В. – 161, 172, 245
 Лебедева Н. – 311
 Левенштейн М. – 263–264, 266–269
 Лейманис О. – 95
 Ленцман Л.Н. – 312

Кузнечевский В.Д. – 117
 Курилов И. – 301
 Курлович Г. – 8, 27–29, 31, 33, 35,
 220–227, 229, 231–238, 240–
 247, 249, 300
 Кустов А. – 109
 Кучков Г.Э. – 308

Либман Э. – 305
 Липински Я. – 144
 Липинский Я. – 144
 Липпинг Э. – 129
 Лисманис Я. – 31
 Литвин А.М. – 311
 Литвинов М.Ю. – 305
 Лобе К. – 265
 Локтионов А. – 84, 208
 Ломагин Н.А. – 307
 Лукашевич Ю. – 43
 Лукьянов В. – 108
 Лутце В. – 61

М

Макарчук В.С. – 145
 Мальгин А.В. – 254
 Мальков В.Л. – 305
 Мамели Ф. – 259
 Марголин М. – 305
 Маркс К. – 32, 231
 Марциус Г. – 38
 Маттисен Э. – 305
 Мачс А. – 265
 Медведев Д.А. – 199
 Межгравис Ф. – 123
 Мелконов Ю. – 151
 Мельтюхов М.И. – 48, 71–72, 74,

79–82, 85, 147–148, 306
 Мери А. – 108
 Мери Л. – 126
 Меркель Г. – 141
 Меркис А. – 81
 Миериня А. – 272
 Миккельсон Э. – 134
 Минц И.И. – 304
 Михайлова Ю.Л. – 309, 311
 Мичулис А. – 195
 Мишке В. – 27
 Молотов В.М. – 62, 64–65, 73, 83,
 103, 110–111, 139, 142, 145, 235

- Мунтерс В. – 43, 46, 52, 54, 56–58, 61–63, 91, 259, 294
Мунцингер Э. – 256
Муссолини Б. – 45, 89, 259
Мюллер Г. – 287
Мюллер Р.-Д. – 306
Мялксон Л. – 78, 306
Мяэ Х. – 118–119, 275–276, 281
Мязорг Р. – 130

Н

- Назарова Е.Л. – 309
Наринский М.М. – 144, 306
Наумов А.О. – 59, 306
Нейбургс У. – 115, 172, 177–179, 196
Нестеров П.В. – 279
Нетребский Б. – 301
Ниедра А. – 33, 140
Никитина И. – 305
Никифоров И.В. – 105, 187, 306
Никифоров-Волгин В.А. – 279
Николай Николаевич, великий князь – 29
Новаковский Е.М. – 208
Новиков П.А. – 11

О

- Образец В.С. – 145
Озол В. – 51, 87
Олафс В. – 26
Орленко О.Е. – 261, 263, 315
Орро О. – 12
Осипова О. – 301
Осис Р. – 98, 121, 168
Отто Х. – 154
Ояло Х. – 10, 13

П

- Пабрикс А. – 114
Павлович Ю. – 312
Паволини А. – 45, 259
Пайдерс Ю. – 84, 311
Палеолог М. – 12
Палецкис Ю. – 82
Паллин Э. – 45
Панкратова В. – 263
Парвус А. – 13
Паулов К.-Л. – 107
Паэгле В. – 182
Пельше А. – 245
Пеникис М. – 97
Перна В. – 45
Пестов Б.Е. – 303
Петраускас З. – 17–18
Петренко А.И. – 41, 307
Петтаи Э.-К. – 101
Пешков А.С. – 279
Пикенброк Г. – 64
Пилсудский Ю. – 88, 258
Пленснерс А. – 93, 95–96
Плотников А.Ю. – 307
Плотников П. – 178
Пожарновс А. – 164
Поздняков В. – 122
Пол А. – 208
Полещук В.В. – 187, 307

- Полян П. – 263, 268–269
 Пономарева Г.М. – 118–119, 274–276, 278, 282, 307
 Поцюнас А. – 16, 17, 308
 Поцюс М. – 308
 Почс К.Я. – 308
 Приманис М. – 95
 Процевская О. – 150, 215
- Пуга А. – 9, 198, 269–272, 274
 Пунтулис Х. – 265
 Пурвитис В. – 233
 Пуриныш А. – 140
 Пухляк О.Н. – 22, 151
 Пятс К. – 37, 47, 57, 63, 81–82, 86, 88, 125, 136, 143, 274, 277, 280, 296

Р

- Равичер Т. – 263
 Радек К. – 41
 Радзиховский Л. – 272
 Райнис Я. – 140
 Ранке Л. фон – 146
 Ранцанс Я. – 28
 Раснач Д. – 191
 Рахумеель Ю.-О. – 132
 Рентер Ю. – 125, 128
 Репше Э. – 160
 Резк Н. – 55, 59, 294
 Ржавин А. – 31
 Риббентроп И. – 61–62, 64–65, 103, 110–111, 139, 142, 145, 235
 Риекстиньш Я. – 198
 Риипалу Х. – 128–129
 Рихтер К. – 308
 Робертс Дж. – 309
- Розенберг А. – 94, 119, 281
 Розенфельд И.В. – 309
 Розенштейнс Х. – 77, 93
 Розинь, Фрицис – 32
 Романовский Д. – 309
 Романовскис Н. – 162
 Романько О.В. – 285, 302
 Ронис А. – 9, 270
 Ронис И. – 204
 Роос М. – 276
 Росс Я. – 13
 Роос-Базилевская Е. – 276
 Рудая Е. Н. – 309
 Рудникова Н.П. – 276
 Рупасов А.И. – 41, 64, 304
 Руусманн А. – 309
 Рэй А. – 63

С

- Салнайс В. – 41
 Самарин Ю. Ф. – 146
 Самсонов – 23
 Сандлер Р. – 259
 Сатыбатынов – 178
 Свечин А. – 23
 Седунов А. В. – 85, 300, 305
 Сейле А. – 163
- Сельтер К. – 61, 73, 77
 Семенов Б.К. – 280
 Семенов К.К. – 285, 302
 Семиряга М.И. – 309
 Сескс Я. – 255
 Сидоров М. – 276
 Сиетиньш У.И. – 191
 Силгайлис А. – 95–96, 167, 170–171

- Симиндей В.В. – 104–105, 111, 123, 129, 175, 185–186, 214, 302, 309, 310–311
- Симонян Р.Х. – 186, 310
- Синицын Ф.Л. – 310
- Сиполс В.Я. – 310
- Скуевиц Я. – 94
- Сметона А. – 17, 37, 47, 57, 81, 86, 88, 136, 143, 258, 293, 296
- Соцков Л.Ф. – 53, 308
- Спекке А. – 45
- Сталин И. – 54, 64, 66–67, 77, 142, 189, 207, 235, 237, 239, 241–242, 250, 256
- Станкевич Э. – 192–194, 196
- Станкерас П. – 282–289, 311
- Старкадар – 221
- Стати В. – 48
- Статиев А. – 101, 311
- Степанов В.В. – 187, 307
- Стомоняков Б. – 48
- Странга А. – 50, 57, 98, 114, 139, 166, 174, 188, 272, 300
- Страуме Я. – 99, 100, 163
- Стренга Г. – 215
- Стродс Х. – 93, 115, 124, 137–142, 144, 146–147, 188, 204
- Стурдза М. – 48–49
- Стучка П. – 60, 232, 294
- Судоплатов П.А. – 57
- Судрабалн Я. – 245
- Суханова А.А. – 178

Т

- Табунс П. – 163
- Тагго-Новосадов Б. – 282
- Таннберг Т. – 311
- Тейдеманис Х. – 120
- Тейкманис А. – 201
- Тилгасс Э. – 196
- Тимошенко К. – 80, 85
- Титулеску Н. – 48
- Томашунс А. – 8, 27–29, 31, 221–238, 240–247, 300
- Тотров Ю. Х. – 85, 300
- Тракшялис Ю. – 19
- Трипье Ж. – 52, 69, 257, 263
- Трошина Т.И. – 27
- Тырванда Ю. – 13

У

- Улманис Г. – 162
- Улманис К. – 33, 34, 37–38, 45, 47, 49–54, 57–58, 62, 68, 75, 81–82, 86–92, 96–98, 100, 102, 117, 136, 139–140, 143, 205, 235–236, 251–254, 256, 259–260, 273, 296
- Упмалис И. – 196
- Урбанович Я. – 84, 311
- Урбшис Ю. – 76, 311

Ф

- Федорова О. Г. – 305
- Фелдманис И. – 21, 24, 26, 29, 57, 98, 100–101, 111, 114–116, 118, 139, 154, 166–167, 174, 188, 196–199, 202, 206–207, 260, 270, 300

Фляйшхауэр И. – 311
Фоменко А.В. – 36, 312

Фриц Ю. – 178
Фровейн Г. – 55

Х

Ханов Д. – 307
Хартманис М. – 52, 59, 92, 294
Харьюла М. – 12
Химка Дж.-П. – 49

Химка И.-П. – 49
Хофман – 267
Хьюз Ч. Э. – 35

Ц

Цауне А. – 188
Целлариус А. -63, 77, 93
Целминьш Г. – 51, 87, 258

Циеленс Ф. – 51
Цурганов Ю. – 116
Цыгановс Ю. – 148

Ч

Чаксте Я. – 26
Чапенко А.А. – 312
Черниченко С.В. – 186, 273, 312
Чернов В.Е. – 175, 312
Чернявский-Черниговский А. –
276

Черчилль У. – 63, 143
Чигарев В.М. – 273
Чирва Е.В. – 71
Чубарьян А.О. – 309, 312
Чуев С.Г. – 284, 312

Ш

Шилде А. – 47
Шкварцев А. – 76
Шкирпа К. – 76
Шляхтунов А.Г. – 175, 312
Шнеер А. – 121–122, 263–264,
268
Шнейдере И. – 188, 307
Шнейдре И. -114

Шор Т.К.- 118–119, 274–276, 278, 282
Шталекер В. – 94
Штейманс Й. – 138
Штиглиц Р. – 96, 267
Штрекенбах – 176–177
Штумпфельд фон – 128
Шуйский Ю. – 136
Шулер – 267

Щ

Щербинскис В. – 89, 252–253

Ы

Ыун М. – 13

Э

Эвартс Э. – 312

Эзергайлис А. – 154

Эзите Ж. – 302

Эйнбергс Б. – 94

Эйнсалу М. – 12

Ю

Юргенс И.Ю. – 84, 311

Юсуповский А.М. – 285, 313

Я

Яансон К. – 13

Ямпольский В.П. – 300, 308

Янсонс Р. – 192, 216

Яров И.П. – 138

Яунземе-Гренде Ж. – 210

А

Anders E. – 179

Andersons E. – 259, 313

Angels F. – 47–49, 313

Apine I. – 150

Arumäe H. – 313

Avots V. – 87

В

Balodis A. – 30

Bangerskis R. – 170, 171

Bassler G. – 314

Berķis K. – 47, 54, 77, 88, 93, 319

Bērziņš D. – 314

Bērziņš V. – 314

Birn R.B. – 314

Bleiere D. – 58–59, 67, 99, 111,
169–170, 314

Boss de Ž. – 69, 75, 314

Butkus Z. – 314

Butulis I. – 58–59, 67, 99, 111, 169–
170, 314**С**

Caunitis O. – 171, 317

Cielēns F. – 256

Ciganovs J. – 148, 272, 314

Д

Dieckmann Ch. – 314

Dunsdorfs E. – 254, 314

Dyukov A. – 185, 314

Е

Eensalu M. – 12

Ezergailis A. – 315

F

- Felder B.M. – 90, 120, 315
 Feldmanis I. – 56, 58–59, 67, 93, 99–100, 111, 116, 169–170, 314–315
 Freivalds O. – 171, 317
 Fritz J. – 179

G

- Gerlah Ch. – 316
 Gintneris A. – 15
 Goldmane S. – 31
 Grīnvalds D. – 66

H

- Hanovs D. – 87, 316
 Harjula M. – 12, 316
 Hiio T. – 125, 128, 319

I

- Ilmjärv M. – 55, 57, 62, 277, 316
 Ivanovs A. – 149

J

- Jansons R. – 192
 Jēkabsons Ē. – 96, 316

K

- Kalnačs J. – 316
 Kangeris K. – 40, 55, 91, 99, 114, 120–121, 168, 316–317
 Kasekamp A. – 317
 Kasparavičius A. – 317
 Kažociņš I. – 317
 Klišāne J. – 31
 Klišāns V. – 29
 Kļaviņa A. – 31
 Koziczyński J. – 43
 Krajewski J. – 317
 Krastiņš V. – 317
 Krausnick H. – 120
 Krīgere I. – 8, 317
 Kunkite M. – 43
 Kurlovičs G. – 32, 35, 220, 222–223, 225–228, 230–233, 236–238, 240–241, 243–248
 Kümmel T. – 129

Ķ

- Ķēniņš I. – 171

L

- Laar M. – 317
 Laur M. – 318
 Lācis V. – 123, 172, 317
 Lehti M. – 318

Lehtonen H. – 47, 54, 77, 88, 93, 319
Lerhis A. – 272, 318
Lismanis J. – 31–32, 318
Lopata R. – 318
Lukas T. – 318

M

Mieriņa A. – 272
Misāne I. – 31
Misāns I. – 318
Misiunas R.J. – 318
Muižnieks N. – 320
Munoz A.J. – 318
Myllyniemi S. – 319

N

Neiburgs U. – 114, 172, 177, 179, 317, 319
Niedra A. – 141, 319
Niglas A. – 125, 128, 319

O

Ojalo H. – 11, 13
Oras A. – 319
Orro O. – 12

Õ

Õun M. – 13

P

Paléologue M. – 12
Perna V. – 46, 319
Puga A. – 9, 269
Puriņš Ā. – 141, 319
Purkl A. – 39

R

Reinsone S. – 319
Riipalu H. – 129
Rislaki J. – 47, 54, 77, 88, 93, 319
Robežniece I. – 319
Ross Jaan – 13

S

Samsons V. – 318
Silgailis A. – 96, 169–171, 319
Siliņš L. – 99, 319
Simindei V. – 185, 314
Stankevičs E. – 196, 273, 320
Statiev A. – 102, 320
Stranga A. – 50, 56, 58–59, 67, 87, 99, 111, 169–170, 272, 314–315, 320
Straube L. – 31
Strods H. – 78, 114, 139, 143, 320

Sutton K. – 320
Suurmaa L. – 315

Sužiedēlis S. – 314

Š

Šalda V. – 26, 320
Ščerbinskis V. – 77, 89, 93, 320

Šilde Ā. – 28, 47, 68, 320
Šteimans J. – 138–139, 320

T

Taagapera R. – 318
Tērauds V. – 87, 316
Tilgass Ē. – 196, 273, 320
Toleikis V. – 314
Tomašūns A. – 32, 35, 220, 222–

223, 225–228, 230–233, 236–
238, 240–241, 243–248, 341
Törvand J. – 13
Truska L. – 320
Turtola M. – 320

U

Ulmanis K. – 87, 115, 261, 315
Upmalis I. – 196, 273, 320

Upmanis E. – 31, 318

V

Vareikis V. – 320
Virsis M. – 56, 315
Virza E. – 87
Viksne R. – 114, 317

Volkovs V. – 150
Vösaste R. – 129

W

Weindling P.J. – 313
Weiss-Wendt A. – 320

Wilhelm H.H. – 120

Z

Zellis K. – 97, 99, 320
Zemītis J. – 321
Zetterberg S. – 321

Zizas R. – 314
Zunda A. – 44, 56, 58–59, 67, 99,
111, 121, 169–170, 314, 321

Ž

Žalys V. – 321

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абренский уезд – 241

Б

Бабите озеро – 30

Балтийское море – 56, 86

Бикерниекский лес – 264

Бривибас (Свободы) ул. – 269

В

Вайвара (Эстония) – 114

Вайтишкяй дер. – 19

Валка – 232

Валмиера – 232

Вентспилс (Виндава) порт – 73,
225, 265

Видземский земский совет – 34

Виленский край – 16

Виленская обл. – 65, 73, 295

Вильно – 16, 73, 295

Вильнюс – 17, 38, 70

Воронково дер. – 177

Восточная Латвия – 92

Г

Гулбенский р-н – 208

Д

Даугава – 221

Двинск (Даугавпилс) – 23, 84

Е

Ерсика – 222

Елгава – 30, 265

З

Западная Двина (Даугава) – 23, Земгале – 28, 230
33, 64

К

Каунас – 38, 41, 55, 69, 81, 84
Клайпеда (Мемель) – 38, 59
Ковенская крепость – 15, 16
Ковно г. – 16
Кокнесе – 222
Кулдига – 265
Кудиркос-Науместис г. – 19

Курессааре (нем. Аренсбург) –
125, 132
Курземе – 28, 230
Курляндская губерния – 31, 226
Курляндия – 9, 23–25, 28, 33, 36,
61, 142, 176, 227

Л

Латвия – 8, 20–21, 27, 31–33, 35–
37, 40, 44–45
Латгале – 225–227, 232
Латгалия – 220, 226, 258
Лестене (Тукумский р-н) – 165
Либава (Лиепая) – 23, 51, 73, 176,
225

Ливония – 224
Литва – 8, 15, 16, 17, 24, 37, 44–45
Литене – 208–209
Лифляндская губерния – 31, 226
Лифляндия – 22, 26, 34, 36. 142,
224–225, 227
Лудзенский р-н – 265

М

Масленки – 236
Малта (юго-восток Латгалии) –
265
Матсалу залив – 85

Митава (Елгава) г. – 23
Моонзунд – 72
Моонзундский архипелаг, ост-
рова – Даго и Эзель – 9, 85

Н

Нарва – 69

П

Палдиски г. – 73
Пылваский уездный суд – 107

Пярнуский уездный суд – 108

Р

Рига – 22, 23, 25, 33, 38, 40–41, 52,
54–55, 59–60, 67, 81, 84, 105, 224, 227, 233
Рижский залив – 72, 77

Резекне – 265
Резекненский р-н – 265

Румбульский лес – 264

С

Сааремаа (Эзель) остров – 73, 130
Саласпилс – 23, 114–116

Т

Талава – 222–223
Таллин (Ревель) – 10, 11, 38, 41, 44, 55, 58–59, 63, 69, 71, 129
Тарту – 13, 81, 125, 130, 132
Тильди ул. – 130
Тирельпурвс болото – 23

У

Ушачско-Лепельская зона – 174, 186

Ф

Финский залив – 72, 86
Финляндия – 40, 61

Х

Хаапсалу – 125, 132
Хийумаа (Даго) остров – 73, 132

Ц

Цесис – 232

Э

Эстония (Эстляндская губерния и северная часть Лифляндской) – 8–12, 20, 35, 37, 44–45
Эстляндия – 26, 227

Ю

Южная Лифляндия (Видземе) – 24

Научное издание

Симиндей Владимир Владимирович

ОГНЕМ, ШТЫКОМ И ЛЕСТЬЮ

Мировые войны
и их националистическая интерпретация в Прибалтике